

Хамовническая районная
И. М.
Карла Маркса
Библиотека-читальня

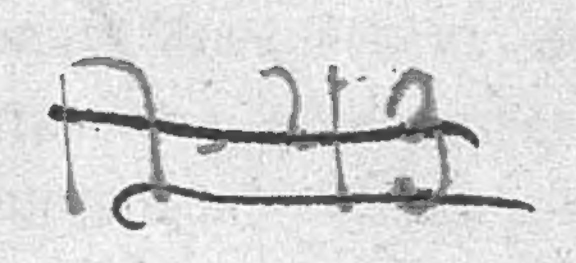

1-е студ: общежитие М. У.
Библиотека

НОРМАНСКІЙ ПЕРІОДЪ

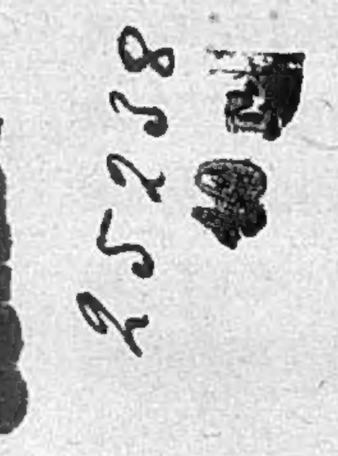
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

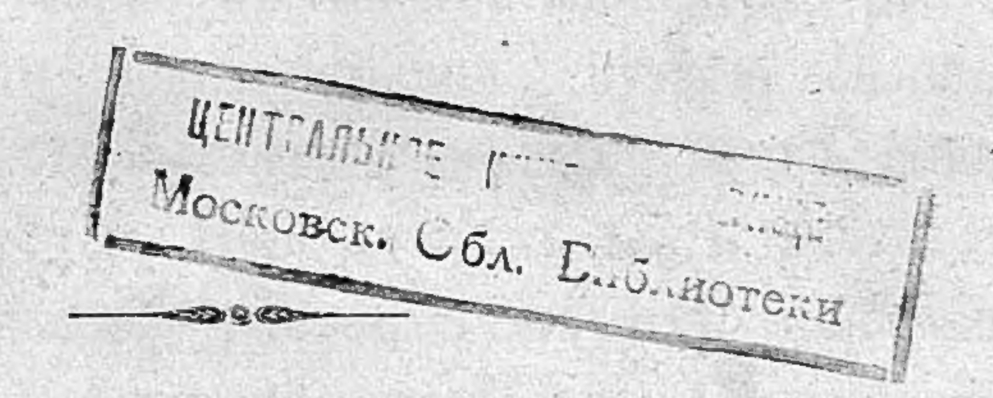

сочиненіе

М. ПОГОДИНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 13 Октября 1859 г.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много лѣтъ тому назадъ началъ я писать Русскую Исторію. Въ 1845 году прочтено было нѣсколько отрывковъ избранному Московскому обществу,—но разныя внѣшнія обстоятельства и собственныя соображенія не дозволяли мнѣ предпринять изданіе. Въ 1854 году, въ разгарѣ восточной войны, рѣшился я напечатать начало по причинамъ, изложеннымъ въ слѣдующемъ предисловіи:

„Современныя обстоятельства требуютъ, кажется, напоминовенія о первоначальной Русской Исторіи: всѣ мысли, всѣ чувства, желанія, молитвы наши, устремлены теперь на Дунай, къ Черному морю, въ Константинополь. А развѣ не туда жъ, какой то непреоборимой, чуткою силой, тянуло молодую Русь, впродолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ ея существованія? Не Царь ли градъ былъ любимою цѣлію древнѣйшихъ князей русскихъ съ ихъ вѣрными дружинами? Аскольдъ и Диръ, Олегъ, Игорь, Святославъ, Володимеръ, Ярославъ, не тамъ ли добыли славы незабвеннымъ именамъ своимъ и озарили ею отечество?

На вратахъ Константинополя повѣсилъ свой щитъ, какъ будто ставя намъ цѣль, нашъ вѣщій *Олегъ*, иже нача первѣе въ Кіевѣ княжити.

Къ *Игорю* на устье Дунайское, присылалъ Константинополь просить мира и обѣщалъ увеличить дань.

"Тамъ есть середина земли моей, тамъ вся благая сходятся, восклицалъ въ царственномъ вдохновеніи нашъ мужественный *Святославъ,* рѣшаясь утвердить свою столицу на Дунаѣ. Не раздаются ли до сихъ поръ подъ Балканами его безсмертныя слова: намъ некуда дѣться! *Волею и неволею мы должны сразиться. Непосрамимъ земли Русской,* и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, *а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко.*" А что отвѣчалъ онъ на угрозу о всемъ войскѣ, которое собиралось на него въ Болгарію изъ Константинополя: „мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, раскинемъ свои шатры предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, — и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно испугать угрозами, и увидимъ кому достанется побѣда."

„Возму градъ вашъ," посылалъ сказать Константинопольскимъ императорамъ *Володимеръ,* если вы не дадите сестры вашей мнѣ въ замужство.

Ту же угрозу повторилъ пылкій *сынъ Ярослава,* которому только ужасная буря воспрепятствовала исполнить свое намѣреніе.

А Черное море? *Черному морю*, которое теперь грозятся отнять у насъ завистливые враги, не было въ древности другаго имени, кромѣ *Русскаго.* Русскія суда, не пароходы, а лодки душегубки, однодеревки, покрывали сплошь его бурныя воды, служа войнѣ и торговлѣ. Черное море было любимымъ поприщемъ неустрашимыхъ Варяжскихъ витязей, ихъ удивительныхъ трудовъ и подвиговъ.

А Дунай? Ахъ *Дунай* ли мой Дунай, тихій Дунай, свѣтъ Ивановичь Дунай, слышится до сихъ поръ по всему пространству Русской земли въ любомъ городѣ и любой деревнѣ.

Но однѣ ли бранныя воспоминанія сопряжены, въ древней Русской Исторіи, съ Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Константинополемъ ?

Тамъ, на востокѣ, начало нашей *вѣры*, которую послѣ перваго похода подъ Царьградъ принесла въ Кіевъ дружина *Аскольда и Дира*.

Туда ходила *Ольга* принять святое крещеніе и знаменательное имя Елены, равноапостольной матери Константинополя.

Оттуда *Володимеръ* получилъ себѣ христіанскою супругою царевну, первое священство и всю церковную утварь.

Оттуда преподобный *Антоній*, прародитель Русскихъ монастырей, ископавшій кіевскія пещеры, принесъ благословеніе Святой Горы и образцы *монашеской жизни*, столько благотворной въ древности.

Наконецъ, для той несчастной Болгаріи, въ коей послѣ четырехъ-сотъ лѣтняго тяжкаго ига только теперь, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ дѣйствующей арміи, раздался первый благовѣстъ и вознесся первый крестъ, — для той несчастной Болгаріи переведено было *Священное писаніе* и всѣ богослужебныя книги безсмертными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Присланные изъ Константинополя, они воздвигли этотъ вѣковѣчный памятникъ Славянскаго языка, основаніе нашей грамотности и нашего просвѣщенія, нами тогда же полученный.

Однимъ словомъ, Константинополь былъ средоточіемъ, *столицею Русской Исторіи*, впродолженіи первыхъ двухъ сотъ ея лѣтъ, — и вотъ эти двѣсти лѣтъ, которыя такъ знаменательно соединяются и сходствуютъ съ нашимъ временемъ, составляя одно цѣлое, одинъ замыкающійся кругъ, рѣшаюсь я предложить теперь любезнѣйшимъ соотечественникамъ, въ отрывкѣ изъ моего труда, какъ начало Русской Исторіи, которой посвящена была вся моя жизнь."
„1854 г., апрѣля 18."

Этого предисловія по тогдашнимъ политическимъ соображеніи оказалось невозможнымъ предпослать изданію, а безъ него изданіе отрывочное лишалось смысла, и я прервалъ печатаніе, оставивъ готовые листы въ типографіи. Нынѣ, чрезъ пять лѣтъ, при совершенной перемѣнѣ обстоятельствъ, оно получило возможность явиться, сдѣлавшись стародавнимъ документомъ, и я рѣшился выдать означенный отрывокъ, какъ особое цѣлое, подъ заглавіемъ: Норманскій періодъ Русской Исторіи, съ приложеніемъ нѣсколькихъ объяснительныхъ разсужденій, — за коимъ можетъ послѣдовать вскорѣ и Удѣльный.

М. ПОГОДИНЪ.

Октября 8. 1859 г.

. . . .

Въ 859 году, какая-то ватага Норманновъ, называвшихся у насъ *Варягами*, приплыла по Балтійскому морю, извѣстному также подъ именемъ *Варяжскаго*, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила данью встрѣченныя ею племена, Славянскія и Финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были выведены изъ терпѣнія насильствомъ пришельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли нести напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незванныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море», и начали по прежнему «владѣть сами въ себѣ», но вскорѣ перессорились между собою, «всталъ родъ на родъ», полилася кровь, и усобицѣ невидать было конца, — а Норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще бо́льшими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбленіе, и наложить иго тяжеле прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ воевавшихъ благая мысль, чтобъ прекратить кровопролитіе: «Поищемъ себѣ Князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать Князя, столько сильнаго, чтобъ онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныя племена отъ внѣшнихъ враговъ?

Здравый смыслъ, народной толкъ, указалъ имъ Норманновъ, которые господствовали по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились вездѣ, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бъ изъ чего, — Норманновъ, о которыхъ слава разпространялась всюду. Да и когожъ въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобъ взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ Норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, Кривичи, Чудь, Весь и Меря, пошли «за море», къ одному Норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое «называлось *Русью*, какъ другія племена назывались Свеями, Англянами, Готами и Мурманами».

Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и володѣть нами, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій, — вѣщія и роковыя слова, которыя сохранили на долго свое значеніе.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сосѣднюю, обильную мѣхами, Біармію или Пермь, знали приманчивую Грецію, куда многіе отъ нихъ часто ѣздили, торговать въ Константинополѣ, и служить по найму въ императорской варангіи или гвардіи: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Илмерь озеро

великое, изъ негоже озера потечетъ Волховъ, и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера устье внидетъ въ море Варяжское».

По этому пути, знаменитому austerweg Норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, нѣкоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники нашлись — согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ , Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, «пояша по собѣ всю Русь», и пришли къ намъ въ 862 году.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЮРИКЪ СЪ БРАТЬЯМИ.

Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, откуда, при истокѣ Невы, всегда удобнѣе было встрѣтить Норманновъ, которые обыкновенно приставали къ этой гавани, извѣстной у нихъ подъ именемъ Альдейгоборга, Синеусъ поселился у Веси на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей.

Война была любимымъ занятіемъ, промысломъ, привычкою и жизнью Норманновъ, и вотъ призванные братья, лишь только утвердились въ новыхъ становыхъ своихъ жилищахъ, какъ и начали «воевать всюду» съ сосѣдними племенами.

Но чрезъ два года меньшіе умерли; старшій, Рюрикъ, наслѣдовалъ ихъ волости, и переселился съ своею дружиною въ *Новгородъ*, главной городъ Словенъ, уже сильный, богатый торговлею, владѣвшій обширною волостью, и имѣвшій свои гражданскія учрежденія,—«и прозвались Новогородцы отъ нихъ, (отъ пришедшей Руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужамъ своимъ Рюрикъ роздалъ, кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро,—съ обязанностію собирать дань, судить и рядить народъ, и приходить къ нему съ воями по требованію. Срубивъ самъ городъ въ Новѣгородѣ, онъ велѣлъ имъ также, по исконному обычаю Норманновъ, рубить вездѣ города или крѣпости, какъ необходимыя точки опоры, гдѣ легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить плѣнниковъ, и сносить добычу.

Мужи Рюриковы разошлись съ своими бранными родичами, которыхъ переселеніе съ Сѣвера продолжалось еще много времени, «и по тѣмъ городамъ», говоритъ древнѣйшая наша лѣтопись, «Варяги вездѣ находники, а первые жители въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Пришельцы составили главную, господствующую часть городовъ Славянскихъ и Финскихъ, и военное сословіе новаго государства. «И тѣми всѣми (пришельцами и туземцами) обладаше Рюрикъ».

Привыкнувшіе къ воли Новогородцы вскорѣ не поладили съ нимъ: «оскорбишася глаголюще: яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и рода его. Того жа лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ много изби Новогородцевъ, совѣтниковъ его».

Двое изъ спутниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, ни князья, ни бояре, выпросились у него съ родомъ своимъ въ Константинополь, служить безъ сомнѣнія въ числѣ императорскихъ тѣлохранителей или сѣкироносцевъ.

Отпущенные, они не попали однакожъ, куда собиралися: пронесясь въ легкихъ ладьяхъ по Днѣпру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся имъ слишкомъ крѣпкими, они остановились подъ крутой горою, на которой, въ сѣни тополей и черешенъ, виднѣлся городокъ...

Осмотрясь и оспросясь они узнали, что городокъ называется Кіевымъ, что строители, три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, умерли, а жители платятъ дань родамъ ихъ Козарамъ.

Искателямъ приключеній понравилось мѣсто при широкой рѣкѣ, текущей прямо въ любезное для нихъ море, на перепутьѣ съ Сѣвера, изъ родины, въ Грецію — такъ тепло здѣсь и привольно, всего ростетъ кажется вдоволь. А жители смирны, воевъ нѣтъ, городокъ не крѣпокъ. Не остаться ли здѣсь?

Вздумано, сдѣлано. Аскольдъ и Диръ остались, а Поляне, самое тихое изъ племенъ Славянскихъ, приняли ихъ къ себѣ безъ прекословія.

Молва разнеслась объ удачѣ. Изъ Новагорода вскорѣ прибыло къ нимъ нѣсколько мужей, ушедшихъ отъ Рюрика. Послѣ могли останавливаться у нихъ проѣзжіе земляки, а другіе приплыть даже нарочно. Число товарищей пригульныхъ увеличивалось безпрестанно: они утвердились и начали владѣть Польскою землею, какъ владѣли ихъ единоплеменники на Сѣверѣ, и, подобно имъ, воевать съ сосѣдями.

Но такихъ легкихъ войнъ вскорѣ стало для нихъ недовольно. Другая мысль запала имъ въ голову, другая мечта овладѣла ихъ живымъ воображеніемъ, достойная Норманской крови. Они вздумали идти на Константинополь, о которомъ чудеса разсказывались на ихъ родинѣ. Миклагардъ, Миклагардъ, великій городъ! Чего тамъ нѣтъ! Какія сокровища вездѣ собраны! Сколько золота и серебра и паволокъ! Что за вина, что за яства! А защита самая плохая. Греческіе воины изнѣжены до того, что имя ихъ у родственныхъ Варанговъ употребляется въ насмѣшку. О жителяхъ и

думать нечего. Путь же не далекъ, морскія бури знакомы. Отъ чего не попытаться? Ходили-жъ ихъ братья прежде и послѣ, на Римъ, на Парижъ , на Лондонъ, на Севиллу. Смѣлость города беретъ. Авось!

Начались приготовленія къ походу. Кликнутъ кличь, который, передаваясь отъ города къ городу, могъ вскорѣ донестися и до отдаленнаго Сѣвера.

Принялись строить лодки,кои выдалбливались изъ одного дерева, и потому назывались у Грековъ однодеревками, а послѣ у казаковъ душегубками. На Царьградъ, на Царьградъ! Стали со всѣхъ сторонъ собираться охотники дѣлить труды, опасности и успѣхи, какъ это случалось обыкновенно при всякомъ большомъ Норманскомъ предпріятіи.

И черезъ два года пустилось по Днѣпру сборное ополченіе, изъ двухъ сотъ лодокъ. Первыя четыреста пятдесятъ верстъ не представляли по рѣкѣ никакого затрудненія. Но вотъ начинаются страшные Днѣпровскіе пороги, продолженіе Карпатскихъ горъ, которые до сихъ поръ препятствуютъ свободному судоходству. Привычные къ водѣ Норманны успѣваютъ кое-какъ пробраться чрезъ всѣ преграды, гдѣ гребя, гдѣ плывя на парусахъ, гдѣ выходя на берегъ, и неся на плечахъ свои легкія лодки. Вотъ открылось раздольное море, и вотъ вдали показался предъ ними и желанный Константинополь.

Быстро и смѣло вошли они «внутрь суду», въ пристань, высадились на берегъ, и принялись убивать и грабить.

Страхъ и трепетъ обнялъ жителей древней столицы, увидѣвшей вдругъ предъ стѣнами своими новыхъ враговъ, «изъ-за горы Тавра». Молодаго Императора Михаила III не было тогда въ городѣ: онъ только что вышелъ на Агарянъ въ Малую Азію. Эпархъ или намѣстникъ послалъ къ нему

извѣстіе, которое настигло его на Черной рѣкѣ. Михаилъ поспѣшилъ воротиться, а Русь оступила уже городъ, и грозила предать все огню и мечу.

Назначено торжественное молебствіе. Всю ночь провели Патріархъ и Императоръ въ Церкви Влахерпской, славной, съ давнихъ временъ, своими чудесами для спасенія града. На другой день, стекшемуся народу, вынесена была съ пѣсньми божественная риза Богородицы и погружена въ воду. «Абіе буря воста», разсказываетъ Греческій лѣтописецъ, «съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ вставшимъ за собѣ безбожныхъ Руси корабль смяте, къ берегу приверже, и изби я, яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избѣгнути, во свояси возвратишася». Тогда-то Греческая Церковь воспѣла: Взбранной воеводѣ побѣдительная....

Неудалось дерзкое предпріятіе, дорого заплатили безстрашные витязи за свои сладкія мечтанія; суда ихъ разметало бурею, большая часть вѣрныхъ товарищей нашла себѣ смерть въ волнахъ Чернаго моря, но имя Руси огласилось въ мірѣ: «начаша прозывати Русска земля. О семъ бо увѣдахомъ», говоритъ лѣтописецъ, «яко при семъ Цари (Михаилѣ) приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ».

Неудалось дерзкое предпріятіе: ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, ни паволокъ, не привезли домой удалые Варяги, но они привезли сокровище драгоцѣннѣе золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и паволокъ; они привезли сѣмя Христіанской вѣры для будущаго Государства, котораго начало началось въ Новѣгородѣ съ прибытіемъ перваго князя Рюрика, какъ родоначальника Русскихъ Государей.

Патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ объ ихъ обращеніи въ слѣдующихъ словахъ грамоты, писанной имъ къ Восточ-

нымъ Епископамъ въ 866 году: «Россы, славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому».

И Священное писаніе со всѣми богослужебными книгами, къ счастію новыхъ Христіанъ, было только что переведено тогда на Славянскій языкъ для сосѣдней Болгаріи, двумя братьями, жителями Селунскими, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Проповѣдники Болгарскіе могли принесть намъ Божественное слово на родномъ нарѣчіи, въ основаніе Русскаго духовнаго просвѣщенія.

А что происходило между тѣмъ на Сѣверѣ? Неужели Рюрикъ оставался, сложа руки, въ Новѣгородѣ? Можетъ быть онъ принималъ участіе въ Норманскихъ походахъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, въ Германіи, Франціи и Англіи, можетъ быть распространялъ предѣлы Новогородскаго владычества на востокѣ и югѣ, къ сторонѣ Уральскихъ горъ. Можетъ быть впродолженіи семнадцати лѣтъ онъ успѣлъ и тамъ и здѣсь поработать. Кіевская лѣтопись молчитъ объ этихъ дѣйствіяхъ, сообщая одно извѣстіе объ его кончинѣ, въ 879 году, предъ которою онъ отдалъ на руки только что родившагося сына Игоря, — (слѣдовательно онъ былъ еще тогда въ порѣ полнаго мужества), — родственнику своему Олегу, емуже предалъ и свое княженіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ОЛЕГЪ.

Олегъ, молодой, пылкій, дѣятельный, не долго усидѣлъ на мѣстѣ. Жажда ли дѣятельности, врожденная Норманну, желаніе найдти другое жилище удобнѣе и веселѣе низменныхъ болотъ сѣверныхъ, или распри съ строптивыми Новогородцами, были причиною, а онъ вскорѣ снарядился въ походъ. Народное преданіе придаетъ ему много воевъ: Варяговъ, Чудь, Словенъ, Мерю, Весь, Кривичей. Пошелъ онъ по тому обыкновенному пути, по которому издавна носилися къ югу сѣверные скитальцы. Малолѣтняго Игоря взялъ онъ съ собою, какъ будто рѣшаясь не возвращаться въ Новгородъ.

На Днѣпрѣ занялъ Олегъ Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, и посадилъ тамъ мужа своего; поплылъ далѣе внизъ, и взялъ Любечь, гдѣ посадилъ также своего мужа. Наконецъ представился ему Кіевъ, на которой зарился онъ можетъ быть и прежде издали. Надо взять и его?

Но городъ былъ крѣпокъ, утвержденный опытными Варягами. Осаждать его — понадобилось бы много времени; брать на щитъ успѣхъ сомнительный, или по крайней мѣрѣ неизвѣстный: у Аскольда и Дира была своя храбрая дружина, а уступить безъ бою они не могли такое завидное владѣніе, принадлежавшее имъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Олегъ рѣшился на хитрость, къ которой въ нужныхъ случаяхъ любили прибѣгать его соотечественники: онъ оставилъ часть своихъ лодокъ позади, въ прочихъ схоронилъ вои, и приплылъ подъ Угорское. Такъ называлась ближайшая гора къ Кіеву, гдѣ недавно стояли вежами Угры, (Венгры), шедшіе въ Европу съ востока чрезъ горы великія.

Отсюда послалъ онъ къ Аскольду и Диру звать ихъ къ себѣ въ ладыо, выдавая себя за проѣзжаго гостя, плывущаго въ Константинополь отъ князя Олега и княжича Игоря изъ Новагорода: «Пріидѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Легковѣрные подались на обманъ. Они вышли изъ своей крѣпости, съ немногими провожатыми, спустились съ горы, приблизились къ ладьямъ на берегъ. Вдругъ выскочили спрятанные воины и бросились на нихъ. Показался и самъ Олегъ. Вы не князья и не княжескаго рода, сказалъ имъ гордый Норманнъ, уважавшій больше всего благородство, а я князь, и вотъ сынъ Рюриковъ, прибавилъ онъ указавъ на вынесеннаго между тѣмъ ребенка Игоря. Несчастные пали въ тоже мгновеніе подъ мечами убійцъ. Тѣла ихъ отнесли на гору, и тамъ погребли. До сихъ поръ еще въ Кіевѣ указываютъ эти печальныя могилы. На мѣстѣ погребенія Аскольдова нѣкто Ольма построилъ впослѣдствіи церковь св. Николая, а Дирова могила находится за монастыремъ Св. Ирины, – какъ-будто въ память ихъ христіанства.

Смирные Поляне поддались спокойно новому пришлецу, какъ прежде Аскольду и Диру, и «сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ».

Онъ такъ полюбилъ доставшійся ему городъ, что рѣшился прекратить свой неопредѣленный путь, и водвориться здѣсь навсегда: «се буди мати градомъ Русскимъ», сказалъ Олегъ. «Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью».

Имя Руси сдѣлалось тогда принадлежностію Кіева, откуда начало расширяться далѣе и далѣе, не найдя еще своихъ предѣловъ....

Чтобъ утвердить свою власть Олегъ началъ ставить города въ новомъ княжествѣ, какъ ставилъ ихъ Рюрикъ съ

своими мужами на Сѣверъ. Потомъ опредѣлилъ онъ дани Словенъ, Кривичей и Мери, то-есть раздѣлилъ землю на участки, (вѣроятно тысячи), и назначилъ, куда какой участокъ долженъ тянуть, къ какому городу, и сколько представлять дани. Сверхъ того указалъ онъ, чтобъ Новогородцы, оставшіеся безъ защиты, платили заморскимъ Варягамъ ежегодно триста гривенъ, или полтораста фунтовъ серебра, «мира дѣля».

Устроивъ такимъ образомъ домашнія дѣла, Олегъ, истый Норманъ, началъ свои военные поиски. Всякой годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, отправлялся онъ на добычу въ быстрыхъ ладьяхъ, по рѣкамъ въ него впадающимъ, справа и слѣва, и распространялъ предѣлы дани, заставляя мирныя и тихія племена Славянскія, одно за другимъ, признавать свою власть.

Въ 883 году, по Днѣпру, Припети и Ушѣ, онъ напалъ на Древлянъ, (жившихъ въ нынѣшней Волынской губерніи), и «примучивъ ихъ» опредѣлилъ давать по черной кунѣ.

Въ 884 году, по Деснѣ, ходилъ онъ на Сѣверянъ, (въ Черниговской губерніи), побѣдилъ ихъ, и возложилъ дань легкую, велѣвъ только отказаться отъ Козаръ. Олегъ сказалъ: я врагъ имъ, а не вамъ.

Въ 885 году, послалъ онъ спросить къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, (въ Могилевской губерніи): кому даете дань? Они отвѣчали: Козарамъ. Олегъ сказалъ: не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, — и Радимичи дали ему по щлягу, какъ платили прежде Козарамъ.

Всѣ эти племена, равно какъ и Дулебы, обитавшіе по Бугу, Хорваты, далѣе на западъ, къ горамъ Карпатскимъ, покорялись ему безъ сопротивленія, а съ Уличами и Тиверцами, жившими по Днѣстру, до моря, (въ Подольской губерніи), онъ долженъ былъ воевать.

Такъ далеко успѣлъ Олегъ въ короткое время разнести славу своего оружія, столько племенъ посчастливилось ему подчинить себѣ, но онъ не былъ доволенъ сими мирными завоеваніями. Чего же ему хотѣлося болѣе? Царьградъ, — вотъ куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевныя мысли всѣхъ Варяговъ, вотъ гдѣ надѣялись они пріобрѣсти самую лестную для себя славу и самую богатую добычу, вотъ о какомъ походѣ думалъ и Олегъ.

Среди приготовленій, въ 903 году, женилъ онъ Игоря, вскормленника своего, бывшаго и по возрастѣ въ полномъ у него повиновеніи, приведя ему жену изъ Плескова, Варяжскаго рода, именемъ Ольгу. Древнее преданіе такъ разсказываетъ объ этой женитьбѣ: Игорь узналъ случайно свою суженую,—онъ охотился по лѣсамъ за звѣрями въ Псковской области, и ему понадобилось переправиться съ одного берега рѣки на другой; издали увидѣлъ онъ плывущую внизъ лодку, подозвалъ къ себѣ, и велѣлъ перевезти. Лодкою правила молодая Ольга, прекрасная собою. Князь прельстился ею, но не получилъ согласія: она осыпала его упреками и грозила даже броситься въ рѣку. «И абіе Игорь отложи юношеское мудрованіе свое», по свидѣтельству ея житія, «наипаче же со стыдѣніемъ и молчаніемъ пренде рѣку, внимая себѣ о таковыхъ (ея совѣтахъ) до времени, и оттолѣ паки иде въ Кіевъ.» Когда пришла пора ему жениться, онъ вспомнилъ объ этой встрѣчѣ, и Ольга приведена была ему изъ Плескова.

Греческій такъ называемый путь, равно какъ и Восточная Имперія, съ своими средствами защиты, становился въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ извѣстнѣе. Гости и воины, дружинами и по одиначкѣ, плавали безпрестанно взадъ и впередъ, съ Сѣвера въ Константинополь, и изъ Константинополя на Сѣверъ, въ Новгородъ, Швецію, Данію и Норвегію, гдѣ до

сихъ поръ многочисленные руническіе камни съ ихъ именами свидѣтельствуютъ о количествѣ древнихъ путешественниковъ и живости сообщенія. Олегъ разсчелъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, припоминая вмѣстѣ и неудачу Аскольда и Дира, что съ двумя стами судовъ нельзя думать объ успѣшномъ нападеніи: двѣ тысячи ладей наготовили ему Кривичи и прочіе Славяне, которые, по свидѣтельству Греческаго Императора Константина Багрянороднаго, нарубавъ зимою по горамъ лѣсъ, строили ихъ обыкновенно у себя дома, и потомъ по вскрытіи воды сплавливали въ ближнія озера, а оттуда въ Днѣпръ, до Кіева; тамъ покупала ихъ Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями, собственнаго издѣлія, и снаряжала для плаванія.

Долго собирался Кіевскій князь съ силами, и уже въ 906 году, слѣдовательно чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ по водвореніи своемъ въ Кіевѣ, оставя Игоря въ Кіевѣ, «иде Олегъ на Греки, поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Меро, и Поляны, и Сѣверо, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулѣбы и Тиверцы».

Константинъ, почти современникъ, описалъ обыкновенное торговое плаваніе Руси подъ Константинополь, которое можетъ подать намъ понятіе о трудностяхъ, предлежавшихъ военному многочисленному нашествію. Вотъ собственныя его слова, живо изображающія удалыхъ Варяговъ съ ихъ пріемами, обычаями и даже языкомъ.

«Снарядивъ суда, Русь спускалась по Днѣпру до Витичева, «крѣпкаго мѣста при рѣкѣ, которое платило имъ дань. Здѣсь «оставались они дни два и три, пока всѣ суда соберутся, а «потомъ продолжали путь до Днѣпровскихъ пороговъ. «Первой порогъ называется *Ессупи*, что по Русски и по «Славянски толкуется *не спать*. Порогъ сей узокъ,... «однако же въ срединѣ его есть утесистыя высокія скалы,

«имѣющія видъ островов. Вода дошедъ до нихъ поднимается и низвергается съ величайшимъ и ужаснымъ шумомъ. По сей причинѣ, Руссы не отваживаются проходить «чрезъ него, но приставъ вблизи къ берегу, высаживаютъ «людей, а прочія вещи оставляютъ въ судахъ. Такимъ обра-«зомъ, идутъ они нагіе въ водѣ, щупая ногами, чтобы не «наткнуться гдѣ нибудь на камень, а между тѣмъ другіе «подвигаютъ веслами носъ, иные середину, а иные корму «судовъ, и такимъ образомъ съ величайшею осторожностію «проходятъ сей первый порогъ въ углу онаго и у берега рѣки.

«Прошедъ порогъ, берутъ они остальныхъ людей съ «берега, и плывутъ далѣе ко второму порогу, по Русски «*Улворси*, по Славянски *Островуниправъ*, что значитъ *ост-«ровъ порога*; онъ также опасенъ и затруднителенъ для «прохода, и они опять высаживаютъ людей, и поступаютъ «съ судами, какъ прежде.

«Такимъ же образомъ переходятъ они и третій порогъ, «называющійся *Геландри*,... что по Славянски значитъ «*звукъ порога*.

«Послѣ приходятъ они къ четвертому и большему по-«рогу, который называется по Русски *Ейфаръ*, по Славян-«ски *Неаситъ*, отъ того, что въ скалахъ его водятся *пели-«каны*. Къ этому порогу всѣ суда пристаютъ переднею ча-«стію, также выходятъ всѣ люди, избираемые для содержа-«нія здѣсь стражи, и становятся на притинахъ. (Здѣсь «они содержатъ бдительную стражу отъ Печенѣговъ). «Прочіе же вынимаютъ изъ судовъ вещи, также скован-«ныхъ невольниковъ, и отводятъ ихъ на берегъ разстояніемъ «на 6000 шаговъ, пока не пройдутъ порога. Послѣ этого, «суда свои частію тащатъ, частію несутъ на плечахъ до «противоположной стороны порога. Тутъ опять спускаютъ «ихъ на воду, садятся въ нихъ со всѣмъ имуществомъ, и плы-«вутъ далѣе.

«Дошедъ до пятаго порога, называющагося по Русски «*Баруфоросъ*, по Славянски *Вулнипрагъ*, отъ того, что онъ «составляетъ *большое озеро*, переводятъ они опять свои суда «въ уголъ рѣки, какъ при первомъ и второмъ порогахъ, «и достигаютъ шестаго, который называется по Русски «*Леанти*, а по Славянски *Веруци*, т. е. *кипѣніе жидкости*. «И сей порогъ проходятъ они такимъ же образомъ, и доплываютъ до седьмаго, по Русски *Струбунъ*, по Славянски «*Напрези*, что значитъ *малый порогъ*.

«И доходятъ до такъ называемаго *Крарійскаго перевоза*, «гдѣ перевозятся *Херсонцы* изъ Руси, и *Печенѣги* въ Херсонь. Перевозъ этотъ шириною съ *Гипподромъ*, а высота «(берега), усматриваемая глазомъ съ низу, такова, что стрѣла «пущенная изъ лука, оттуда прямо ея достигаетъ. (По сей «причинѣ приходятъ сюда Печенѣги для нападенія на Русь).

«Прошедъ это мѣсто, пристаютъ они къ острову, который называется именемъ *св. Григорія*. Здѣсь приносятъ «они свою жертву потому, что тамъ стоитъ отмѣтной «величины дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ «птицъ; ставятъ кругомъ стрѣлы, а иные кладутъ куски «хлѣба и мяса, и что у кого есть, какъ то у нихъ водится. «Также мечутъ жребій о птицахъ, убивать ли ихъ и ѣсть, «или оставлять въ живыхъ.

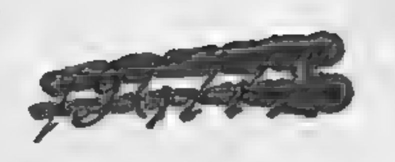
«Чрезъ четыре дня достигали они Днѣпровскаго устья, въ «которомъ лежалъ островъ Св. Еиферія (нынѣ Березань). «Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня, снабжая «свои суда потребными вещами, а именно парусами, «мачтами и руками, что все привозили съ собою. Потомъ «подавались къ Днѣстру, гдѣ еще отдыхали. Отсюда, если вѣтеръ былъ попутный, плыли на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой, «гдѣ оставались нѣсколько времени, и продолжали путь къ «Селинѣ, которая есть не что иное, какъ рукавъ рѣки Дуная. «Далѣе не было для нихъ уже никакой опасности».

Олегъ счастливо преодолѣлъ всѣ препятствія и явился подъ стѣнами Константинополя. Греки заградили пристань цѣпью отъ Акрополя до Галатской башни, а городъ заперли. Олегъ вышелъ на берегъ, и воины его, съ огнемъ и мечемъ, разсыпались по окрестностямъ, жгли церкви, разбивали палаты, а плѣнныхъ рубили, разстрѣливали, бросали въ море. По свидѣтельству Византійскихъ лѣтописателей, устрашенные Греки обратились съ просьбою о мирѣ къ Русскому Князю, на какихъ ему угодно условіяхъ, лишь бы только прекратить кровопролитіе и опустошеніе.

Олегъ отступилъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, и послалъ къ Императорамъ Льву и Александру мужей своихъ—Карла, Фарлафа, Вельмуда, Рулава и Стемида, съ требованіемъ, чтобъ они обязались платить ему дань.

Греки спросили, сколько хотятъ они. Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на ключь или лодку, (что составило около трехсотъ пудъ серебра), укладовъ на всѣ Русскіе города, Кіевъ, Черниговъ, Переславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь, и прочіе города, гдѣ сидѣли Князья подъ его рукою сущіе, то есть, на все племя Русское, все военное сословіе, по городамъ разселившееся. Потребовалъ, чтобъ Греки выдавали Русскимъ словамъ сольбное, всего, чего они ни пожелаютъ, чтобъ Русскихъ гостей довольствовали они въ Константинополѣ впродолженіи полугода мѣсячиною — хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, виномъ, овощами, позволяли имъ ходить въ бани, сколько угодно. Потребовалъ, чтобъ Греки снабжали Русь для возвратнаго пути якорями, веревками (ужа), парусами (прѣ) и съѣстными припасами, сколько чего понадобится.

Греки соглашались на все. Императоры просили только, чтобъ Русь, приходящая безъ дѣла, не требовала мѣсячины, и чтобъ прочимъ Князь приказалъ словомъ своимъ не буй-

ствовать по селамъ. Они должны останавливаться въ предмѣстіи Св. Мамы за стѣною, гдѣ чиновники царскіе будутъ переписывать имена ихъ, и выдавать имъ ихъ мѣсячное, первое отъ Кіева, потомъ Чернигова, Переславля и отъ прочихъ городовъ. Они должны входить въ городъ въ сопровожденіи царскаго пристава, не болѣе какъ по пятидесяти человѣкъ, безъ оружія, и покупать что имъ вздумается, не платя ни за что мыта (пошлинъ).

Императоры, Левъ и Александръ, обязывались платить дань, присягнули въ соблюденіи договоровъ, и поцѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его приведены были на роту (къ присягѣ) по Русскому закону: они клялись своимъ оружіемъ и Перуномъ, богомъ своимъ, также Волосомъ, скотіимъ богомъ. Такимъ образомъ миръ былъ утвержденъ. Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, «показующе побѣду».

Такъ кончился этотъ знаменитый походъ. Счастіе благопріятствовало смѣлому Олегу, и онъ достигнулъ своей цѣли: заставилъ трепетать Константинополь; заставилъ Императоровъ просить униженно мира, исполнить всѣ его желанія, и платить ему дань; получилъ богатую добычу для себя, для своихъ мужей, воиновъ, и для всего своего племени, вытребовалъ важнѣйшія преимущества для Руси на будущее время при всѣхъ сношеніяхъ ея съ Греціей, государственныхъ и торговыхъ.

Весело отправилось торжествующее войско домой въ обратный путь, — «и приде Олегъ Кіеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье».

Подданные встрѣтили его съ радостію и прозвали вѣщимъ. Слава объ его подвигахъ пронеслась уже всюду. Дружина разсказывала чудеса. Жители съ удивленіемъ переда-

вали изъ уста въ уста эти разсказы, какъ Олегъ съ двумя тысячами лодокъ перебрался черезъ Днѣпровскіе пороги, какъ, явясь передъ Константинополемъ, велѣлъ онъ вытащить всѣ свои суда на берегъ, поставилъ на колеса, и вспявъ (распустивъ) паруса, при попутномъ вѣтрѣ, подкатился подъ городскія стѣны; какъ напугалъ Грековъ; какъ угадалъ отраву въ присланныхъ отъ нихъ брашнахъ; какъ представился имъ какимъ-то святымъ, насланнымъ отъ Бога съ того свѣта наказать ихъ за грѣхи; какъ повѣсилъ онъ свой щитъ на вратахъ Константинополя; какъ на возвратномъ пути велѣлъ онъ любезной своей Руси исшить парусы парчевыя (прѣ паволочитыя), а Словенамъ кропинныя, которые тотчасъ и разодрались вѣтромъ, и Словене говорили: «имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словеномъ прѣ кропинныя.»

Такіе разсказы сдѣлались народною собственностію; всякой передавалъ ихъ по своему, прибавляя и убавляя по усмотрѣнію; изъ нихъ безъ сомнѣнія сочинились пѣсни или саги по замышленіямъ боянимъ, которыя и дошли до перваго нашего лѣтописателя, передававшаго ихъ въ своей лѣтописи, съ простодушнымъ заключеніемъ: «бяху бо людіе погани и невѣгласи».

Чрезъ пять лѣтъ по возвращеніи Олега, вслѣдствіе умножившихся отношеній между Русью и Греками, оказалось нужнымъ для обѣихъ сторонъ постановить разныя правила. Кіевской Князь отправилъ «мужи свои построити мира, и положити ряды межи Греки и Русью, равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ».

Посольство заключило письменный договоръ, до насъ дошедшій, одинъ изъ древнѣйшихъ, драгоцѣннѣйшихъ документовъ Европейскихъ, и вмѣстѣ памятниковъ на-

шей письменности, подающій ясное понятіе о гражданскомъ устройствѣ молодаго государства,—такаго содержанія:

Посланные отъ Олега, Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ и великихъ князей, къ вамъ, Льву, Александру и Константину, Царямъ Греческимъ.

Первымъ словомъ, да умиримся съ вами, Греки, и недопустимъ никого изъ нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ. Такъ и вы храните къ свѣтлымъ князьямъ нашимъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою князя нашего, любовь непреложную.

Проказа (вредъ) доказывается свидѣтельствами; отвѣтчикъ клянется по вѣрѣ своей; за ложную клятву наказаніе.

Если убьетъ Христіанинъ Русина, или Русинъ Христіанина, да умретъ на мѣстѣ.

Если убійца убѣжитъ, то имущество его отдается ближнему убіеннаго, кромѣ женниной доли. Неимущій убійца остается подъ судомъ, (держится тяжи), пока найдется, и тогда умретъ.

Если ударитъ кто кого мечемъ, или ушибетъ какимъ-нибудь сосудомъ, то платитъ пять литръ серебра по закону Русскому; неимущій долженъ отдать все что имѣетъ, до послѣдняго платья, въ которомъ ходитъ, и поклясться, что заплатить за него некому; тѣмъ и кончится тяжа.

Если украдетъ что Русинъ у Христіанина, или Христіанинъ у Русина, и пойманный въ кражѣ окажетъ сопротивленіе, то обокраденный можетъ убить его и взять свое.

Если отдастъ украденное, и будетъ связанъ, долженъ воротить втрое.

Если Христіанинъ или Русинъ станетъ обыскивать насильно, и возметъ чужее, то долженъ отдать втрое.

Если выбросится Греческая ладья вѣтромъ великимъ на чужую землю, гдѣ случится быть Руси, и найдется кто снабдить ее съ рухломъ своимъ и отослать домой, то мы обязываемся проводить ее сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго.

Если за бурею, или земнымъ бороненіемъ боронима, она не можетъ дойдти до своихъ мѣстъ « спотружаемся гребцамъ мы Русь » и допроводимъ съ куплею поздорову, по близости отъ земли Греческой.

Если же случится проказа близь Русской земли, то должны мы проводить ее въ Русскую землю; и продать рухло, а придя къ вамъ съ куплею, или въ сольбу къ царю вашему, представить вырученное съ честію.

За покражу и убійство на такой ладьѣ, виноватые изъ насъ Руси отвѣчаютъ преждереченною эпитимьею.

Плѣнныхъ проданныхъ, гдѣ окажутся, выкупать Руси и Грекамъ, за что проданы, или по челядинной цѣнѣ, и возвращать коегождо въ свою страну.

Въ случаѣ войны, когда будетъ нужна помощь, желающіе почестить царя вашего, и остаться у него на службѣ, своею волею да будутъ.

Плѣнные выкупаются по 20 золотыхъ.

Украденный или бѣглый или купленный челядинъ возвращается въ Русь по жалобѣ; если у гостя пропадетъ челядинъ, то можетъ его отыскивать; кто противится обыску, тотъ погубитъ правду свою.

Послѣ Русина, умершаго въ Греціи на службѣ у царя, не урядивъ имѣнія своего, наслѣдство возвращается въ Русь къ милымъ ближнимъ; а уряженное отдается, кому писалъ, отъ Руси приходящей или удолжающей (то есть пребывающей въ Греціи).

Бѣглый злодѣй, по востребованіи, долженъ быть возвращенъ въ Русь, бывъ пойманъ, хотя-бъ и не желалъ того.

«Си же вся да творять Русь Греком идѣже аще ключится таково. Мѣсяца Сентября во 2, въ недѣлю 15, въ лѣто созданья 6420» (912).

Царь Левъ одарилъ пословъ золотомъ, паволоками и фофудьями, и желая привлечь Русь къ Христіанской вѣрѣ, которую Греки всегда почитали вѣрнѣйшимъ средствомъ обуздывать дикіе народы, угрожавшіе ихъ царству, велѣлъ «показать имъ церковную красоту, и полаты златыя, и сущее въ нихъ богатство... и страсти Господни, и вѣнецъ, и гвоздіе, и хламиду багряную, и мощи святыхъ».—Путеводители толковали любопытной Руси все ею видимое и учили вѣрѣ своей. Послы по окончаніи всѣхъ дѣлъ отпущены были домой съ великою честію.

Послѣдніе годы своей жизни Олегъ провелъ въ покоѣ: « и живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ ».

О кончинѣ его ходило въ народѣ также чудесное преданіе, какъ и объ жизни; разсказывали, что онъ нѣкогда въ молодости спрашивалъ волхвовъ, кудесниковъ, отъ чего приключится ему смерть. Одинъ кудесникъ отвѣчалъ, что смерть ему приключится отъ любимаго коня. Такъ я не сяду же на него никогда, и удалю съ глазъ моихъ, подумалъ Олегъ, и велѣлъ кормить коня на своей конюшнѣ, но никогда не приводить къ себѣ. Прошло много времени. Олегъ ходилъ на Грековъ и воротился. На пятой годъ по возвращеніи въ Кіевъ вспомнилъ онъ о любимомъ своемъ конѣ, призвалъ старѣйшину конюхомъ и спросилъ: гдѣ конь мой, котораго велѣлъ я тебѣ кормить и блюсти ? Тотъ отвѣчалъ, что конь давно умеръ. Тогда Олегъ разсмѣялся и укорилъ кудесника: не надо вѣрить волхвамъ, все то ложь, что говорятъ они, вотъ конь мой умеръ, а я живъ. И захотѣлось ему видѣть кости его. Онъ поѣхалъ. Ему ука-

зали голыя кости и голой лобъ. Олегъ слѣзъ съ коня и ступилъ ногою на черепъ примолвивъ: не отъ этого ли лба взять мнѣ смерть,—какъ вдругъ выникнула оттуда змѣя, и укусила его въ ногу. Онъ разболѣлся и умеръ. «И плакашеся по немъ вси людіе плачемъ великимъ, и несоша и҆, и погребоша и҆ на горѣ, иже глаголеться Щековица. Есть же могила его до сего дня», говоритъ лѣтописатель Несторъ, «словеть могила Олгова» (912).

Олегу, кажется—бездѣтному, наслѣдовалъ сынъ Рюриковъ Игорь.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Подданныя племена попытались было отложиться (913), привязанныя слабыми узами къ Кіеву, но Игорь сходилъ на Древлянъ (914), и возложилъ на нихъ дань больше Олеговой.

Новый Князь долженъ былъ отличиться какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ. Игорь вздумалъ идти въ дальнюю сторону, куда не ходили еще Варяги, на Востокъ, познакомиться съ другимъ моремъ, еще не извѣстнымъ, Каспійскимъ, и провѣдать, что обрѣтается на его берегахъ. Восточныя страны были давно извѣстны въ Кіевѣ: «Тѣмъ же изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на востокъ доити въ жребій Симовъ», свидѣтельствуетъ Несторъ лѣтописатель о древнѣйшемъ времени. Молва о Востокѣ могла доноситься до Кіева и чрезъ Русскихъ купцевъ, торговавшихъ съ Козарами въ Итилѣ, на устьѣ Волги, какъ другіе торговали въ Константинополѣ и на Сѣверѣ.

Игорева Русь поплыла на пяти стахъ судахъ по Днѣпру въ Черное море, изъ Черняго моря поворотили они

не на право, какъ обыкновенно дѣлали въ походахъ на Грецію, а на лѣво, вверхъ, въ Азовское море, чрезъ Босфоръ Киммерійскій, а потомъ поднялись вверхъ по Дону до пограничной крѣпости Саркела или Бѣлой вѣжи, построенной для Козаровъ Греческими мастерами. Отъ Саркела послали они просить Кагана, чтобъ онъ позволилъ имъ пройти чрезъ его владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ море Каспійское, обѣщая ему половину добычи, что возмутъ съ прибрежныхъ странъ.

Каганъ позволилъ. Русь добралась волокомъ до Волги, а Волгой, не то что Днѣпромъ, было ей съ пола-горя прокатиться до желаннаго раздолья морскаго.

Здѣсь, по извѣстію современныхъ Арабскихъ писателей, разсыпались они ватагами во всѣ стороны, и выходили на берегъ толпами въ Джилѣ (Гиланѣ), Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абискунѣ и Нефтяной землѣ, до самой области Адербейджанской. Вездѣ проливали они кровь, захватывали въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили, предавая остальное огню и мечу.

Возстенали всѣ народы, обитавшіе около этого моря, говоритъ современный Арабскій писатель Массуди, и возопили о помощи: съ незапамятныхъ временъ не видывали они никакаго врага, который нападалъ бы на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

Обитатели Гилана и Дейлема вооружились. Къ нимъ присоединились прибрежные жители Джорджана. Подошли вои изъ Берды, Аррана, Бейлекана и Адербейджана. Русь билась со всѣми, одолѣвала всѣхъ, напирала впередъ, и достигла Баку.

Возвращаясь на суда послѣ своихъ набѣговъ, онѣ искали обыкновенно убѣжища на островахъ, противъ

Нефтяной земли, гдѣ было устроено у нихъ складочное мѣсто добычи. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Али, сынъ Гайсемовъ.

Снарядилось наконецъ общее ополченіе, и отправилось противъ нихъ къ островамъ, на лодкахъ и купеческихъ судахъ. Русь ударила въ противниковъ, и разбила. Нѣсколько тысячъ Мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло въ волнахъ. Съ тѣхъ поръ нѣсколько мѣсяцевъ хозяйничала Русь спокойно на Каспійскомъ морѣ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ немогъ предпринять ничего противъ нихъ. Все приморское населеніе стояло только на стражѣ, опасаясь ежечасно ихъ нападенія.

Награбясь до избытка, со множествомъ плѣнницъ, Русь отправилась обратно къ устью Волги, и послала впередъ къ Кагану Козарскому условную часть добычи.

Аларесія (его гвардія) и другіе Мусульмане, жившіе въ странѣ Козарской, узнавъ по слуху о неистовствахъ Руси, приступили къ Кагану; позволь намъ, говорили они, отомстить этому племени. Они вторглись въ земли братьевъ нашихъ Мусульманъ, пролили кровь ихъ, поплѣнили женъ и дѣтей.

Царь не въ силахъ былъ удержать раздраженное населеніе, и только предъувѣдомилъ Русь о враждебныхъ намѣреніяхъ Мусульманъ. Сіи послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища встрѣтить непріятеля. Многіе Христіане изъ Итиля къ нимъ присоединились.

Завидѣвъ ихъ Русь сошла съ судовъ, и выстроилась въ боевой порядокъ на берегу. Число противниковъ простиралось до пятнадцати тысячъ вооруженныхъ и конныхъ. Бой длился три дня и наконецъ Мусульмане побѣдили. Русь была побита мечемъ, другіе, спасаясь на суда, потонули. Только

три тысячи спаслось, переправясь на другую сторону рѣки, смежную съ землею Буртасовъ (нынѣшнихъ Чувашей). Здѣсь они вышли на берегъ и были истреблены Буртасами, а отчасти Булгарами Мусульманами, въ странѣ которыхъ искали себѣ убѣжища. Вся ихъ добыча, плоды тяжелыхъ трудовъ, достались въ чужіе руки. Избѣгли меча только немногіе.

Силы Кіевской Руси разстроились совершенно вслѣдствіе этого пораженія, и вотъ почему, вѣроятно, лѣтопись наша молчитъ двадцать пять лѣтъ объ ея дѣйствіяхъ, извѣщая только о краткой войнѣ съ Печенѣгами.

Это кочевое Турецкое племя, подвинувшись изъ-за восточныхъ низовей Волги, заняло въ то время южное перепутье всѣхъ своихъ предшественниковъ—Гунновъ, Угровъ, Аваровъ, нынѣшнія Новороссійскія степи, и съ 915 года начало набѣгами своими тревожить Русскія владѣнія, хотя Игорь, бывъ съ ними сначала въ мирѣ, и указывалъ имъ путь къ Дунаю, гдѣ, по лѣвому берегу, господствовали уже ихъ соотечественники.

Торговыя сношенія Руси съ прочими Восточными племенами не прерывались, не смотря на это несчастное событіе, и вотъ что разсказываетъ намъ объ нихъ Арабскій географъ XIII вѣка Якутъ, въ дополненіе нашихъ свѣдѣній объ этомъ племени, вошедшемъ въ составъ нашего государства:

«Ахмедъ, сынъ Фодлана, посланный (въ 922 году) Ка-«лифомъ Муктедиромъ изъ Багдада къ Царю Болгаровъ, «описалъ видѣнное имъ на пути; я читалъ его записки, и «сообщаю оныя здѣсь не безъ удивленія.

«Я видѣлъ Русскихъ купцевъ, — говоритъ онъ, — «въ «пристани рѣки Итиля (Волги). Росту они высокаго и

«стройны какъ пальма; тѣло у нихъ красное. Они не но-«сятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ: мужчина накидываетъ «на себя съ боку грубую одежду, такъ, что одна рука «остается свободною. У всякаго топоръ, большой ножъ и «мечь. Никогда не ходятъ они безъ оружія. Мечи ихъ «широки и работы Франкской, съ насѣчкою. У всякой «женщины привязана на груди маленькая коробочка, же-«лѣзная, мѣдная, серебренная или золотая, соразмѣрно съ «достаткомъ ея мужа. На коробочкѣ кольцо; къ кольцу «привязанъ ножъ. На шеѣ цѣпи золотыя и серебряныя. «Мужъ, имѣющій десять тысячь драхмъ, заказываетъ для «жены цѣпь золотыхъ дѣлъ мастеру; пріобрѣтая еще «десять тысячь даетъ ей вторую, и такъ далѣе. Посему «богатыя Русскія жены носятъ множество цѣпей. Глав-«нымъ ихъ украшеніемъ считается зеленой бисеръ. Мужья «платятъ по цѣлой драхмѣ за бисерину для женскаго «ожерелья.

«Приплывая изъ своей земли, бросаютъ якорь на ши-«рокой рѣкѣ Итилѣ; выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ «большіе деревянные шалаши на обѣихъ ея сторонахъ. Въ «каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20. У всякаго длинная, «широкая лавка, на коей онъ сидитъ съ своею женою и «съ продажными невольницами... Всякое утро женщина «приноситъ господину чашу съ водою: онъ моетъ себѣ «лицо, руки, волосы; а она чешетъ ему голову гребнемъ.

«Вошедши въ пристань, каждый идетъ въ свой ша-«лашъ, имѣя при себѣ хлѣбъ, мясо, лукъ, молоко и «вино; потомъ идетъ къ высокому деревянному болвану, «окруженному маленькими; падаетъ ницъ и говоритъ: о «Владыко! я пріѣхалъ издалека съ такимъ-то числомъ «невольницъ, соболей, и шкуръ... вотъ тебѣ даръ мой! «Кладетъ все передъ болваномъ, говоря: пошли мнѣ «добраго купца съ серебряными и золотыми деньгами!

«Уходитъ; но въ случаѣ худаго торга опять идетъ къ бол- «вану съ дарами; приноситъ оные и маленькимъ болванамъ, «моля ихъ о заступленіи, и кланяясь имъ смиренно. Когда «же выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: вла- «дыка помогъ мнѣ; теперь я долженъ платить ему. Уби- «ваетъ нѣсколько быковъ, овецъ; раздаетъ мясо бѣднымъ, «кладетъ остатокъ передъ большимъ и маленькими исту- «канами; вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины—и «когда собаки ночью съѣдятъ все мясо, всѣ головы, ку- «пецъ говоритъ: владыка благоволитъ ко мнѣ: онъ ску- «шалъ даръ мой.

«Кто изъ нихъ занеможетъ, для того разбиваютъ вдали «шатеръ, переносятъ его въ оный, оставляютъ тамъ хлѣбъ «съ водою, не подходятъ къ больному близко, и не гово- «рятъ съ нимъ, но ежедневно посѣщаютъ его, особенно «бѣднаго или раба. Выздоровѣвъ, онъ возвращается къ сво- «имъ; если же умретъ, то свободнаго предаютъ огню, а раба «оставляютъ въ снѣдь псамъ и хищнымъ птицамъ.

«На вора или разбойника надѣваютъ петлю, вѣшаютъ «его на высокомъ деревѣ, и такъ оставляютъ, пока отъ «вѣтра и дождя истлѣетъ.

«Слыша, что они сжигаютъ своихъ умершихъ началь- «никовъ съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая «видѣть оные—и видѣлъ собственными глазами. Умершаго «опустили въ могилу и десять дней надъ нимъ сѣтовали, «пока скроили и сшили ему одежду.

«Бѣднаго обыкновенно кладутъ въ новую маленькую «ладью и сжигаютъ въ ней; имѣніе же богатаго, собравъ, «дѣлятъ на три части: одну даютъ родственникамъ; на «другую шьютъ ему платье; на третью покупаютъ меду, «чтобы пить его въ тотъ день, къ который жена покой- «ника убиваетъ себя и вмѣстѣ съ господиномъ своимъ «сожигается. Вино пьютъ они день и ночь, такъ, что

«нѣкоторые держа чашу въ рукѣ, умираютъ. По смерти «знатнаго мужа родные спрашиваютъ у его женщинъ «и отроковъ: кто изъ васъ хочетъ умереть съ нимъ? «Одинъ изъ нихъ отвѣтствуетъ: я! Послѣ чего спра-«шиваютъ у женщинъ: кто изъ васъ желаетъ умереть съ «нимъ? Одна говоритъ: я! Тогда приставляютъ къ ней «двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть «ей ноги; а родные начинаютъ кроить платье умершему и «все нужное готовить. Между тѣмъ женщина всякой день «пьетъ, поетъ и веселится.

«Когда насталъ день сожженія, я пошелъ на рѣку, «къ ладьѣ умершаго; но ладья уже стояла на берегу, «на четырехъ деревянныхъ столбахъ, окруженныхъ боль-«шими деревянными же болванами. Люди ходили взадъ «и впередъ, произнося слова, для меня не вразумитель-«ныя. Мертвый лежалъ вдали, въ своей могилѣ. При-«несли скамью на ладью съ стегаными покрывалами, Гре-«ческою парчею и подушками изъ такой же парчи. Пришла «старуха, именуемая у нихъ Ангеломъ смерти, и разо-«стлала всѣ вещи на упомянутой скамьѣ. Сія-то женщина «занимается шитьемъ платья и всѣми приготовленіями; она «же убиваетъ и женщину.... Пришедъ къ могилѣ, отрыли «землю, приподняли доску и вынули мертваго изъ мо-«гилы: онъ былъ въ полотняной одеждѣ, въ коей умеръ. «Отъ жестокаго холода сей земли трупъ весь почер-«нѣлъ. Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали «плоды и лютня: ихъ также вынули. Умершій, кромѣ «цвѣта, не измѣнился ни въ чемъ. Надѣли на него «исподнее платье, сапоги, поясъ, камзолъ, кафтанъ «парчевой съ золотыми пуговицами и соболью шапку, «отнесли его въ ладью, положили на стеганое покрывало, «обложили подушками; принесли медъ, плоды, благо-«вонныя травы, хлѣбъ, мясо, лукъ, и все поставили пе-

«редъ нимъ или возлѣ; положили съ боку оружіе умер-
«шаго. Привели собаку, разрѣзали ее на двѣ части и бро-
«сили оныя въ ладью; привели двухъ коней, которыхъ
«гоняли кругомъ до поту, двухъ воловъ, изрубили ихъ
«мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха
«съ курицею, зарѣзали и бросили туда же.

«Между тѣмъ женщина, коей надлежало умереть, хо-
«дила съ мѣста на мѣсто, и вошла въ одинъ изъ шатровъ,
«гдѣ легъ къ ней другъ или родственникъ господина ея,
«и сказалъ: скажи господину своему, что ты сдѣлала это
«изъ любви къ нему... Это было въ пятницу послѣ обѣда.
«Женщину подвели къ чему-то сдѣланному ими наподобіе
«колодезнаго сруба: она стала на руки мужчинъ, заглянула
«въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ
«рукъ и снова подняли, въ другой и въ третій разъ. Ей
«подали пѣтуха: отрѣзавъ ему голову, она кинула; а его
«другіе взяли и бросили въ ладью. Я требовалъ объясненія.
«Въ первой разъ,—отвѣтствовалъ мнѣ переводчикъ,—жен-
«щина сказала: вижу здѣсь отца и мать свою. Въ другой
«разъ: теперь вижу всѣхъ моихъ умершихъ родственни-
«ковъ. Въ третій разъ: тамъ господинъ мой: онъ сидитъ
«въ раю, прекрасномъ, зеленомъ. Съ нимъ мужи и юноши.
«Онъ зоветъ меня: пустите меня къ нему! — Ее повели
«на ладью. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ,
«называемой Ангеломъ смерти; снявъ кольцы съ ногъ, от-
«дала ихъ двумъ служащимъ женщинамъ, коихъ называютъ
«дочерями Ангела смерти. Послѣ сего взнесли женщину
«на ладью, но не впустили въ каюту. Пришли мущины
«съ щитами и палицами, и дали ей стаканъ меду. Она
«взяла его, запѣла и выпила. Переводчикъ сказалъ мнѣ:
«это въ знакъ прощанія съ ея милыми. Ей дали другой
«стаканъ: она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню. Но ста-
«руха велѣла ей скорѣе выпить и войти въ каюту, гдѣ

«лежалъ господинъ ея. Женщина была какъ бы поражена, «и не хотѣла итти туда, засунувъ голову между каютою «и ладью. Старуха схватила ее за голову, втащила въ ка-«юту и сама вошла съ нею. Мужчины начали бить пали-«цами въ щиты, чтобы другія женщины не слыхали ея «крика, и не устрашились бы также умереть нѣкогда вмѣстѣ «со своими господами. Послѣ того вошли въ каюту 6 муж-«чинъ... Наконецъ положили женщину возлѣ умершаго го-«сподина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки; а старуха, «Ангелъ смерти, надѣла ей петлю на шею и подала ве-«ревку двумъ остальнымъ мужчинамъ, чтобы тянуть за «оную; взяла широкой ножъ, и вонзивъ его въ бокъ ей «между ребрами, извлекла оный; а мужчины тянули за ве-«ревку, пока женщина испустила духъ.

«Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, нагой; «взялъ въ одну руку полѣно, зажегъ его, пошелъ задомъ «къ ладьѣ, держась другою рукою за т. у., и зажегъ де-«рево подъ ладьею. Другіе пришли также съ пылающими «отрубками и бросили ихъ на костеръ. Скоро все запылало: «костеръ, ладья, комната, тѣло господина и женщина, и «все бывшее въ ладьѣ. Въ ту же минуту вздулъ сильной «вѣтеръ и пламя разширилось.

«Подлѣ меня стоялъ одинъ Русской, разговаривая съ «моимъ переводчикомъ. Я спросилъ у переводчика, что «говоритъ ему Русской? Вотъ что, отвѣчалъ онъ: — Вы «Аравитяне очень глупы: человѣка, которой былъ вамъ «милѣе всѣхъ, зарываете въ землю, гдѣ служитъ онъ пищею «червямъ; но мы въ минуту сожигаемъ его, чтобы онъ «вдругъ перешелъ въ рай. Тутъ Русской захохоталъ во «все горло и сказалъ: Владыка въ знакъ любви къ умер-«шему послалъ вѣтеръ, чтобы онъ скорѣе обратился въ «пепелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ менѣе, нежели въ часъ, сгорѣла вся «ладья съ трупами.

«На берегу, гдѣ стояла ладья, они сдѣлали нѣчто подо-«бное круглому холму, поставили въ срединѣ онаго столбъ «и написали на немъ имена умершаго и Князя Русскаго. «Послѣ чего разошлись по домамъ.

«Цари Русскіе обыкновенно держатъ при себѣ, въ «своемъ замкѣ или городкѣ, 400 храбрѣйшихъ воиновъ «(дружину). Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ съ ними, или «жертвуютъ имъ своею жизнію. Каждый (воинъ) имѣетъ «жену, которая служитъ ему, моетъ голову, готовитъ «пищу; а другая бываетъ его наложницею. Сіи 400 сидятъ «у подножія престола царскаго, украшеннаго драгоцѣн-«ными каменьями. Съ Царемъ сидятъ на престолѣ 40 жен-«щинъ или наложницъ. Онъ не стыдится ласкать ихъ въ «присутствіи своей дружины. Когда ему надобно ѣхать «верхомъ, то лошадь подводятъ для него къ престолу, съ «коего онъ на нее садится; а съ лошади сходитъ также «прямо на престолъ.

«У него (Царя или Князя) есть Намѣстникъ, который «предводительствуетъ войскомъ, воюетъ съ непріятелями «и заступаетъ его мѣсто для подданныхъ.

«Вотъ извѣстія, слово въ слово выписанныя мною изъ «сочиненія сына Фодланова; за ихъ достовѣрность от-«вѣтствуетъ онъ. Но Богъ знаетъ истину лучше всѣхъ «другихъ! Что касается до нашего времени, то Русскіе уже «Христіане, какъ извѣстно».

Такъ заключаетъ Якутъ свое извлеченіе изъ книги Ка-лифскаго посланника, присовокупляя отъ себя слѣдующія свѣдѣнія о Русскихъ:

«Русь или Рось есть народъ, страна котораго лежитъ «между Славянъ и Турокъ. У нихъ собственный языкъ, «особая религія и законъ, которыми они отличаются отъ «другихъ народовъ. Считаютъ ихъ до ста тысячъ. Они «постоянно враждуютъ со Славянами.

«Всякому новорожденному сыну отецъ подаетъ мечь и «говоритъ: твое единственно то, чего добудешь мечемъ. «Если тяжущіеся недовольны судомъ Князя, той сей гово-«ритъ имъ: судитесь мечемъ. У кого мечь острѣе, тотъ и «побѣдитель».

Въ 941 году собрался Игорь съ силами для бо́льшаго похода. Цѣлію его на этотъ разъ была Греція. Многочисленныя суда Русскія покрыли Черное море, и Болгары послали вѣсть Императору, что идетъ Русь, въ десяти тысячахъ судовъ, на Константинополь. Но они оборотились къ Азіатскимъ берегамъ Чернаго моря, гдѣ еще не бывали прежде ихъ удалые товарищи—опустошили Виѳинію, Пафлагонію, Никомидію, Понтъ, и пожгли всѣ берега Босфорскіе. Неистовствамъ ихъ Греки не находятъ выраженій: они распинали плѣнниковъ, ставили цѣлію и стрѣляли въ нихъ изъ луковъ, сажали на колъ, связывали руки, вколачивали въ голову желѣзные гвозди. Множество церквей, монастырей и селеній было предано пламени. Императоръ Романъ Лакапинъ, государь слабый, провелъ нѣсколько ночей безъ сна, изыскивая средства защититься, въ напрасномъ ожиданіи своего войска, посланнаго противъ Сарацынъ. Наконецъ снарядили Греки нѣсколько хеландій, и пустили ихъ въ море съ Греческимъ огнемъ, замѣнявшимъ въ то время порохъ. Игорь стоялъ противъ маяка, готовый къ сраженію. Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не велѣлъ убивать Грековъ, а брать только въ плѣнъ. Но надежда его обманула. Ужасный Греческій огонь, пускаемый трубами, произвелъ смятеніе и совершенное разстройство въ Русскомъ ополченіи. Объятые ужасомъ, при видѣ своихъ лодокъ, внезапно загоравшихся, они бросались въ воду, напрасно боролись съ волнами и утопали. Не осталось другаго спасенія кромѣ бѣгства.

Часть Руси поворотила было опять къ Малой Азіи и высадилась въ Виѳиніи. Но тамошнія войска находились теперь уже въ сборѣ. Они встрѣтили Русь въ свою очередь подъ начальствомъ патрикія Варды Фоки и доместика Іоанна съ силами, несравненно многочисленнѣйшими, и пришельцы были разбиты, многіе взяты въ плѣнъ, остальные побѣжали къ судамъ, и не осмѣлились выходить болѣе на берегъ. Голодъ началъ одолѣвать ихъ, и они ночью снявшись съ якорей отплыли къ сторонѣ Ѳракіи. Ѳеофанъ стоялъ на стражѣ: свѣдавъ объ ихъ намѣреніи онъ отрядилъ противъ нихъ часть своихъ судовъ. Надо было сражаться, но сраженіе нельзя было выиграть не смотря ни на какую храбрость. Спаслись не многіе, и долго разсказывали дома объ ужасномъ своемъ положеніи во время этого трехмѣсячнаго несчастнаго похода: точно молнія, что на небесахъ, была въ рукахъ у Грековъ, и они пускали ее на насъ и сожигали! И видѣть такое чудо было страшно! Вотъ почему мы не могли одолѣть ихъ. «Бысть видѣти страшно чудо, яко же молонья, яже на небесѣхъ, Греци имутъ у собе, и сію пущающе жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ ихъ.»

Плѣненная Русь была отведена въ Константинополь, и торжественно казнена. Гугоновъ посолъ видѣлъ это собственными глазами, и разсказывалъ своему пасынку, историку Ліутпранду, Кремонскому Епископу, который сохранилъ для насъ это извѣстіе, вмѣстѣ съ прочими, въ своей лѣтописи.

Но Игорь не унылъ. Ему хотѣлось во что-бы-то ни стало, загладить стыдъ своихъ пораженій и отомстить Грекамъ.

Онъ послалъ за море звать своихъ родичей Норманновъ въ походъ на Грецію. Тамъ всегда находились охотники служить кому угодно, а на Константинополь, съ своими, и подавно! Толпы повалили съ Сѣвера въ Кіевъ.

Три года продолжался сборъ. Наконецъ Игорь изготовился, нанялъ еще Печенѣговъ, взялъ у нихъ талей (или заложниковъ), и отправился въ путь.

Корсуняне, поселенцы Греческіе на берегу Чернаго моря, извѣстили Константинополь: се идутъ Русь безъ числа корабль, покрыли море кораблями.

Вслѣдъ за ними прислали извѣстіе и Болгаре: идутъ Русь и наняли себѣ Печенѣговъ.

Императоръ не разсудилъ за благо вступать съ Русью въ новую прю, не смотря на свои прежнія побѣды. Политика его состояла въ стараніи сохранять дружбу съ варварами, которые со всѣхъ сторонъ устремлялись на слабѣющую Имперію. Онъ послалъ первыхъ своихъ бояръ къ Игорю сказать ему: не ходи на насъ, но возми дань, что бралъ Олегъ, мы придадимъ къ ней и еще. Къ Печенѣгамъ также отправили Греки богатые дары.

Игорь былъ тогда на Дунаѣ. Онъ созвалъ дружину на совѣтъ, и передалъ имъ рѣчь цареву. Чего же лучше, отвѣчала дружина, не бившись получить золото, серебро и паволоки, если такъ предлагаетъ Царь. Какъ знать, кто одолѣетъ, мы ли, они ли. Съ моремъ ни кто не совѣтенъ. Мы ходимъ не по землѣ, а по глубинѣ морской. Смерть грозитъ всѣмъ одна.

Игорь послушался, указалъ Печенѣгамъ идти на Болгарскую землю, а самъ взялъ у Грековъ золото, серебро, паволоки, на себя и на всѣхъ воевъ, и возвратился въ Кіевъ.

Къ этому же году Арабскіе лѣтописатели причисляютъ нападеніе Руси на знатный городъ Берду, за Кавказомъ.

Вѣроятно часть ополченія, ходившаго подъ Царьградъ, отряжена была въ эту сторону за неимѣніемъ дѣла въ Греціи, чтобъ не даромъ остался тяжелый подъемъ. Только путь

выбрала Русь другой, не по Волгѣ, оставившей такія прискорбныя между ними воспоминанія. Изъ Чернаго моря они перешли волокомъ чрезъ Кавказскій перешеекъ, по предгорью, но не могли пробиться чрезъ Дербентъ, а сѣли на суда въ Каспійскомъ морѣ, проплыли до устья Куры, поднялись вверхъ по Курѣ, и явились наконецъ предъ этой богатою столицей Аррана. Градоначальникъ выступилъ противъ нихъ съ отрядомъ войска, числомъ болѣе пяти тысячъ, но Русь разбила ихъ въ одно мгновеніе; Дейлемиты были переколоты, а бѣжавшіе съ поля сраженія преслѣдованы до самаго города, изъ котораго съ другой стороны спѣшили спасаться всѣ, кто могъ только достать вьючнаго скота. Вступивъ въ городъ, Русь объявила, вѣроятно опасаясь прежнихъ послѣдствій, что жизнь обитателей будетъ пощажена, и держала свое слово.

Между тѣмъ войска мусульманскія собирались со всѣхъ сторонъ. Русь вышла имъ на встрѣчу и принудила разбѣжаться. Во время сраженія городская чернь дѣйствовала противъ нея, и бросала каменьями, не смотря не увѣщанія. Русь, вышедъ изъ терпѣнія, объявила, чтобъ всѣ жители выходили изъ города. Многіе выѣхали, но многіе еще остались. Русь предала ихъ мечу, и девятнадцать тысячъ забрала въ плѣнъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей. Съ остальныхъ, собранныхъ въ мечеть, требовала выкупа. Одни Христіане начали договариваться, и согласились по двадцати драхмъ за голову, но многіе изъ заключенныхъ не хотѣли платить, и были умерщвлены. Городъ былъ разграбленъ.

Мусульмане изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, разтревоженные участію Берды, собрали новое ополченіе изъ тридцати тысячъ, но были опять разбиты.

После этой побѣды Русь долго оставалась покойно въ Бердѣ, сдѣлавъ одинъ только набѣгъ на Мерагу, пила, ѣла

и прохлаждалась; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, отъ которой ихъ погибло множество.

Мусульмане собрались тогда съ свѣжими силами и оступили городъ. Нѣсколько приступовъ должна была выдержать Русь, и наконецъ напираемая безпрестанно, принуждена была запереться въ крѣпости Берды, Шегристанѣ. Ночью она вышла изъ крѣпости, унося на плечахъ лучшее имущество. Достигнувъ берега рѣки Куры, безъ всякой помѣхи со стороны осаждавшихъ, которые не смѣли ее преслѣдовать, она сѣла на свои суда и отправилась восвояси.

Ибнъ-Гаукалъ, Арабскій путешественникъ, былъ въ Бердѣ черезъ четыре года послѣ Русскаго погрома. Городъ этотъ, говоритъ онъ, находится на почвѣ, самой плодородной, и производитъ большую торговлю шелкомъ, плодами и другими произведеніями земли. Теперь находится онъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, однако жъ все еще заключаетъ въ себѣ много рынковъ, караванъсераевъ и общественныхъ бань, не смотря на все претерпѣнное имъ отъ Руси.

Въ слѣдующемъ году Императоры Константинопольскіе и Великій Князь Русскій обослалися между собою посольствами, и заключили договоръ на слѣдующихъ условіяхъ, менѣе выгодныхъ для Руси, чѣмъ Олеговы:

Мы отъ рода Русскаго, послы и гости, Иворъ, солъ Игоревъ, Великаго Князя Русскаго, и общіе слы: Вуефастъ Святославль, сына Игорева, Искусевъ Ольги Княгини, Слудъ нетія (племянника) Игорева, Улѣбъ Володиславль, Каницаръ Передславинъ, Шигбернъ Сфанды, жены Улѣбовой, Прастѣнъ Турдовъ, Либіаръ Фастовъ, Гримъ Сфирковъ, Прастѣнъ Акунь, нетія Игорева, Каръ Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Войковъ, Истръ

Аминдовъ, Ирастѣнъ Берновъ, Аттягъ Гунаревъ, Шибридъ Алданъ, Колклесковъ, Стегіетоновъ Сфирка, Алвадъ Гудовъ, Фрудъ Туадовъ, Мутуръ Утинъ, Купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куцъ, Емигъ, Турбридъ, Фурстенъ, Брунъ, Роалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тиленъ, Апубкаръ, Вузлѣвъ, Синко Боричь, посланные отъ Игоря, Великаго Князя Рускаго, и отъ всякаго Княжья, и отъ всѣхъ людей Русской земли.

Великій Князь нашъ Игорь, и бояре его, и люди всѣ Русскіе, послали насъ къ Роману, Стефану и Константину, Великимъ Царямъ Греческимъ, сотворити любовь со всѣмъ боярствомъ, и со всѣми людьми Греческими, на всѣ лѣта, дондѣже солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Если кто изъ Русскихъ окрестившихся помыслитъ разрушить эту любовь, то да будетъ наказанъ отъ Бога Вседержителя въ семъ вѣкѣ и будущемъ; а не крещенные да не имѣютъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щитами своими, да посѣкутся мечами своими, погибнутъ отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, да будутъ рабами въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Великій Князь и бояре его да отправляютъ корабли въ Грецію съ послами и гостями, сколько угодно, какъ уставлено прежде. Вмѣсто печатей золотыхъ послы, и серебреныхъ гости, должны отнынѣ привозить грамоту отъ Русскихъ Князей съ означеніемъ числа кораблей, въ свидѣтельство, что они приходятъ съ миромъ. Приходящихъ безъ грамоты Греки задерживаютъ до извѣстія отъ Князя Русскаго.

Если руку не дадутъ и возпротивятся, да будутъ убіены, и смерть ихъ не взыщется отъ Князя вашего.

Если уйдутъ въ Русь, то Князь поступай съ ними, какъ ему любо.

Русь не можетъ покупать паволокъ дороже 50 золотниковъ. По покупкѣ должно предъявлять ихъ цареву мужу, для приложенія печати.

Если ускочитъ челядинъ изъ Руси или отъ гостей у Св. Мамы, то Русь, поймавъ, можетъ взять его къ себѣ обратно; не найдя, послѣ клятвы по закону, взимается отъ Грековъ по двѣ паволоки за челядина, какъ установлено прежде. Наши бѣглецы должны быть выдаваемы, за два золотника вознагражденія.

За краденное возвращается вдвое, а виновный наказывается по закону Греческому или Русскому.

За Греческаго плѣнника, приведеннаго Русью, платится: за юношу и дѣвицу добрую 10 золотниковъ, за средовича 8, за стараго и малаго 5. Русинъ выкупается у Грековъ по 10 золотниковъ, или за данную цѣну.

Корсунской страны Русь не должна искать. Воюя въ сосѣдствѣ она можетъ, въ случаѣ нужды, получить по просьбѣ помощь отъ Грековъ.

Русь должна препятствовать Чернымъ Болгарамъ воевать страну Корсунскую.

Русь не должна мѣшать Корсунянамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпровскомъ. Зимовать тамъ Русь не должна, въ Бѣлобережьѣ или у Св. Ейферія, но осенью должна возвращаться домой въ Русь.

Грека виноватаго не должно наказывать Руси, а представить, куда слѣдуетъ.

Если Греческому Царю понадобится помощь на супротивныхъ, то да пишетъ о томъ къ Великому Князю нашему, и онъ пришлетъ ему, сколько нужно, чтобъ увидѣли прочія страны, какую любовь имѣютъ Греки съ Русью. (Прочія статьи о мѣстѣ пребыванія пословъ и гостей Русскихъ въ Греціи, о мѣсячинѣ, о бѣглыхъ, о побояхъ, остаются въ прежнемъ видѣ, какъ были поставлены въ Олеговомъ договорѣ).

Мы написали это совѣщаніе на двухъ хартіяхъ. Одна останется у царства нашего, на ней же есть крестъ и гдѣ написаны наши имена, а другую, гдѣ ваши слы и гости, пусть отнесутъ они къ Великому Князю Русскому и къ людямъ его: да идутъ на роту хранить истину, какъ написано.

Послы Греческіе отправились въ Кіевъ вмѣстѣ съ Русскими. Великій Князь, призвавъ, спросилъ ихъ: скажите, что велѣлъ вамъ Царь. Они отвѣчали: Царь нашъ радъ миру, и хочетъ имѣть любовь съ Княземъ Русскимъ. Твои слы видѣли его роты, и онъ послалъ насъ привести также ротѣ тебя и мужей твоихъ». Игорь обѣщался все исполнить, и на другой день, поутру пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, съ своими боярами. Всѣ они положили свое оружіе, щиты и золото, и поклялись, сколько ихъ было не крещеныхъ, а крещеная Русь присягнула въ церкви Святаго Иліи, надъ ручьемъ, въ концѣ улицъ Казарской и Пасынчей бесѣды.

Игорь, утвердивъ миръ, отпустилъ пословъ, одаренныхъ скорою, воскомъ и челядью, произведеніями, коими особенно была богата страна наша и торговала.

Кончину свою Игорь нашелъ въ слѣдующемъ году (945), у сосѣдняго съ Кіевымъ племени Древлянъ, съ которыхъ хотѣлъ онъ взять лишнюю дань, и вотъ какимъ образомъ:

Подъ конецъ жизни, бывъ уже лѣтъ семидесяти, онъ не ходилъ въ дань по своимъ волостямъ, и препоручалъ это полюдье боярину Свѣнельду, что было не выгодно для собственной его дружины, которая и приступила къ нему съ жалобами: «отроки Свѣнельжи, разбогатѣли оружьемъ и платьемъ, а мы наги. Пойдемъ Князь въ дань, чтобъ ты добылъ, и мы.»

Свѣнельдъ воевалъ предъ тѣмъ Угличей, и послѣ трехлѣтней осады взялъ городъ ихъ Пересѣчень, за что получилъ отъ Игоря всю Углицкую дань).

Игорь послушался дружины, и пошелъ къ Древлянамъ, племени наименѣе покорному. Онъ потребовалъ съ нихъ лишнее, и производилъ насиліе, равно какъ и мужи его. По собраніи дани, на возвратномъ пути въ Кіевъ, вздумалось ему воротиться опять къ Древлянамъ, «желая больше имѣнья». Онъ отпустилъ дружину, сказавъ: идите съ данью домой, а я хочу походить еще. Древляне, услышавъ, что Игорь возвращается къ нимъ опять, посовѣтовались съ Княземъ своимъ Маломъ, и рѣшились ему воспротивиться: если волкъ повадится въ стадо, то вынесетъ все, пока не убьютъ его. Таковъ и Игорь: онъ погубитъ насъ всѣхъ, если мы не убьемъ его.

Однакожъ они послали ему сказать: зачѣмъ ты идешь, вѣдь ты получилъ всю дань. Но Игорь ихъ не послушался. Тогда Древляне, вышедъ изъ Коростеня, (близь Овруча, въ Волынской губерніи), перебили всю дружину Игореву, (она была очень малочисленна), а самаго привязали живаго къ двумъ деревьямъ, нагнувъ ихъ верхи, которые потомъ пустили, такъ что старый Князь Кіевскій живой разорванъ былъ на части.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА.

Древляне, убивъ Игоря, испугались послѣдствій. Въ избѣжаніе мести, они рѣшились звать вдову его Ольгу въ супружество за Князя своего Мала,—а съ Святославомъ мы сдѣлаемъ тогда, что хотимъ, думали они, — и отправили въ ладьѣ посольство въ Кіевъ, но напрасно: мужественная Княгиня Русская наказала ихъ жестоко, судя по *преданію*, которое сохранилось въ народѣ объ ея дѣйствіяхъ. Когда послы пристали къ Боричеву взвозу, она пригласила ихъ къ себѣ. Добрые гости пожаловали, привѣтствовала она ихъ, что вамъ угодно? Тѣ отвѣчали: насъ прислала Деревская земля объявить тебѣ: мы убили твоего мужа; мужъ твой былъ какъ волкъ, восхищая и грабя, а наши Князи добры: распасли свою землю. Выдь за нашего Князя Мала. Ольга сказала: люба мнѣ рѣчь ваша, потому что мужа мнѣ невоскресить, — и я хочу почтить васъ передъ здѣшними людьми. Ступайте теперь въ свою ладью; завтра я пришлю за вами, а вы говорите посламъ: не хотимъ ѣхать на коняхъ, ни пѣши идти, понесите насъ въ ладьѣ. Между тѣмъ Ольга велѣла выкопать на теремномъ дворѣ, за оградою, большую и глубокую яму. Поутру, сидя въ теремѣ, послала она за гостями своихъ людей, звать ихъ на великую честь. Тѣ отвѣчали: не ѣдимъ на коняхъ, ни на возахъ, понесите насъ въ ладьѣ. Кіевляне понесли ихъ въ ладьѣ, примолвивъ: «намъ неволя; Князь нашъ убитъ, а Княгиня хочетъ идти за вашего Князя! Послы сидѣли и величались. Но ихъ принесли на дворъ Ольгинъ и бросили въ яму съ ладьею. Ольга, смотря на нихъ, закричала имъ изъ окошка: добра ли честь вамъ?

лютѣе Игоревой смерти, стенали несчастные. Она велѣла засыпать ихъ живыхъ землею, и потомъ послала сказать Древлянамъ: Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите, такъ пришлите за мной пословъ нарочитыхъ, чтобъ я въ великой чести пришла за вашего Князя, а то не отпустятъ меня люди Кіевскіе.

Древляне собрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю и послали въ Кіевъ. Ольга велѣла истопить для нихъ баню: когда они вошли въ истопку, Княгиня велѣла запереть двери и зажечь строеніе; они всѣ сгорѣли. Тогда послала она опять сказать Древлянамъ: я уже иду къ вамъ, пристройте меды многіе въ городѣ, гдѣ убили моего мужа, да поплачусь надъ гробомъ его и сотворю ему тризну. Древляне свезли меды многіе и заварили. Ольга съ небольшею дружиною пришла ко гробу Игоря, плакалась по мужѣ своемъ, и велѣла людямъ своимъ насыпать могилу высокую; когда насыпали ее, велѣла творить тризну. Древляне сѣли пить, а отроки Ольгины имъ служили, по ея приказанію. Гдѣ наши послы, спрашивали они Ольгу, которыхъ мы посылали за тобою? Идутъ за мною, съ дружиною мужа моего, отвѣчала она. Когда упились Древляне, Ольга велѣла дружинѣ сѣчи ихъ, и было иссѣчено ихъ пять тысячь. Княгиня возвратилась въ Кіевъ, размѣстивъ вои по остальному населенію.

Но месть ея тѣмъ не кончилась. Въ слѣдующемъ году, собрала она многочисленное войско, и пошла на Деревскую землю, взявъ съ собою сына своего Святослава, еще дѣтеска. Древляне хотѣли защищаться. Сшедшимся полкамъ, Святославъ, едва держась на конѣ, сунулъ копьемъ, но копье, едва пронесясь черезъ уши коня, упало ему въ ноги. Князь началъ, вскрикнули Асмудъ, кормилецъ его, и воевода Игоревъ Свѣнельдъ, ударимъ по Князѣ! Дру-

жина ударила, и Древляне были разбиты. бѣжали и заперлися по городамъ. Ольга устремилась къ Коростену. Жители боролись отчаянно, потому что они убили Игоря, и знали, чего имъ ожидать надо. Цѣлое лѣто стояла Ольга, и, не могши взять города оружіемъ, придумала взять хитростію. Она послала сказать гражданамъ: до чего хотите вы досидѣться? Всѣ города ваши дались мнѣ подъ дань, и дѣлаютъ спокойно нивы свои, а вы умрете съ голода, если не предадитесь. Древляне отвѣчали: мы рады были бы даться подъ дань, но ты хочешь мстить за мужа своего. Нѣтъ, отвѣчала Ольга, я отомстила уже обиду мужа моего, когда вы присылали пословъ своихъ въ Кіевъ, и во второй разъ, и въ третій, творя ему тризну. Больше мстить я не хочу, а буду довольна малою съ васъ данью, и уйду. Чего ты хочешь отъ насъ, спросили Древляне, мы рады давать медомъ и мѣхами. Меду теперь у васъ нѣтъ, отвѣчала Ольга, ни мѣховъ; я нехочу налагать на васъ дани тяжкой, какъ мой мужъ; я спрошу у васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ; дайте мнѣ съ двора по три голубя и по три воробья». Древляне были очень рады, собрали птицъ и прислали Ольгѣ съ поклономъ. Ольга приняла и отпустила посланныхъ съ словами: ну вотъ вы и покорились мнѣ и моему дитяти, идите въ градъ свой, а я отправлюсь въ Кіевъ. Древляне возвратились въ Коростенъ, разсказали слышанное, и всѣ люди въ городѣ обрадовались. А что сдѣлала Ольга! Она раздала голубей и воробьевъ воинамъ, велѣла имъ привязать къ каждой птицѣ горящую цѣрь, и, лишь только смеркнется, пустить ихъ на волю. Приказаніе исполнено, и выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда свои, подъ стрѣхи, въ голубятни;—и вдругъ все загорѣлось въ городѣ: клѣти, вежи, одрины; небыло ни одного двора, который бы не пылалъ, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы заго-

рѣлись вдругъ. Жители побѣжали вонъ изъ города, и попались прямо въ руки воиновъ Ольгиныхъ, которымъ приказано было ловить ихъ. Ольга взяла городъ, сожгла его, плѣнила старѣйшинъ и всѣхъ жителей: однихъ избила, другихъ предала работѣ къ мужамъ своимъ, а на прочихъ наложила тяжелую дань, коей двѣ части шли на Кіевъ, а одна на Вышгородъ, собственный ея удѣлъ.

Потомъ пошла Ольга по всей Деревской землѣ съ сыномъ и съ дружиною, уставила уставы и уроки.

На слѣдующій годъ ходила она къ Новугороду, и опредѣлила дани по Мстѣ и Лугѣ.

Становища и ловища ея были извѣстны до позднѣйшаго времени. Такъ точно и перевѣсища по Днѣпру и по Деснѣ. Село ея Ольжичи сохранило до сихъ поръ это имя. Сани ея были цѣлы въ Псковѣ, даже въ Несторово время, то есть чрезъ 250 лѣтъ послѣ ея смерти; Ольгина гора, Ольгинъ крестъ, Ольгины слуды, оставались тамъ долго въ памяти народной.

Изрядивши все, она воротилась въ Кіевъ, и жила спокойно, пребывая въ любви съ сыномъ своимъ.

Въ 957 году Ольга, пылкая, любопытная, дѣятельная, отправилась въ Константинополь съ многочисленнымъ пышнымъ поѣздомъ — увидѣть городъ, получить дары, принять тамъ святое крещеніе, пріобщаяся вѣрѣ, издавна уже извѣстной въ Кіевѣ между ея единоплеменниками, и поразившей, видно, ея пылкое сердце.

Это случилось въ царствованіе Императора Константина Багрянороднаго, который самъ описалъ для насъ ея пребываніе въ своей столицѣ со многими занимательными подробностями.

Сентября 9 дня, въ середу, приготовлено было во дворцѣ великолѣпное торжество для принятія.... Ольга вошла первая, за нею слѣдовали Княжескія особы, ея родственницы, потомъ знатнѣйшія придворныя госпожи, одна за другою. Великая Княгиня остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно, именемъ царскимъ, логоѳетъ или канцлеръ спрашиваетъ иностранныхъ посланниковъ. Шествіе заключали посланники Русскіе и купцы, которые стали нѣсколько ниже рѣшетки.

Логоѳетъ повелъ Княгиню въ пріемную палату, гдѣ Императоръ, сидѣлъ на золотомъ сѣдалищѣ, окруженный знатнѣйшими царедворцами, со всѣми знаками ихъ высокаго достоинства. Поговоривъ нѣсколько съ Императоромъ, она удалилась въ ближніе покои, гдѣ и сѣла.

Роскошный обѣдъ происходилъ въ палатѣ Юстиніановой. Императрица сидѣла на высокомъ престолѣ Ѳеофила, со снохою подлѣ. Русская Княгиня стояла въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока прочія княжескія особы не введены были стольникомъ. Всѣ онѣ поклонились Императрицѣ въ землю, а гордая Ольга слегка только наклонила голову, какъ замѣтилъ Императоръ, и сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за столъ, за которымъ сидѣли знатнѣйшія придворныя госпожи. Во время обѣда пѣвчіе пѣли стихи въ честь царскаго дома, а послѣ представлялись разныя игры.

Въ золотой палатѣ происходилъ другой столъ, къ которому были приглашены всѣ посланники Русскихъ Князей,—знатнѣйшіе Ольгины служители, также и купцы Русскіе.

Послѣ обѣда гости были одарены подарками: племянникъ Княгини получилъ 30 миліарисій или сребренниковъ, (цѣною почти въ рубль), 8 знатнѣйшихъ служителей по 20,

двадцать пословъ по 12, сорокъ три купца по 12; воины Святославовой дружины по 5, шесть служителей при посланникахъ по 3, а переводчикъ Княгини 15 миліарисій.

Когда Императоръ всталъ изъ-за стола, началось угощеніе сластями на осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями блюдахъ, коими уставленъ былъ золотой столъ въ пріемной палатѣ. За него сѣли Константинъ и сынъ его Романъ съ своими дѣтьми, Царева невѣстка и Великая Княгиня Ольга. Ей подарено было еще 500 миліарисій на богатомъ блюдѣ, шести родственникамъ по 20, а осьмнадцати приспѣшникамъ по 8.

Святое крещеніе приняла Ольга отъ Патріарха, а воспріемникомъ отъ купели былъ самъ Императоръ Константинъ. Имя наречено ей Елена, въ память древней Царицы, матери равноапостольнаго Царя Константина.

Патріархъ поучалъ ее въ новой вѣрѣ, заповѣдалъ ей о церковномъ уставѣ, о молитвѣ и постѣ, о милостыни, о воздержаніи тѣла чиста. Наклонивъ голову, внимала она его ученію, «стоявше аки губа напаяема».

Ольга прожила въ Царѣградѣ около двухъ мѣсяцевъ. 18 Декабря въ воскресенье былъ опять обѣдъ во дворцѣ за двумя столами: въ золотой палатѣ обѣдали Русскіе, въ присутствіи Императора, а въ палатѣ Св. Павла кушала Великая Княгиня съ Императрицей, Царевой невѣсткой и дѣтьми. Ольга получила въ даръ 200 миліарисій, посланники ея по 20, священникъ Григорій 8, шестнадцать ея родственниковъ по 12, осьмнадцать приспѣшниковъ по 6, двадцать два посланника по 12, сорокъ четыре купца по 6, и 2 переводчика по 12 миліарисій.

Собравшись въ возвратный путь, Ольга пришла къ Патріарху, прося у него благословенія: люди мои поганы, и сынъ мой также. Помолись о мнѣ владыко, чтобъ Богъ

сохранилъ меня отъ всякаго зла. Патріархъ старался убѣдить ее въ помощи Божіей и милости, и отпустилъ въ отечество.

Императоръ одарилъ ее снова, и простился съ нею, называя ее своей дочерью, — но Ольга была недовольна Константинопольскимъ пріемомъ, вѣроятно наскучивъ множествомъ мѣлочныхъ обрядовъ, которымъ, вольная и гордая, она должна была подчиняться при Греческомъ дворѣ, или оскорбившись ничтожностію даровъ, полученныхъ ею отъ Императора.

Греческое путешествіе облеклось тотчасъ на Руси баснословной одеждой, и подало поводъ ко многимъ разсказамъ, свидѣтельствующимъ то высокое мнѣніе, какое имѣлъ народъ объ умѣ своей Княгини. Говорили, что Императоръ, увидѣвъ ее, прельстился ея красотою и достоинствами, и хотѣлъ на ней жениться. Крести меня, требовала Ольга, а если ты нехочешь крестить, то я не крещуся. Царь исполнилъ ея желаніе, и когда хотѣлъ приступить къ своему, то она возразила ему: какъ можешь ты жениться на мнѣ, послѣ того какъ самъ крестилъ меня и нарекъ своей дочерью! Переклюкала меня еси Ольга, (т. е. перехитрила), долженъ былъ онъ сознаться удивленный, и оставилъ ее въ покоѣ.

Вскорѣ по возвращеніи Ольги въ Кіевъ, Константинъ прислалъ къ ней посольство съ напоминаніемъ объ ея обѣщаніи доставить ему воевъ на помощь, челядь, воскъ, и скору, въ знакъ благодарности за его дары. Скажите ему, отвѣчала Ольга — если онъ постоитъ у меня столько въ Почайнѣ, сколько я стояла у него въ гавани, тогда я пришлю ему, что обѣщала.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Великая Княгиня Ольга, принявъ къ сердцу новое ученіе, обѣщавшее ей вѣчныя радости, пожелала, разумѣется, больше всего сдѣлать участникомъ ихъ своего милаго, единственнаго сына, и начала тотчасъ убѣждать его, чтобъ онъ принялъ святое крещеніе,—но Святославъ не хотѣлъ ее и слушать. И въ самомъ дѣлѣ, ему ли, пылкому юношѣ, воспитанному въ бранныхъ Норманскихъ обычаяхъ, могли понравиться святыя истины Вѣры Христовой: онъ отвѣдалъ ужъ жизни и ея сладостей, душа и тѣло его алкали тревогъ и дѣятельности, онъ мечталъ только о кровавыхъ сѣчахъ или пирахъ за столомъ Одиновымъ, въ чертогахъ Валгаллы, гдѣ ожидаютъ храбрыхъ прекрасныя дѣвы. Законъ мира, терпѣнія, воздержанія, былъ противенъ Святославу, также какъ и буйнымъ его товарищамъ, которые видѣли въ немъ осужденіе всего, чѣмъ мила и дорога имъ была жизнь, и потому ругались всегда надъ тѣми, кто оставлялъ вѣру отцевъ своихъ. Напрасно твердила ему Ольга: сынъ мой, я познала Бога и радуюсь; и ты будешь радоваться, если познаешь Бога. Дружина будетъ смѣяться надо мною, прерывалъ ее нетерпѣливый Святославъ, какъ мнѣ принять законъ одному? Всѣ окрестятся, лишь бы ты началъ, возражала съ неудовольствіемъ Ольга, — но юноша отворачивался отъ нея съ досадою, сердился, и продолжалъ творить «норовы поганскіе», для него любезные.

Тяжело было матери, любившей горячо сына, видѣть, какъ мало онъ обращалъ вниманія на ея увѣщанія и просьбы; страшно было ей думать, что ожидаетъ его въ

будущемъ свѣтѣ, теперь передъ ея глазами открывшемся, за такое слѣпое упорство; но дѣлать было нечего. Затаивъ грусть въ сердцѣ, она умолкала, печальная, и возлагала всю надежду на Бога: если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то возложитъ имъ на сердце — обратиться къ нему, какъ возложилъ и мнѣ: такъ думала Ольга, и молилась за сына «по вся дни и нощи», говоритъ лѣтописецъ, «кормящи сына до мужества его и до возраста его».

А онъ, возросшій и возмужавшій, позабылъ вовсе объ ея противныхъ наставленіяхъ: онъ думалъ только о битвахъ, и тотчасъ началъ «собирать вои многи и храбры, легко ходя, аки пардусъ», посылая сказать племенамъ, на кого собирался: «хочу на васъ ити».

Станъ его не походилъ на прежніе: обоза за нимъ не слѣдовало, шатровъ не имѣлъ онъ никогда, а спалъ на голой землѣ, положивъ подъ себя войлокъ, съ сѣдломъ въ головахъ. Котловъ съ нимъ не бывало, и мясо не варилось: на угляхъ пекъ онъ, что ему попадалось—конину, звѣрину или говядину, и ѣлъ «потонку изрѣзавъ». Такъ жилъ онъ, такъ жили и всѣ его воины.

Съ какой же страны начать ему свои бранные поиски? Куда идти? Въ знакомыя мѣста, гдѣ ужъ воевали его удалые соотечественники, ему не хотѣлось: что взять на Сѣверѣ! Трудно ли справляться съ смирными Славянскими племенами на Западѣ! На Югъ, подъ Царьградъ, дорога была слишкомъ извѣстна. И Святославъ рѣшился идти на дальній Востокъ, — къ Волгѣ, туда, гдѣ погибли такъ ужасно Игоревы вои, и гдѣ тлѣвшія кости ихъ давно призывали себѣ мстителей.

По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ дремучіе лѣса, путями непроходимыми, пришелъ онъ изъ Кіева наконецъ на Оку;

тамъ жило суровое племя Вятичей. Кому дань даете, спросилъ Святославъ. Даемъ по шлягу отъ рала Козарамъ, отвѣчали они. Русскій Князь обложилъ ихъ своею данію, и пошелъ далѣе.

Сперва плылъ онъ Окою, изъ Оки переправился въ Волгу, пустился внизъ по этой широкой рѣкѣ, и увидѣлъ наконецъ за нынѣшней Казанью богатый городъ Булгаръ, производившій издревле обширную торговлю съ Арабами, Козарами, Весью, Пермью, и самою Русью, и бывшій складочнымъ мѣстомъ товаровъ Востока и Сѣвера.

Чего желать лучше молодому Князю? Можно ли ему упустить изъ рукъ такую привлекательную добычу? Святославъ напалъ на Булгаръ съ удалой своей дружиною, взялъ, ограбилъ, и разорилъ такъ, что этотъ знаменитый городъ долго не могъ подняться послѣ и достигнуть прежней степени величія.

Поплывъ ниже, Святославъ покорилъ Буртасовъ, которыхъ страна простиралась отъ лѣваго берега Волги далеко вглубь Азіи.

За Буртасами встрѣтилось съ нимъ войско Козарское, вышедшее съ самимъ Каганомъ, защищать предѣлы своей земли. Но могло ль оно остановить рьяной потокъ гордаго побѣдителя! Произошло сраженіе, и Козары были разбиты на голову, заплативъ дорого за истребленіе Руси въ 913 году.

Уничтоживъ войско, Святославъ не находилъ уже болѣе никакихъ препятствій. Несчастные жители бросались съ дороги, искали себѣ спасенія въ сосѣднихъ странахъ, надѣясь послѣ перваго погрома заключить договоръ съ Русью, и опять поселиться на своей родинѣ въ ихъ подданствѣ. Святославъ достигъ благополучно устья Волги,

гдѣ процвѣталъ издавна по обѣимъ берегамъ ея знаменитый Итиль, еще болѣе богатый, чѣмъ Булгаръ, столица Козарскихъ Кагановъ, славная на всемъ Востокѣ, долговременное пребываніе народа, значительно образованнаго, и сборное мѣсто многихъ Азіатскихъ торговцевъ. Городъ былъ уже пустъ. Жители разбѣжались; одни на ближнемъ островѣ готовились къ оборонѣ, другіе удалились на островъ Дербентскій, и со страхомъ ожидали рѣшенія своей участи. Святославъ взялъ городъ, и нашелъ здѣсь еще болѣе добычи, чѣмъ въ Булгарѣ; воины его разграбили и опустошили все.

И вотъ предъ ними необозримое Хвалисское море. Моглиль внуки Нормановъ преодолѣть искушеніе разгуляться по широкому его раздолью, поиграть съ его вѣтрами и волнами, поспорить съ бурями, и наконецъ посмотрѣть тѣхъ плодоносныхъ береговъ, гдѣ уже были ихъ отцы, и такъ легко разнесли славу ужаснаго Русскаго имени!

Русь пустилась по Каспійскому морю, и дня черезъ четыре или пять высадилась уже на берегахъ Дагестана. Тамъ красовался Семендеръ, (между Итилемъ и Дербентомъ, близь Тарху), съ своими мечетями, синагогами, церквами, окруженный садами и виноградниками, въ которыхъ считалось до сорока тысячъ лозъ. Онъ имѣлъ участь Булгара и Итиля.

Святославъ у подошвы Кавказа! Онъ побѣдилъ здѣсь Ясовъ, обитавшихъ на предѣлахъ Грузіи, и Касоговъ, сосѣдпихъ съ Азовскимъ моремъ. Тогда жъ вѣроятно занятъ былъ Русью и островъ Тамань, образуемый двумя устьями Кубани.

Здѣсь, въ виду любезнаго Руси Чернаго моря, на крѣпкомъ островѣ, по любимому обычаю Нормановъ, могъ

онъ отдохнуть послѣ долгихъ утомительныхъ походовъ, и сохранить безъ опасности добычу; коею былъ обремененъ; послѣ онъ кажется и оставилъ здѣсь нѣсколько воевъ, чтобъ удержать за собою это важное мѣсто, при двухъ моряхъ, ключь къ странамъ Кавказскимъ, съ которыми теперь онъ только что познакомился,—основаніе княжества Тмутораканскаго, на развалинахъ Таматархи или Фанагоріи, принадлежавшей древнему Воспорскому царству.

Отсюда Святославъ могъ идти вверхъ по Дону; онъ взялъ Козарскую крѣпость на берегахъ этой рѣки, верстахъ въ семидесяти, отъ устья, Саркелъ или Бѣлую Вѣжу, построенную для Козаровъ Греческими мастерами отъ набѣговъ Печенѣжскихъ, передъ тѣмъ лѣтъ за сто; поднимаясь еще выше, напалъ на Вятичей, обложилъ ихъ данью, и воротился въ Кіевъ по старой дорогѣ, коею вышелъ оттуда.

Три года продолжались бранные набѣги молодаго Князя. Слава объ его подвигахъ пронеслась повсюду. Обитатели Джорджана, еще полные страха, разсказывали Ибн-Гаукалу, Арабскому путешественнику, около 969 года, о губительномъ нападеніи Руси, которое осталось надолго и послѣ въ памяти приморскихъ Каспійскихъ областей, и попало во всѣ современныя лѣтописи.

Страны, прилежащія къ Черному и Азовскому морю, услышали также съ трепетомъ новое имя, грозившее затмить всѣ прежнія. Калокиръ, сынъ Херсонскаго начальника, извѣстилъ объ немъ, вѣроятно, Императора Никифора Фоку, и получилъ порученіе пригласить могучаго витязя Русскаго на помощь Имперіи.

Неуспѣлъ отдохнуть Святославъ въ Кіевѣ, какъ и явилось къ нему это посольство. Греки просили Святослава наказать Болгаръ, навлекшихъ на себя гнѣвъ Никифора, за

то ли, что они не мѣшали Уграмъ переправляться чрезъ Дунай, и тревожить предѣлы Имперіи, или за то, что требовали отъ него дани.

Святослава зовутъ на войну! Онъ ли откажется? Какой пиръ для него веселѣе войны? А Греки предлагаютъ ему еще тридцать пудъ золота, кромѣ будущей добычи.

Съ восторгомъ услышалъ онъ предложеніе, думалъ не долго, и кликнулъ кличь по всей странѣ своей, возбуждая особенно молодежь, которая, только что наслышась о блистательныхъ его подвигахъ на Окѣ, Волгѣ, Каспійскомъ морѣ, Кавказѣ, рвалась и безъ того дѣлить съ нимъ труды, опасности, добычу и славу.

Собралось многочисленное воинство, до шестидесяти тысячъ человѣкъ, по извѣстію Грековъ, и легкія ладьи понеслись по знакомому пути Днѣпровскому, явились скоро на Черномъ морѣ, и влетѣли въ устье Дуная.

Встревоженные Болгаре, собравъ, что могли, силой хотѣли воспрепятствовать высадкѣ. Напрасно. Удалые Варяги выскочили быстро изъ своихъ судовъ, подняли передъ собою длинные щиты, обнажили мечи, и начали рубить на повалъ во всѣ стороны. Болгаре не выдержали стремительнаго удара, смѣшались, бѣжали и принуждены были запереться въ Доростолѣ (что нынѣ Силистрія). Царь ихъ Петръ тутъ же умеръ, пораженный отъ горести внезапнымъ ударомъ. Святославъ пустился по Дунаю взялъ семдесятъ городовъ, и водворился въ Переяславцѣ.

Тогда-то хитрый Грекъ, который находился безпрестанно при немъ, вкрался ему въ душу, и сдѣлался почти братомъ,—сообщилъ ему тайныя свои намѣренія, внушенныя вѣроятно его же доблестью, коей, на его глазахъ, ни что немогло противиться. Калокиръ хотѣлъ овладѣть Византійскимъ престоломъ, переходившимъ тогда изъ рукъ

въ руки, и за помощь Святослава обѣщалъ оставить ему навсегда Болгарію, а дань платить больше прежней.

Искатель приключеній, съ пылкимъ воображеніемъ, Святославъ радъ былъ случаю пуститься на новыя опасности, помѣриться съ другими сильнѣйшими противниками, и получить въ свои руки распоряженіе престоломъ Имперіи. Условіе заключено.

Вѣсть объ немъ должна была скоро дойдти до Константинополя: Императоръ поздно увидѣлъ свою ошибку, пригласивъ такого помощника, который дѣлался стократъ опаснѣе врага.

Надо было принимать скорыя мѣры. Ожидая къ себѣ подъ стѣны съ часу на часъ двухъ молодыхъ честолюбцевъ, связанныхъ узами дружбы и выгодъ, онъ началъ снаряжать пѣхотное войско, вооружалъ сотни, ставилъ въ строй конную фалангу, одѣвалъ всадниковъ въ желѣзныя латы, приготовлялъ метательныя оружія, и разставлялъ ихъ на городскихъ стѣнахъ. Къ башнѣ Кентинаріи велѣлъ онъ прикрѣпить тяжелую желѣзную цѣпь, и по высокимъ столбамъ протянуть ее чрезъ Воспоръ до Галатской крѣпости, на Азіатскомъ берегу. Сколько мѣръ, заботъ, трудовъ и приготовленій! Такой страхъ возбуждало въ столицѣ Имперіи одно имя нашего Святослава!

Никифоръ рѣшился также примириться и съ прежними своими противниками, Болгарами, на которыхъ самъ вызывалъ Святослава, надѣясь теперь, посредствомъ ихъ, затруднить сколько нибудь его и Калокировы дѣйствія. Онъ послалъ къ нимъ довѣренныхъ людей предложить миръ, напомнить объ единовѣріи, и просить даже Княженъ въ замужство сынамъ Романа, ближайшаго наслѣдника Имперіи. Ничто не казалось ему дорогимъ и невозможнымъ, въ сравненіи съ грозившей опасностію!

Болгаре, съ своей стороны, рады были примириться, и обѣщали помощь, лишь бы Императоръ отвратилъ сѣкиру, висѣвшую надъ ихъ главами. Сѣкира была отвращена, хоть только на время,—по вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ Святославовыхъ.

Печенѣги видѣли, какъ онъ мимо ихъ пронесся по Днѣпру со всѣми своими воями. Хищные, они вознамѣрились воспользоваться его отсутствіемъ и ограбить его богатую столицу; остановить ихъ было некому, оборонительныхъ мѣръ не принято нигдѣ, по крайней мѣрѣ достаточныхъ: можно ли было думать, чтобъ кто нибудь осмѣлился потревожить стольный городъ Русскихъ, которые уже сто лѣтъ властвовали безспорно во всѣхъ этихъ странахъ. Печенѣги подошли наконецъ подъ самый Кіевъ, гдѣ Великая Княгиня Ольга принуждена была запереться съ молодыми своими внучатами. Непріятели обступили городъ со всѣхъ сторонъ. Не было ни входа, ни выхода. Нѣсколько воевъ собрались-было въ лодкахъ, изъ-за Днѣпра, и остановились у другаго берега, но не могли ничего предпринять въ пользу осажденныхъ. Кіевляне томились долго въ осадѣ; голодъ и жажда начали уже грозить имъ гибелью; и они рѣшились сдаться, если еще день не получатъ помощи. Одинъ смѣлый отрокъ взялся сообщить это рѣшеніе за-днѣпровской дружинѣ, и счастливо исполнилъ мудреное порученіе.

Надо спасать Княгиню и Княжичей, во что бы то ни стало, сказалъ воевода Претичъ, услышавъ о намѣреніи Кіевлянъ, а не то Святославъ насъ погубитъ. Переправимся въ лодкахъ, достанемъ ихъ какъ нибудь изъ города, и умчимъ на нашу сторону.

Заутра, до свѣту, переплыли они Днѣпръ, бросились стремительно на гору, закричали, затрубили въ трубы,—

Печенѣги въ недоумѣніи дали имъ путь,—Кіевляне откликнулись. Ольга со внуками и людьми вышла на встрѣчу своимъ избавителямъ, и благополучно достигла лодей.

Князь Печенѣжскій вступилъ въ переговоры съ Претичемъ, который обманулъ его, выдавъ себя за предводителя передовой дружины княжеской. Они заключили миръ, подали другъ другу руки, и въ знакъ дружества обмѣнялись оружіемъ. Печенѣжинъ далъ Претичу коня, саблю и стрѣлы. Претичь ему броню, щитъ и мечь. Печенѣги отступили. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ.

Кіевляне, избавясь нечаянно отъ угрожавшей имъ опасности, послали тотчасъ гонца къ Святославу звать его домой: Ты ищешь, Князь, и блюдешь чужую землю, а объ своей не думаешь; насъ едва не взяли Печенѣги съ матерью и дѣтьми твоими. Если не воротишься и необоронишь насъ, такъ они придутъ опять. Иль тебѣ не жаль ни отчины своей, ни матери, на старости ея лѣтъ, ни дѣтей своихъ?

«То слышавъ Святославъ», лѣтописецъ, «вборьзѣ всѣдѣ на конѣ съ дружиною своею, и приде Кіеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя».

Раздраженный, онъ не могъ оставить Печенѣговъ безъ наказанія, собралъ вои, и угналъ дерзкихъ хищниковъ далеко въ поле.

Но не долго прожилъ онъ въ отечествѣ: ему соскучилось по любезной своей Болгаріи. Нѣтъ, сказалъ онъ матери и боярамъ, не любо мнѣ жить въ Кіевѣ; я хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, — тамъ средина земли моей; туда вся благая сходятся: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, овощи; изъ Чехъ и Угоръ серебро и кони; изъ Руси мѣха, медъ, воскъ, челядь.

Ольга была уже очень слаба и больна. Ты видишь, какова я, возражала она безпокойному своему сыну, какъ же ты хочешь оставить меня. Погреби меня, а послѣ иди куда тебѣ угодно.

Въ самомъ дѣлѣ она скончалась чрезъ три дня, — и плакалъ по ней сынъ ея и внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Священникъ, бывшій при ней, похоронилъ ее, а тризны надъ собою отправлять она заповѣдала.

Ольга, говоритъ лѣтописецъ, предтекла въ нашей землѣ какъ утренняя звѣзда солнцу, какъ заря, свѣту и сіяла какъ луна въ нощи. Она была начаткомъ примиренію; она первая вошла въ Царство Небесное изъ Руси, и молитъ Бога по смерти за Русь. Ее должны славить Рустіи сынове, какъ свою начальницу. Возопіемъ же къ ней: Радуйся Русское познанье къ Богу.

Въ слѣдующемъ году Святославъ рѣшился исполнить любимое свое желаніе, и вмѣсто себя посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, а втораго, Олега, въ землѣ Древлянской.

Тогда же пришли къ нему Новогородцы просить себѣ Князя. Если вы непойдете къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ Князя и въ другомъ мѣстѣ. Но кто къ вамъ пойдетъ, отвѣчалъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отперлись; тогда Добрыня научилъ ихъ просить Володимера, племянника его, отъ сестры Малуши, ключницы Ольгиной. Новогородцы сказали: дай намъ Володимера. Пожалуй, возмите его, отвѣчалъ Святославъ, и Новогородцы повели къ себѣ Володимера, вмѣстѣ съ Добрынею.

Устроивъ такъ дѣла, Святославъ отправился, и оставилъ нашу землю на произволъ обстоятельствъ, думая основать новое государство въ Болгаріи на Дунаѣ; — но судьба того еще не хотѣла.

Болгаре, ободренные союзомъ съ Греками, рѣшились не пускать его къ себѣ. Вои, оставленные имъ, были истреблены, вѣроятно, во время его отсутствія. Надо было покорять вновь всю страну, какъ будтобъ она и не была покорена прежде. Но Святослава ли удержатъ препятствія? Онъ устремился на приступъ къ Переяславцу. Собравшись со всѣми своими силами Болгаре вышли къ нему на встрѣчу изъ города. Началась ужаснѣйшая сѣча, и побѣда склонялась уже на сторону непріятелей. Братья и дружина, воскликнулъ Святославъ, пасть приходится намъ здѣсь, ударимъ мужски. Сѣча возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ, и къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ копьемъ и плѣнилъ тамъ двухъ сыновъ покойнаго Царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечемъ по всей Болгаріи, мстя за неожиданную, враждебную встрѣчу. Говорили, что онъ въ Филиппополѣ пересажалъ на колъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и такимъ образомъ, разсѣя всюду страхъ и ужасъ, заставилъ всѣхъ покориться себѣ снова.

Между тѣмъ въ Византіи произошла новая перемѣна. Іоаннъ Цимискій, знаменитый полководецъ Греческій, свойственникъ царскій, умертвилъ несчастнаго Никифора, въ заговорѣ съ его супругою, и взошелъ на окровавленный престолъ. Столь же дѣятельный, благоразумный, и еще болѣе можетъ быть храбрый, нежели его предшественникъ, онъ раздѣлялъ его мнѣніе, сколь опасно для Греціи сосѣдство Святославово,—но на первое время у него было слишкомъ много заботъ. Голодъ въ Имперіи, нападеніе Аравитянъ на Антіохію, заговоры родственниковъ убіеннаго, связывали ему руки. Съ Святославомъ онъ желалъ обойтись пока безъ войны; отправилъ къ нему посольство вручить богатые дары, и объявить, чтобъ онъ, исполнивъ желаніе Императора Никифора и получивъ условную

награду, оставилъ Болгарію, принадлежащую Имперіи, и возвращался благополучно въ свое отечество.

Выкупите у меня прежде всѣ взятые мною города, отвѣчалъ Святославъ, надменный побѣдами и завоеваніями, выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣтъ вамъ мира.

Греки напоминали ему судьбу отца его Игоря, который за нарушеніе договора былъ разбитъ на Черномъ морѣ, такъ что вмѣсто десяти тысячъ судовъ, съ коими пришелъ, долженъ былъ уйдти только на десяти, съ извѣстіемъ о собственномъ пораженіи, и наконецъ погибъ ужасною смертію отъ Древлянъ въ наказаніе за свою алчность. Такая же участь грозитъ и тебѣ, сказали они въ заключеніе, если все Греческое войско дви ется противъ тебя изъ Константинополя.

Мы сами придемъ къ вамъ прежде вашего, отвѣчалъ Святославъ, раскинемъ шатры свои предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, — и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что мы не малыя дѣти, которыхъ можно напугать угрозами, и увидимъ, кому достанется побѣда.

И немедленно, умноживъ свое войско Болгарами и Уграми, Святославъ двинулся впередъ, и перешелъ Балканскія горы. Отряды его разсыпались повсюду и опустошили Македонію, Ѳракію, до Адріанополя, хотя нѣкоторые иногда и претерпѣвали пораженіе.

Цимискій, желавшій прежде переговорами только выиграть время, встрѣтилъ здѣсь Святослава съ многочисленнымъ, въ нѣсколько кратъ большимъ, войскомъ. Русскіе вои изумились такому неожиданному множеству непрія-

телей и устрашились. Святославъ сказалъ: намъ не куда дѣться! Волею и неволею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли Русской и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ, а если побѣжимъ, то не спасемся, а срамъ примемъ. Станемъ же крѣпко. Я пойду впереди! Если голова моя упадетъ, то промышляйте о себѣ. Воины воскликнули въ отвѣтъ: гдѣ твоя голова упадетъ тамъ и наши, и бросились всѣ на непріятеля съ отчаяніемъ. Произошла ужаснѣйшая битва, длилась долго, и Святославъ побѣдилъ. Греки бѣжали.

Упоенный побѣдой онъ пошелъ впередъ «воюя и грады разбивая», и уже «за маломъ бѣ не дошелъ Царягорода».

Цимискій не могъ противиться болѣе: ему надо было, во что бы то ни стало, не допускать Святослава до столицы. Онъ просилъ мира, осыпалъ его дарами, соглашался на всѣ его требованія, давалъ дань на все войско. Святославъ съ своей стороны могъ также желать скораго мира, потому что потери его были значительны, и у него не доставало уже силъ для продолженія своихъ завоеваній, покоренія или удержанія столицы. Онъ принялъ предложеніе. Сколько у тебя воевъ, спросили Греки, на которыхъ мы должны принести дань? Двадцать тысячъ, отвѣчалъ Святославъ, хотя у него было только десять: «и притече десять тысящъ». Сверхъ того взялъ онъ дань и на убіенныхъ, въ пользу ихъ родственниковъ, и обольщенный, усыпленный врагами, возвратился въ Переяславецъ «съ похвалою великою», въ полномъ убѣжденіи, что отъ Грековъ опасаться ему нечего.

Но не думалъ Цимискій мириться съ Святославомъ. Въ плодовитомъ умѣ своемъ онъ рѣшилъ уже гибель Русскаго Князя, который понадѣялся слишкомъ много на свою храбрость и на свое счастье, не оставлявшее его доселѣ,

ослѣпился успѣхами, и предался неосторожности, свойственной его племени.

Лишь только удалился Святославъ, какъ и началъ Императоръ дѣлать приготовленія къ новому рѣшительному походу. Всю зиму продолжались они съ величайшей дѣятельностію. Онъ призвалъ всѣ Греческія войска, бывшія въ Азіи, снарядилъ флотъ, собралъ множество запасовъ, и съ наступленіемъ весны при первой возможности отправилъ триста судовъ въ устье Дуная, для содѣйствія сухопутному его войску, которое двинулось немедленно къ Балканскимъ тѣснинамъ, оставленнымъ неосторожнымъ Святославомъ, безъ всякой засады. Полководцы Цимискія боялись этого пути, на которомъ погибло столько войскъ Греческихъ, среди войнъ ихъ съ Болгарами. Но Цимискій, узнавшій чрезъ лазутчиковъ о малочисленности дружины Святославовой, настоялъ на своемъ намѣреніи; онъ опасался, чтобъ Русскіе, узнавъ объ его походѣ, не заняли выгодныхъ ущелій, и искалъ успѣха въ скорости.

Греки прошли Балканы безъ всякаго препятствія, и внезапно явились у Переяславца. Русь упражнялась передъ городомъ въ воинскихъ движеніяхъ. Хоть изумленные такимъ нечаяннымъ нападеніемъ, но схватились они за оружіе, и бросились на Грековъ. Изъ города подана имъ была помощь, и побѣда долго оставалась нерѣшенною, какъ Цимискій пустилъ на нихъ отборную свою конницу, состоявшую изъ такъ называемыхъ безсмертныхъ латниковъ, и привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство, тѣмъ болѣе, что они сражаясь всегда пѣши, непривыкли къ дѣйствіямъ съ конницей. Они должны были уступить и запереться въ городѣ. Калокиръ, бывшій въ Переяславцѣ, бѣжалъ ночью къ Святославу, стоявшему въ Силистріи, извѣстить его о новой войнѣ.

На другой день неутомимый Императоръ приступилъ снова. Русь ожидала его на стѣнахъ. Всѣми силами старались они защититься; бросали копья, стрѣлы, камни. Греки, ободряемые примѣрами храбраго своего вождя, успѣли наконецъ приставить лѣстницы, взобрались на стѣны, и принялись колоть Русскихъ, которые принуждены были искать спасенія на царскомъ дворѣ, обнесенномъ оградою, гдѣ хранилась обыкновенно казна, но неуспѣли затворить однихъ воротъ. Греки вбѣжали за ними. Произошла новая битва, и враги были наконецъ отражены съ значительною потерей. Цимискій велѣлъ зажечь зданіе. Когда пламя распространилось повсюду, и держаться не оставалось возможности, Русскіе выскочили, выстроились на открытомъ мѣстѣ, и хотѣли еще сражаться.... Они всѣ были переколоты, кромѣ предводителя своего, храбраго Свѣнельда, который спасся съ немногими товарищами къ Святославу.

Цимискій, недавая опомниться, пошелъ впередъ.

Тяжело было Святославу слышать о взятіи Переяславца, а за нимъ и другихъ Болгарскихъ городовъ, сдававшихся Грекамъ, но онъ не думалъ смиряться, онъ надѣялся еще разъ побѣдить Грековъ , и вышелъ на встрѣчу Цимискію. А въ наказаніе измѣны Болгаръ, онъ собралъ до трехъ сотъ лучшихъ гражданъ, и приказалъ отрубить имъ головы; многіе, окованные, были заключены въ темницы.

Недалеко отъ Силистріи сошлись уже соперники, и началось сраженіе. Русь дралась отчаянно. Какъ бѣшеные бросались они на Грековъ, но Греки неуступали. Побѣда долго оставалась сомнительною, пока наконецъ стремительный ударъ конницы не рѣшилъ опять дѣла, и Русь возвратилась въ городъ.

Всю ночь слышенъ былъ стонъ въ Силистріи: Русскіе оплакивали своихъ товарищей, павшихъ въ бою, и дикіе вопли ихъ разносились далеко по окрестностямъ, какъ слышали Греки, и свидѣтельствуютъ очевидцы между ихъ лѣтописателями.

Цимискій расположилъ станъ по близости, укрѣпившись рвомъ и валомъ. На другой день повелъ онъ войско свое на крѣпость. Русскіе отразили приступъ,—еще болѣе,— къ вечеру они сдѣлали вылазку на коняхъ, но не умѣя управляться съ ними въ сраженіи, были опрокинуты, и воротились въ городъ безъ значительнаго успѣха.

Между тѣмъ на Дунаѣ показались огненныя суда Греческія, о коихъ на Руси хранилось такое страшное преданіе. Въ страхѣ потерять утлые челны свои порознь, Русскіе собрали тотчасъ ихъ вмѣстѣ, и поставили въ рядъ подъ стѣною, омываемою Дунаемъ.

Нѣсколько разъ пытались они дѣлать вылазки, иногда уступали, но не показывали никакой робости, и нещадили никакихъ трудовъ, оставаясь иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ на полѣ сраженія. Даже женщины, такъ называемыя щитоносицы у Норманновъ, сражались въ ихъ рядахъ, столь же храбро какъ и мужчины, и тѣла ихъ часто находимы были между убитыми. Въ плѣнъ Русскіе никогда не отдавались, и въ минуту опасности поражали себя сами мечемъ, избѣгая рабства на томъ свѣтѣ, ибо, по ихъ мнѣнію, всякій плѣнникъ долженъ тамъ служить своему господину.

Однажды удалось имъ убить у Грековъ одного знаменитаго вождя, котораго они, по блистательнымъ доспѣхамъ, сочли было за самого Императора. Возвратясь въ крѣпость, они вонзили отрубленную голову на копье, и выставили на башнѣ, смѣясь надъ Греками. Больше всего

хотѣлось имъ истребить стѣнобитныя орудія, причинявшія имъ много вреда, но тщетно: Греки охраняли ихъ мужественно.

Около двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада. Утомленный Святославъ окопался рвомъ, и заперся наконецъ совершенно въ городѣ. Вылазки прекратились. Императоръ, не могшій справиться съ Русью въ открытомъ бою, не смотря на превосходство силъ, рѣшился смирить ихъ голодомъ. Съ сею цѣлію велѣлъ онъ перекопать всѣ пути, ведущіе къ Силистріи, разставилъ вездѣ стражу, приказалъ строго судамъ наблюдать за сообщеніями, и не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города, за запасами, и расположился жить покойно въ своемъ станѣ.

Эти мѣры оказали скоро свое дѣйствіе. Войско Святославово терпѣло крайній недостатокъ во всякомъ продовольствіи, между тѣмъ какъ Греческое жило въ изобиліи. Никакъ нельзя было выдти изъ города, и всякое сообщеніе прервалось.

Однажды только, въ глухую, темную ночь, во время страшной бури съ дождемъ и громомъ, удалось Святославу выслать на ладьяхъ двѣ тысячи воиновъ для собранія припасовъ въ окрестностяхъ; они воротились съ богатой добычею, успѣвъ даже разбить одинъ Греческій отрядъ.

Императоръ пригрозилъ смертію корабельнымъ начальникамъ, если они опять пропустятъ Русь, и тѣ умножили еще болѣе свою бдительность.

Собранные припасы истощились, а достать вновь не было уже никакой возможности. 20 Іюня Русскіе рѣшились сдѣлать вылазку, подъ предводительствомъ Икмора, воина, славнаго между ними своею храбростію. Напавъ стремительно, начали было они тѣснить Грековъ, какъ

вдругъ одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, по имени Анемасъ, успѣлъ подскочить къ нему на рьяномъ конѣ своемъ, и нанесъ столь сильной ударъ въ лѣвое плечо, что голова его вмѣстѣ съ правой рукой отлетѣла и покатилась на землю. Все поле огласилось громомъ,— Греки воскликнули, торжествуя побѣду; Русскіе, увидя паденіе Икмора, испустили отъ горести ужасный крикъ, смѣшанный съ воплемъ, — немогли сражаться болѣе, и, закинувъ щиты за спину, оставили поспѣшно битву.

Какъ скоро наступила ночь, и полный мѣсяцъ явился на небѣ, вышли они на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ, и сожгли на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ ними множество плѣнниковъ и женщинъ. Принеся сію кровавую жертву, они погрузили въ Дунайскія струи нѣсколько младенцевъ и пѣтуховъ, и потомъ задушили.

Осажденные были доведены наконецъ до крайности. Святославъ созвалъ совѣтъ и спрашивалъ мнѣнія дружины, что должно дѣлать въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Одни говорили, что должно, выбравъ какую нибудь темную ночь, тихо сѣсть на суда, и спасаться бѣгствомъ. Другіе желали испытать мирныхъ переговоровъ съ Греками, ибо уплыть въ виду сторожевыхъ судовъ казалось невозможнымъ.

Сразимся въ послѣдній разъ, заключилъ Святославъ.

На другой день, предъ захожденіемъ солнца, Русскіе вышли изъ города. Построившись плотной стѣною, неся предъ собою копья, двинулись они на непріятелей, которые ожидали ихъ, также въ боевомъ порядкѣ. Какъ лютые звѣри напали они на Грековъ, кололи копьями, поражали стрѣлами и сбивали всадниковъ на землю. Святославъ былъ вездѣ впереди. Съ яростію бросался онъ на Грековъ, и ободрялъ полки свои. Анемасъ, поразившій

накануиѣ Икмора, осмѣлился напасть и на самого Святослава. Завидя его издали, онъ понесся прямо къ нему, ударилъ въ самую ключевую кость и повергнулъ ницъ на землю. Только кольчужная броня и щитъ спасли его отъ смерти. Русскіе, увидѣвъ опасность своего Князя, налетѣли со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, другіе обратились къ дерзкому Греку.... конь его убитъ, и самъ онъ тотчасъ палъ, изъязвленный копьями и стрѣлами. Русскіе, ободренные его паденіемъ, начали напирать съ бóльшимъ ожесточеніемъ, и Греки должны были удалиться. Насилу удержалъ ихъ самъ Цимискій, не уступавшій сопернику своему въ мужествѣ. Къ несчастію Руси поднялась ужасная буря съ вѣтромъ, дувшимъ прямо въ лице имъ. Отъ пыли слипались у нихъ глаза. Страшная конница греческая явилась. Русь побѣгла. Самъ Святославъ, весь израненный и истекающій кровью, не остался бы живъ, если бы наступившая темнота не развела сражавшихся.

Всю ночь стеналъ Святославъ о побіеніи своей храброй рати, скорбѣлъ, предавался гнѣву. Мало уже оставалось у него воевъ; множество погибло на полку. Онъ увидѣлъ, что Греки могутъ погубить его съ остальными, и рѣшился.... Святославъ рѣшился просить мира.

Цимискій, съ своей стороны, радъ былъ кончить войну, которая, не смотря на побѣды, стоила ему дорого, а силы и время все еще были ему нужны для другихъ дѣлъ, не менѣе важныхъ. Онъ принялъ предложеніе Святослава, налагая на него обязательства: Не помышлять никогда на царство Греческое, не собирать воевъ, не подсылать соглядатаевъ, не наводить другихъ враговъ, ни на страну Греческую, ни на страны ей подвластныя, страну Корсунскую и города ея, и страну Болгарскую. Если другой какой непріятель явится противъ Грековъ, то Русскій Князь обязанъ помогать имъ.

Какъ ни тягостны были условія, но Святославъ долженъ былъ согласиться на все, и объявилъ о томъ дружинѣ. Насъ мало, а Русская земля далече, а Печенѣги съ нами ратны; помочь намъ некому. Сотворимъ миръ съ Царемъ; если же онъ не будетъ впередъ управлять дани, такъ мы, набравъ воевъ на Руси, придемъ опять подъ Царьгородъ.

Люба была эта рѣчь дружинѣ, изнуренной битвами и трудами. Немедленно лѣпшіе мужи отправились въ станъ Царя Греческаго, и тамъ, отъ имени своего Князя, обѣщались исполнить всѣ требованія царскія, которыя и были торжественно записаны: Если мы не исполнимъ сихъ условій—Князь, и всѣ, иже съ нимъ и подъ нимъ, да будемъ прокляты отъ Бога, въ котораго вѣруемъ, и отъ Волоса, скотья бога, станемъ желты какъ золото, и изсѣчемся собственнымъ своимъ оружіемъ. Такъ было сказано въ заключеніи договора.

Императоръ велѣлъ отпустить хлѣба для Русскихъ воиновъ, томившихся отъ голода, на каждаго по двѣ мѣры.

Святославу захотѣлось еще увидѣть своего сильнаго врага, который остановилъ его на пути побѣдъ, заставилъ испытать много нужды и горя, и наконецъ уступить.... Императоръ Цимискій согласился, и въ позлащенныхъ доспѣхахъ пріѣхалъ на берегъ Дуная, сопровождаемый многочисленнымъ отрядомъ всадниковъ, въ блестящемъ вооруженіи. Святославъ приплылъ къ нему по рѣкѣ въ простой лодкѣ, гребя весломъ наровнѣ съ прочими гребцами.

Греки описали намъ наружность своего страшнаго врага: росту онъ былъ средняго, собою строенъ, съ голубыми глазами, носомъ плоскимъ, бороду онъ брилъ, усы лежали на верхней губѣ длинными прядями. Голова у него была почти голая, и только на одной сторонѣ висѣлъ

пукъ волосъ, означавшій благородство. Шея толстая, плеча широкія. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ по срединѣ. Одежда на немъ была бѣлая, и почти не отличалась отъ другихъ кромѣ чистоты. Сидя на лавкѣ въ ладьѣ, мрачный и угрюмый, говорилъ онъ съ Императоромъ. Свиданіе продолжалось недолго, и они разстались.

Немедля, выдалъ Святославъ Грекамъ плѣнныхъ, очистилъ Силистрію, и отправился съ печалію въ сердцѣ на родину, которую хотѣлъ было оставить навсегда,—и Русское царство на берегахъ Дуная не основалось: зерно его понеслось назадъ, къ сѣверу, въ родимую почву.

Опытный Свѣнельдъ совѣтовалъ Князю возвращаться сухимъ путемъ. Святославъ не послушался, пустился въ ладьяхъ по Днѣпру, а Печенѣги дожидались уже его у пороговъ, предупрежденные Болгарами, или самими Греками, объ его возвращеніи съ богатою добычею и малою дружиною. Святославу нельзя было пробиваться, и онъ воротился зимовать въ Бѣлбережьѣ, терпя съ своими воями во всемъ великую нужду, такъ что голова конячья стоила у нихъ полфунта серебра.

Весною, пустился онъ опять по Днѣпру, нетерпѣливый достигнуть скорѣе Кіева, приплылъ благополучно къ порогамъ.... враговъ ни гдѣ не встрѣчалось, опасностей кажется нѣтъ не грозило никакихъ, ничего не было слышно,.... съ надеждой вошелъ онъ въ пороги.... но Печенѣги вскорѣ его встрѣтили. Князь ихъ Куря напалъ на малочисленную дружину, разбилъ ее, и самъ Святославъ погибъ. Тамъ, въ порогахъ, гдѣ быстрый Днѣпръ могучей волною бьетъ въ каменныя гряды Карпатскихъ горъ, преграждающія ему путь, и потомъ низвергается съ нихъ въ глубокое свое русло шумными водопадами,—тамъ, среди степей

необозримыхъ по обѣ стороны рѣки, сложилъ свою буйную голову, во цвѣтѣ лѣтъ, удалой нашъ Святославъ, самый бранный изъ всѣхъ бранныхъ Князей древности, не понимавшій, что такое опасность, незнавшій, что такое страхъ, приведшій въ трепетъ всѣ окружныя земли. Печенѣги взяли его голову, оковали черепъ, и сдѣлали чашу, изъ которой послѣ пили, поминая храбраго врага. Вѣрные бояре и отроки, оставшіеся въ живыхъ послѣ греческихъ пораженій, пали всѣ кругомъ любимаго вождя. Одинъ старый Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ съ немногими воинами — извѣстить осиротѣлую Русь о несчастной смерти ея славнаго Князя, погибели всего войска и потери завоеванной Болгаріи.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Трое молодыхъ сыновей Святослава владѣли на Руси. Старшій, Ярополкъ, принявшій теперь достоинство Великаго Князя, въ Кіевѣ; вторый, Олегъ, у Древлянъ; младшій, Володимеръ, въ Новѣгородѣ. Мудрено имъ было не поссориться, когда страсти кипѣли въ груди у всѣхъ одинаково, руки порывались на битву, всѣ хотѣли повелѣвать, и никто не думалъ повиноваться. И потому мирно между собою прожили они только четыре года. Война началась между старшими, вотъ по какому случаю: сынъ Свѣнельдовъ, Лютъ, «гна по звѣри въ лѣсу», былъ убитъ Олегомъ Древлянскимъ, который также «ловы дѣя». Отецъ озлобился на убійцу, и съ тѣхъ поръ безпрестанно приставалъ къ своему Князю: поди на брата и прими волость его.

И Ярополкъ пошелъ на него чрезъ два года. Сраженіе случилось подъ Овручемъ,—первое междоусобное на Руси. Олегъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать.

Побѣдитель вслѣдъ за нимъ вошелъ въ городъ, и послалъ искать брата, но его никакъ не могли найдти, пока одинъ Древлянинъ не сказалъ, что видѣлъ наканунѣ, какъ онъ притѣсненный толпою на мосту, упалъ въ гроблю (ровъ). Начали вытаскивать трупье изъ гробли, и уже около полудѐнъ, въ исподи, нашли тѣло Олегово, принесли къ Ярополку и положили на разостланномъ коврѣ. Ярополкъ, увидѣвъ его, заплакалъ и сказалъ Свѣнельду: ну вотъ чего ты хотѣлъ! Олега погребли за городомъ, и насыпали надъ нимъ могилу, которая была цѣла еще въ Несторово время.

Володимеръ, третій братъ, услышавъ объ его смерти, испугался и бѣжалъ за море, къ вѣрному пристанищу у единокровныхъ Нормановъ, а Ярополкъ прислалъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ, «и бѣ единъ володѣя въ Руси».

Долго жилъ Володимеръ у Норманновъ, собирая себѣ вспомогательную рать, и уже на четвертый годъ воротился въ Русь, сопровождаемый полками. Онъ выслалъ посадниковъ Ярополковыхъ изъ Новагорода, и велѣлъ имъ сказать своему государю: Володимеръ идетъ на тебя, пристроивайся биться. Прежде однакожъ онъ пошелъ на Рогвольда, владѣвшаго въ Полоцкѣ, чья дочь оскорбила его отказомъ выйдти за него за мужъ. Этотъ Рогвольдъ, Норманскій конунгъ, пришелъ изъ-за моря Двиною въ Полоцкъ, и тамъ водворился, (а товарищъ его Туръ поселился у Дреговичей, въ городѣ, который прозвался по немъ Туровымъ, а жители Туровцами). Добрыня, дядя Володимера, посылалъ къ нему отроковъ просить его дочери въ супружество за своего племянника. Гордая Норманка

отвѣчала: «не хочу разуть робичича (сына рабыни); я хочу Ярополка. Посланные принесли въ Новгородъ этотъ унизительный отвѣтъ; Володимеръ, и еще болѣе Добрыня, воспылали гнѣвомъ. Съ готовыми воями пошли они теперь въ Полоцкъ, въ то время какъ Рогнѣду хотѣли уже вести за Ярополка,—Рогвольдъ былъ побѣжденъ и плѣненъ вмѣстѣ съ женою, сыновьями и дочерью.

Робичица, закричалъ ей, ругаясь, Добрыня, какъ увидѣлъ ее, и велѣлъ Володимеру быть съ нею предъ отцемъ и матерью. Отца, мать и братьевъ Володимеръ убилъ потомъ, а ее взялъ женою, и была прозвана она Гориславою.

Изъ Полоцка Володимеръ пошелъ къ Кіеву. Братъ не могъ стать противу, и заперся въ городѣ. Володимеръ обрылся между Дорогожичемъ и Капичемъ, (этотъ ровъ былъ цѣлъ до Нестора), и послалъ къ Блуду, воеводѣ Ярополкову, склонять его на свою сторону: не я, говорилъ Володимеръ, началъ избивать братію, а онъ; я пришелъ на него, опасаясь смерти. Попріяй мнѣ! Если я убью брата, то ты будешь мнѣ отцемъ, и примешь отъ меня великую честь. Блудъ согласился, и началъ искать случая самъ убить своего Князя, веля Володимеру медлить приступомъ; однакожъ увидѣлъ, что это невозможно, предъ воями, и убѣдилъ своего Князя оставить Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кіевляне пересылаются будто съ Володимеромъ, зовутъ его къ себѣ и хотятъ предать своего Князя. Ярополкъ ушелъ на устье Роси, въ городъ Родню, а Володимеръ занялъ Кіевъ, и вои его осадили брата въ Роднѣ. Осажденные скоро были доведены до крайности, и долго на Руси слышалась пословица: бѣда какъ въ Роднѣ. Тогда Блудъ сказалъ Ярополку: видишь, сколько воевъ у брата, намъ ихъ не перебороть, твори скорѣе

миръ съ нимъ. Володимера же послалъ онъ предупредить, что ведетъ къ нему Ярополка, и чтобъ тотъ приготавливался убить его.

Володимеръ съ дружиною ожидалъ брата на отчемъ дворѣ теремномъ. Иди теперь, посылалъ его Блудъ, и скажи ему, что ты будешь доволенъ всѣмъ, чтобы онъ ни далъ тебѣ. Не ходи Князь, удерживалъ его вѣрный слуга Варяжко, убьютъ тебя. Бѣги лучше въ Печенѣги, и приведи воевъ. Ярополкъ не послушалъ его, и—лишь только отворилъ дверь, которую Блудъ тотчасъ затворилъ, не пуская за нимъ его воиновъ, какъ два Варяга подняли его мечами подъ пазухи, и убили. Варяжко бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и долго воевалъ на Володимера, мстя за своего Князя....

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВОЛОДИМЕРЪ.

Володимеръ сдѣлался единымъ государемъ. Наемные Норманны, помогшіе ему достигнуть цѣли, начали просить у него заслуженной платы: городъ нашъ, говорили они, мы взяли его для тебя, дай же намъ теперь окупъ по двѣ гривны на человѣка. Володимеръ отвѣчалъ: подождите, пока соберутъ куны (деньги). Норманы ждали мѣсяцъ, и все-таки неполучали ничего. Ты обманулъ насъ, сказали они Князю, «пусти насъ по крайней мѣрѣ къ Грекамъ. Онъ выбралъ изъ нихъ нѣсколько мужей храбрыхъ и смышленыхъ, а всѣ прочіе отправились въ Царьградъ. Володимеръ, опасаясь вѣроятно ихъ мести, послалъ предупредить Императора: вотъ идутъ къ тебѣ Варяги, не

моги держать ихъ въ городѣ, а то надѣлаютъ они тебѣ хлопотъ, какъ и здѣсь; разошли ихъ по мѣстамъ, и сюда не пускай ни одного.

Оставленнымъ мужамъ Володимеръ роздалъ нѣкоторые города, а Добрынѣ, своему дядѣ, неизмѣнному совѣтнику и помощнику, отдалъ Новгородъ.

Утвердившись на столѣ Кіевскомъ, Володимеръ началъ ходить ежегодно на войну, подобно своимъ предшественникамъ. На первый годъ (981) пошелъ онъ къ Западу, только далѣе, чѣмъ ходилъ Олегъ, за Хорватовъ и Дулебовъ, къ Ляхамъ, и взялъ города Перемышль и Червень, «иже суть и до сего дне подъ Русью», сказалъ Несторъ. Въ томъ же году ходилъ онъ на Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ бралъ его отецъ.

На второй годъ (982) воевалъ онъ снова съ Вятичами, которые заратились, и побѣдилъ ихъ опять.

На третій годъ (983) овладѣлъ онъ отдаленной землею Ятвяговъ, потомковъ Сарматскихъ, между Литвою и Польшею. Тогда же, вѣроятно, покорилъ онъ и страны при-Балтійскія, куда, по извѣстіямъ сѣверныхъ лѣтописателей, мужи его ходили собирать дань.

Столько успѣшныхъ походовъ и побѣдъ требовали благодарности и жертвы богамъ. Еще въ первые лѣта своего княженія, поставилъ онъ въ Кіевѣ (а Добрыня въ Новѣгородѣ) кумиры ихъ на холму, за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго съ головою серебряною и усомъ золотымъ, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша, предъ которыми приводились юноши и дѣвы, закалались жертвы, и оскверняласъ кровью и требами земля Русская, какъ воспоминалъ послѣ съ негодованіемъ набожный лѣтописатель.

Бояре и старцы сказали теперь: мчемъ жребій на отрока и дѣвицу; на кого падетъ онъ, того и зарѣжемъ богамъ. Жребій палъ на одного молодаго Варяга, прекраснаго лицемъ и душею. Отецъ его пришелъ съ нимъ изъ Греціи, и исповѣдывалъ вѣру Христіанскую. Посланные объявили отцу, что сына его боги требуютъ себѣ въ жертву. Не боги они, отвѣчалъ старый Варягъ, а дерево; нынѣ есть, а завтра сгніютъ. Богъ единъ, тотъ, которому покланяются Греки, иже сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка, и далъ ему жить на землѣ, а эти боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы руками изъ дерева. Не дамъ своего сына для бѣсовъ. Всѣ люди взволновались, услышавъ отъ посланныхъ такой отвѣтъ, схватили оружіе, и побѣжали къ дому Варягову. Онъ стоялъ съ сыномъ на сѣняхъ. Отдай сына, кричали ему люди, мы должны заколоть его богамъ. Если они боги, отвѣчалъ старикъ, пусть его возмутъ сами, а вы чего хотите? Всѣ завопили, бросились, подсѣкли сѣни подъ несчастными,—они упали, и были убиты разъяренной толпою—первые и послѣдніе мученики въ Кіевѣ, Θеодоръ и Іоаннъ.

Володимеръ ходилъ еще (984) на Радимичей, которыхъ побѣдилъ на рѣкѣ Пищанѣ посланный имъ впередъ воевода, прозваніемъ Волчій хвостъ, почему Русь всегда и смѣялась надъ ними говоря: Пищанцы Волчьяго хвоста бѣгаютъ. Радимичи принуждены были возить повозъ въ Кіевъ и возили его еще при Несторѣ.

Потомъ ходилъ онъ (985) въ лодьяхъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Добрыней, на Болгаръ, отдохнувшихъ послѣ разгрома Святославова, во время войнъ его на Дунаѣ и усобицы между его сыновьями. Хотя онъ побѣдилъ Болгаръ, но заключилъ съ ними миръ, по совѣту Добрыни, который,

увидѣвъ колодниковъ въ сапогахъ, сказалъ своему племяннику: пойдемъ лучше искать лапотниковъ. Болгаре ходили ротѣ (клялись) въ сохраненіи договора, чтобъ продолжался онъ, пока камень не будетъ плавать, а хмѣль тонуть.

Послѣ всякаго такого похода возвращался Володимеръ въ Кіевъ, обремененный добычею, и начиналось у него пированье съ удалой дружиною. Онъ былъ тогда преданъ удовольствіямъ чувственнымъ: любилъ воевать, любилъ и гулять, ѣсть и пить, тѣшиться и проклажаться. До нашего времени дошли пѣсни, кои складывались долго въ народѣ о пирахъ Володимеровыхъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова Князя Володимера,
А и было пированье, почетной пиръ,
Было столованье, почетный столъ,
Много на пиру было Князей, Бояръ,
И Русскихъ богатырей могучіихъ;
А и будетъ день въ половина дня,
Княженецкой столъ въ полу-столѣ,
Володимеръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчосываетъ.

На пирахъ Володимеровыхъ раздавались веселыя пѣсни, играли гусли, органы; турій рогъ, наполненный виномъ, обходилъ гостей; вѣщіе бояны возлагали руки на живыя струны, и струны сами славу Князьямъ рокотали,—Олегу и Игорю, Ольгѣ и Святославу, и самому ласковому Князю Володимеру.

И Несторъ разсказываетъ объ его обѣдахъ, обильныхъ винами, медами, и мясами, отъ скота и звѣрины. Воины разхмѣлѣвъ однажды, возроптали: зло нашимъ голо-

вамъ—даютъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебренными. Володимеръ, услышавъ, тотчасъ велѣлъ исковать ложки серебряныя, и сказалъ: серебромъ и золотомъ я не найду дружины, а дружиной найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ.

Могучіе витязи его также живутъ до сихъ поръ въ памяти народной: Илья Муромецъ, Алеша Поповичь, Чурила Пленковичь, Добрыня Никитичь и прочіе.

Но еще больше вина, пировъ, веселья и войны любилъ Володимеръ женщинъ: онъ побѣженъ былъ похотью женскою, говоритъ лѣтописецъ, и бѣша ему водимыя: Рогнѣда, отъ которой онъ имѣлъ четырехъ сыновъ—Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двухъ дочерей; онъ посадилъ ее на Лыбеди, гдѣ въ Несторово время находилось сельцо Предиславино.

Гордая и страстная, истая Норманка, она возревновала послѣ своимъ счастливымъ соперницамъ, а можетъ быть питала и тайную месть къ убійцѣ своего отца, матери и братьевъ. Однажды какъ онъ пріѣхалъ къ ней на Лыбедь, и уснулъ въ ея ложницѣ, она рѣшилась зарѣзать его ножемъ, занесла уже руку.... Но Володимеръ проснулся случайно и удержалъ ее. Я полюбила тебя, сказала Рогнѣда, хоть ты убилъ отца моего и мать и братьевъ, и полонилъ землю ихъ для меня, но теперь ты охладѣлъ ко мнѣ и младенцу моему!... Володимеръ велѣлъ облещись ей въ царскую одежду, какъ была онъ въ первый день своего соединенія съ нимъ, сѣсть на постель въ храминѣ свѣтлой, и ожидать его. Трепещущая, Рогнѣда исполнила повелѣніе. Володимеръ приходитъ поразить ее, какъ вдругъ выбѣгаетъ, съ обнаженнымъ мечемъ, сынъ его младенецъ Изяславъ, подученный матерью, и говоритъ ему: отецъ, ты здѣсь не одинъ! Володимеръ бро-

снлъ свой мечь и сказалъ: я не думалъ, что ты здѣсь, —ушелъ, созвалъ Бояръ, и разсказалъ имъ все, что случилось. Бояре подали совѣтъ: не убивай ее ради дитяти сего, но воздвигни отчину отца ея, и отдай ей съ сыномъ твоимъ. Володимеръ послушалъ ихъ, велѣлъ построить городъ, названный Изяславлемъ, и отпустилъ туда мать и сына.

Другая жена его была Болгарыня, отъ которой имѣлъ онъ Бориса и Глѣба. Одна Чехиня родила ему Вышеслава, другая Святослава и Мстислава. Жена Ярополкова, Грекиня, приведенная его брату еще отцемъ Святославомъ, ради красоты лица ея, взята имъ была къ себѣ беременная, и родила Святополка. «Отъ грѣховнаго бо корени», замѣчаетъ Несторъ, «золъ плодъ бываетъ». Наложницъ было у него двѣсти въ Вышегородѣ, триста въ Бѣлѣгородѣ, и двѣсти на Берестовѣ, гдѣ послѣ было сельце Берестовое: «и бѣ не сытъ блуда», заключаетъ Несторъ, «женолюбецъ, яко же и Соломонъ. Но Соломонъ мудръ бѣ, и наконецъ погибе; се же бѣ невѣголосъ, а наконецъ обрѣте спасеніе».

Лѣтописатель обращаетъ сими словами вниманіе на принятіе Володимеромъ Христіанской вѣры, о чемъ предано имъ (986) слѣдующее повѣствованіе:

Сосѣдніе народы, которымъ Русскій Князь сдѣлался еще страшнѣе своихъ предшественниковъ побѣдами, завоеваніями, счастьемъ, старались привлечь его на свою сторону, и войти съ нимъ въ союзъ. Вѣра казалась, и очень справедливо, лучшимъ для того средствомъ. Случилось, что у всѣхъ были вѣры различныя, позднѣе или ранѣе ими принятыя: у Козаръ господствовалъ законъ Моисѣевъ; Волжскіе Болгаре были Магометане; Греки

хотѣли обратить его къ Христіанству Восточной церкви. Нѣмцы, къ которымъ посылала посольства Ольга и даже Ярополкъ, предлагали исповѣданіе Римское.

Прежде всѣхъ пришли Болгаре, только, что заключившіе договоръ. Ты Князь мудрый и смышленный, сказали они, а закона не знаешь. Прими законъ нашъ, и поклонись Бохмиту. Володимеръ спросилъ: въ чемъ состоитъ законъ вашъ? Вѣровать въ Бога, — и еще учитъ насъ Бохмитъ обрѣзаться, свинины не ѣсть, вина не пить; за то по смерти дастъ онъ всякому правовѣрному по семидесяти женъ красныхъ, и на одну изъ нихъ возложитъ красоту всѣхъ семидесяти, и та будетъ ему женою. — Володимеръ слушалъ это съ большимъ удовольствіемъ, потому что любилъ женъ, но обрѣзаніе было ему противно, отверженіе мясъ свиныхъ также не нравилось, а всего болѣе запрещеніе вина. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, Руси есть веселіе—пити; мы не можемъ быть безъ него.

Посланные отъ Папы Нѣмцы говорили: «земля твоя, какъ и земля наша, а вѣра твоя не какъ вѣра наша. Наша вѣра свѣтъ есть. Мы кланяемся Богу, иже сотворилъ небо и землю, и всякое дыханье, а ваши боги древо. Володимеръ спросилъ: какая же ваша заповѣдь?—Поститься по силѣ, отвѣчали они, кто ѣстъ и піетъ, все во славу Божью... Нѣтъ, прервалъ Володимеръ, возвращайтесь домой: отцы наши не знались съ вами.

Пришли Жиды Козарскіе и сказали; мы слышали, что были у тебя Болгаре и Христіане учить тебя вѣрѣ своей —мы распяли того, кому Христіане вѣруютъ, а мы знаемъ единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковля. Какой законъ у васъ? спросилъ Володимеръ. Обрѣзаться, свинины не ѣсть, субботу хранить. Гдѣ земля ваша? Въ Ерусалимѣ. Но Богъ разгнѣвался на насъ за грѣхи наши, и расточилъ по странамъ чуждымъ. — Такъ какъ же

беретесь вы учить другихъ, сами отверженные Богомъ и расточенные? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, такъ не расточилъ бы васъ по странамъ чуждымъ. Хотите вы, чтобъ и съ нами было то же?

Наконецъ Греки прислали къ Володимеру своего учителя, который растолковалъ ему, въ чемъ состоятъ заблужденія всѣхъ этихъ исповѣданій. Вѣра Бохмитова, сказалъ онъ, «оскверняетъ небо и землю — исповѣдники ея прокляты паче всѣхъ человѣкъ. Вотъ напримѣръ какія скверны дѣлаютъ они, мужья и жены, поминая Бохмита... Володимеръ плюнулъ и сказалъ: нечисто есть дѣло. Мы слышали, продолжалъ учитель, что приходили къ вамъ и Римляне. Ихъ вѣра маломъ развращена съ нами: но они служатъ опрѣснокамн, то есть облатками, а Господь, пріемъ хлѣбъ, предалъ Апостоламъ: сіе есть тѣло мое, за вы ломимое, потомъ *взялъ чашу* и сказалъ: се есть кровь моя Новаго Завѣта. Римляне служатъ не такъ, и слѣдовательно не исправили вѣры.

Володимеръ спросилъ: Жиды говорятъ, что они распяли того, кому вы съ Нѣмцами вѣруете. Учитель отвѣчалъ: правда — Жиды распяли нашего Спасителя, но за то и пріяли наказаніе; грады ихъ разбиты, они расточены и работаютъ иноплеменникамъ; мы вѣруемъ Ему; ибо Его предрекали Пророки, яко Богу родитися, распяту быти и погребену и въ третій день воскреснути, и взыти на небо.

Но за чѣмъ же Богъ сходилъ на землю, спросилъ Володимеръ, и принималъ такія страсти?

Если ты хочешь слушать, отвѣчалъ учитель, то я объясню тебѣ.

Я радъ слушать, сказалъ любопытный Володимеръ.

И учитель началъ объяснять ему преданіе Моисея о созданіи міра, о паденіи ангеловъ, о твореніи человѣка,

о первородномъ грѣхѣ, о патріархахъ, о потопѣ и столпотвореніи, о вѣрѣ Авраамовой и обѣтованіяхъ ему Божіихъ, о переселеніи Израильтянъ въ Египетъ, о изведеніи ихъ Моисеемъ въ землю обѣтованную, о судіяхъ и царяхъ, о Давидѣ и Соломонѣ, о явленіи Пророковъ, которыхъ старался представить ему какъ можно разительнѣе. Онъ передалъ сначала пророчества о наказаніи Израиля.

Первый началъ пророчествовать Осія: тако глаголетъ Господь — преставлю царство дому Израилева, сокрушу лукъ Израилевъ.... отвергнуся ихъ и будутъ блудящи во языцѣхъ. Іезекіиль сказалъ: разсѣю вы вся останки ваши во вся вѣтры. Потомъ предрекали Пророки призваніе народовъ иныхъ къ принятію благословенія Господня. Исаія сказалъ: откроетъ Господь мышцу свою предъ всѣми языки, и узрятъ всѣ концы земли спасенье отъ Бога нашего. Давидъ воспѣвалъ: хвалите Господа вси языки и похвалите его вси людіе.

Наконецъ возвѣстили они явленіе Бога во плоти. Давидъ возгласилъ имъ: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножью ногама твоима. Исаія: Се Дѣва во утробѣ зачнетъ и родитъ сына, и назовутъ имя ему Еммануилъ. Ездра: благословенъ Господь, руцѣ разпростеръ свои, спасъ Ерусалима.

Предречено было и воскресеніе. Давидъ пѣлъ: Воскресни Господи Боже мой, и да вознесется рука твоя.

Володимеръ слушалъ рѣчь учителя съ глубокимъ вниманіемъ и спросилъ: сбылось ужъ это все, или еще теперь сбывается?

Сбылось все, отвѣчалъ учитель. Въ лѣто 5500 отъ сотворенія міра посланъ бысть Архангелъ Гавріилъ въ Назаретъ, къ Дѣвѣ Маріи, отъ колѣна Давидова, рѣщи ей:

радуйся, обрадованная, Господь съ тобою. И при семъ глаголѣ зачатъ она слово Божіе во утробѣ, и породи сына, нарече имя ему Іисусъ. Волхвы отъ востока пришли поклониться ему, а Иродъ Царь хотѣлъ умертвить его. По гласу Божіему отроча спасено было бѣгствомъ въ Египетъ, но по смерти Ирода святое семейство возвратилось въ Назаретъ. Возрастшу Іисусу и бывшу лѣтъ тридесяти, крестился онъ въ Іорданѣ отъ Іоанна Предтечи.... и се отверзошася небеса, и Духъ сходящь зракомъ голубинымъ нанъ, и гласъ услышанъ: Сей есть сынъ мой возлюбленый, о немъ же благоволихъ. Іисусъ началъ проповѣдывать слово Божіе, творя чудеса: хромые ходили, слѣпые прозирали, прокаженные очищались, мертвые воскресали по слову его. Архіереи и книжники исполнились къ нему зависти, и обвинили въ богохульствѣ. Онъ былъ распятъ въ Іерусалимѣ на Голгоѳѣ,—и бысть тьма по всей земли отъ шестаго часа и до девятаго, завѣса церковная раздралася, и многіе мертвые возстали. Въ девятомъ же часу испустилъ онъ духъ, а на третій день воскресъ.

Но для чего ему было родиться отъ жены, спросилъ Володимеръ, удивляясь болѣе и болѣе словамъ Грека, для чего былъ онъ распятъ на древѣ, для чего крестился водою?

Для того отъ жены, толковалъ учитель, что исперва родъ человѣческій согрѣшилъ женою, когда діаволъ прельстивъ Еву и Адамъ испаде изъ рая. Теперь Богъ воплотившись отъ жены открылъ путь человѣку въ рай. На древѣ онъ распятъ былъ для того, что исперва человѣкъ погибъ вкусивъ отъ древа, а теперь когда Богъ пріялъ смерть на древѣ, древомъ побѣженъ діаволъ. Обновленіе водою, для того, что водою было и первое

наказаніе. Сего ради рече Богъ: понеже погубихъ водою человѣка грѣхъ ихъ ради, нынѣ же паки водою очищу грѣхи человѣкамъ. Слушай далѣе:

По воскресеніи Іисусъ Христосъ явился ученикамъ своимъ, и послалъ ихъ во вся языки, научать ихъ крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На пятидесятый день снизшелъ по обѣтованію Духъ Святый на Апостоловъ, и они разошлись по вселенной.... проповѣдывать и учить народы, отъ нихъ научились и мы Греки.

Христосъ грядетъ паки съ небеси судити живымъ и мертвымъ, и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ даруетъ онъ царство небесное, красоту неизреченную, веселье безъ конца, и неумирать во вѣки; грѣшникамъ, невѣрующимъ во имя его, страданія огненная, и червь неусыпаяй, и мукѣ не будетъ конца.

Сказавъ это учитель развернулъ предъ Володимеромъ картину, изображающую страшный судъ, и указалъ ему одесную праведниковъ, идущихъ въ рай, и на другой сторонѣ, ошуюю, грѣшниковъ, посланныхъ въ адъ.

Съ тяжелымъ вздохомъ, въ глубокомъ размышленіи, сказалъ Володимеръ разсматривая картину: Счастливы тѣ — одесную, горе симъ ошуюю. — Крестись, прервалъ учитель, если хочешь стать одесную съ праведными. Володимеръ отвѣчалъ: дай мнѣ время,—и осыпавъ Грека дарами отпустилъ съ честію. . . . .

Причина медленности его была слѣдующая: онъ долженъ былъ знать мнѣніе своей дружины, бояръ и старцевъ, безъ которыхъ немогъ рѣшать ничего. Онъ созвалъ ихъ, и сообщилъ предложенія Болгаръ, Жидовъ и Нѣмцевъ, которые всѣ хвалили законы свои. Греки же хулятъ ихъ, а превозносятъ только свой. Много толковалъ учитель ихъ о началѣ всего міра, хитро сказующе, и чудно его

стушати, и любо. Онъ говоритъ, что есть еще другой свѣтъ, и если кто вступитъ въ ихъ вѣру, то умерши оживетъ, и не умретъ послѣ вовѣкъ, а кто послушается другаго закона, тотъ будетъ горѣть на томъ свѣтѣ. Вотъ что я услышалъ.... какъ вы разсудите?

Бояре и старцы отвѣчали: ты знаешь, Князь, что своего никто хулить не станетъ, но хвалитъ всегда. Если хочешь узнать истину, то—у тебя есть мужи, — пошли испытать гораздо, какъ кто служитъ Богу. И этотъ совѣтъ понравился Князю и всѣмъ людямъ.

Избранные мужи, добрые и смысленные, числомъ десять, обошли всѣ страны, были у Болгаръ, потомъ у Нѣмцевъ, и наконецъ пришли къ Грекамъ.

Императоръ, узнавъ о цѣли ихъ прибытія въ Константинополь, повелѣлъ явить богослуженіе во всей лѣпотѣ. Патріархъ облачился въ святительскія ризы; свѣтильники пылали во храмѣ святыя Софіи. Кадила благовонныя дымились, согласные лики славословили Господа. Пословъ поставили на возвышенномъ мѣстѣ, показывали имъ всю красоту церковную, и объясняли значеніе всѣхъ дѣйствій. Они были въ изумленіи, дивились и не находили словъ для выраженія своихъ чувствованій.

Когда они возвратились въ Кіевъ, Володимеръ велѣлъ имъ разсказать о видѣнномъ передъ дружиною, боярами и старцами. Они начали: у Болгаръ законъ нехорошъ. Въ ропатѣ они стоятъ безъ поясовъ. Поклонившись садятся, и поворачиваются по сторонамъ какъ бѣшеные. Веселья нѣтъ никакого, а развѣ печаль. Нѣмцы служатъ въ храмахъ долго, но безъ красоты. А когда Греки привели насъ туда, гдѣ они покланяются своему Богу, то мы не узнали, на землѣ-ль мы были или на небѣ. Нигдѣ нѣтъ такого вида, и такой красоты, которыхъ разсказать мы не умѣемъ; увѣрены только, что здѣсь пребываетъ

Богъ съ людьми, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, неприметъ горечи, такъ и мы.... . . . .

Бояре, выслушавъ повѣствованіе, сказали: въ самомъ дѣлѣ, еслибы Греческій законъ не былъ лучше всѣхъ, то бабка твоя Олега непріняла бы его: она была вѣдь мудрѣе всѣхъ людей.

Гдѣ же намъ креститься? спросилъ Володимеръ. Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчала дружина.

Въ слѣдующемъ году Володимеръ пошелъ на Корсунь, Греческій городъ, и осадилъ его, ставъ съ ладьями своими въ Лимени. Корсунцы защищались храбро, и Русскій Князь велѣлъ приспу сыпати ко граду. Жители, подрывшись подъ стѣною, уносили землю ночью въ городъ, и работа не имѣла успѣха, какъ вдругъ одинъ измѣнникъ, по имени Анастасъ, далъ знать оттуда съ пущенною стрѣлою, чтобъ Русскіе перекопали колодцы, изъ которыхъ трубами проведена вода въ городъ. Совѣтъ исполненъ, и люди, томимые жаждой, сдались.

Взявъ городъ, Володимеръ тотчасъ послалъ пословъ къ Греческимъ Императорамъ, Василью и Константину, требовать сестры ихъ, царевны Анны, себѣ въ супружество, грозя въ случаѣ отказа взять Константинополь, какъ теперь взялъ Корсунь. Императоръ изъявилъ свое согласіе съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ Христіанскую вѣру: иначе Христіанкѣ нельзя сопрягаться узами брака съ язычникомъ. Крестись, велѣли они сказать ему, и получишь сестру нашу и царство небесное. Я готовъ креститься, отвѣчалъ Володимеръ, потому что люба мнѣ вѣра ваша, и посланные мои, испытавъ, одобрили ее, присылайте сестру вашу съ людьми, которые окрестятъ меня.

Но Царевна отказывалась: лучше мнѣ умереть здѣсь, говорила она, чѣмъ идти въ этотъ плѣнъ. Братья старались убѣдить ее святостію подвига, если она всю землю Русскую приведетъ къ Богу, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавитъ свое отечество отъ лютыя рати, отъ всѣхъ бѣдствій, кои причиняла ему Русь, и грозитъ нанести впередъ.

Плача и рыдая прощалась юная царевна съ своими родственниками, и сѣла горестная въ кувару, уносившую ее изъ прекрасной родины, по волнамъ Чернаго моря, во власть какаго-то неизвѣстнаго страшнаго витязя, въ страну суровую, къ народу необразованному....

Корсунцы встрѣтили Анну и сопровождавшихъ ея священниковъ и вельможъ съ поклонами и великою честію, ввели въ городъ, и проводили въ приготовленную палату.

Епископъ Корсунскій съ священниками, прибывшими съ Царевною изъ Константинополя, огласивъ Володимера, и предавъ ему символъ вѣры, совершилъ надъ нимъ таинство святаго крещенія, въ церкви святаго Василія, стоявшей среди торговой площади. Говорили, что Володимеръ, заболѣвшій передъ тѣмъ глазами, прозрѣлъ въ самую минуту крещенія, и, изумленный, сказалъ; теперь то узналъ я Бога истиннаго. Многіе изъ дружины его, совершенно свободные въ образѣ своихъ дѣйствій, почтя чудомъ его внезапное исцѣленіе, тутъ же крестились.

Во время Нестора ходили уже разные толки о мѣстѣ крещенія Володимерова: одни говорили, что онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, но Печерскій инокъ рѣшительно утверждаетъ, что это было въ Корсунѣ, гдѣ при немъ еще были цѣлы палаты Володимера и Царевны.

По совершеніи крещенія совершенъ былъ бракъ.

Скоро Володимеръ съ новобрачной «царицей» оставилъ Корсунь, возвращенный Грекамъ за вѣно. Съ собою взялъ

онъ Анастаса, помогшаго ему взять городъ, нѣсколько поповъ, мощи св. Климента и Ѳива, ученика его, иконы на благословенье себѣ, сосуды церковные, два мѣдяныя капища и четырехъ коней мѣдяныхъ. Въ Корсунѣ велѣлъ онъ поставить церковь на горѣ, которую ссыпали жители землею, уношенной изъ его вала.

Лишь только возвратился Володимеръ въ Кіевъ, какъ и велѣлъ низпровергнуть кумиры, одни сжечь, другіе истребить, а главнаго, Перуна, привязать къ конскому хвосту, и волочить съ горы по Боричеву взвозу на ручай, съ ручая же въ Днѣпръ. Невѣрные люди плакали провожая кумиръ, пущенный по рѣкѣ. Князь приставилъ двѣнадцать человѣкъ отрѣвать его отъ берега, пока непройдетъ пороги. За порогами выбросило кумиръ на берегъ, и то песчаное мѣсто долго называлось въ народѣ Перуновой рѣлью.

На другой день велѣлъ Володимеръ сзывать жителей всего города къ рѣкѣ, говоря: если кто не окажется на рѣкѣ, богатый или убогій, нищій, работникъ, тотъ будетъ мнѣ противенъ. Люди, собрались съ радостію толкуя про себя: еслибъ это было не хорошо, то Князь и бояре не сдѣлали бъ того.

Поутру вышелъ Володимеръ на Днѣпръ съ попами Царицыными и Корсунскими, съ сыновьями и боярами. Народу множество, безъ числа, толпилось на берегу, — и начался торжественный обрядъ крещенія. Священники читали молитвы, лики пѣли: во Христа крещаются, во Христа облекаются — всѣ люди, мужчины и женщины, старые и молодые, бросились въ воду, и стали кто по шею, кто по грудь, дѣти близь береговъ, младенцы на рукахъ у матерей. Великій Князь, поднявъ глаза къ небу, воскликнулъ: Господи Боже, сотворивый небо и землю!

Призри на новыхъ людей твоихъ, и дай имъ увѣдѣти тебя, Бога истиннаго, какъ увѣдали прочіе народы христіанскіе, и помоги мнѣ на супротивнаго врага, да побѣжу козни его.

Вотъ была радость, на небеси и на землѣ, говоритъ съ восторгомъ благочестивый лѣтописецъ, видѣть столько душъ спасаемыхъ! «Благъ Господь и во вѣки милость его....: Рече Господь, яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся: се же не единъ, ни два, но безчисленное множество къ Богу приступиша, избавлени отъ прелести діавола. И погибе память его съ шумомъ, а Господь пребываетъ во вѣки, хвалимъ отъ Русскихъ сыновъ — новіи люди Хрестьянстіи, избранніи Богомъ!»

Володимеръ велѣлъ строить церкви по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли идолы. На Перуновомъ холму, куда приходили Князь и люди творитъ требы богамъ, поставленъ былъ храмъ Святаго Василія, коего имя получилъ онъ при крещеніи. Тогда же и по прочимъ городамъ и селамъ начали приводить людей на крещеніе и ставить церкви; разсылались священники, дѣти у нарочитой чади отдавались въ ученье книжное.

Исполнилось пророчество въ Русской земли: въ оны дни услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

Такъ крестился Володимеръ, и сыны его, и вся почти земля Русская, мирно, безпрекословно, въ духѣ кротости и послушанія, не прiявъ въ душу сѣменъ воздѣйствія.

Володимеръ, поживъ нѣсколько времени въ законѣ Христіанскомъ, пожелалъ создать великолѣпную церковь, подобную той, какую видѣлъ въ Корсунѣ. Мѣсто было избрано окропленное кровію мучениковъ. Шесть лѣтъ ма-

стерами Греческими строилась церковь, которой основаніе, сокрытое въ землѣ, удивляетъ до сихъ поръ своимъ пространствомъ и соразмѣрностію. Володимеръ отдалъ въ нее все, что привезъ изъ Курсуна—иконы, сосуды, кресты, и поручилъ ее Анастасу Корсунянину, приставивъ поповъ Корсунскихъ, опредѣлилъ ей десятую часть отъ всего имѣнія и всѣхъ городовъ своихъ. Освященіе церкви было совершенно съ великимъ торжествомъ. Для бояръ и старцевъ людскихъ устроено было въ тотъ день великое пиршество, а нищимъ раздана богатая милостыня.

Греція, и еще болѣе, сосѣдняя, единоплеменная Болгарія, уже давно просвѣщенная Христіанскимъ ученіемъ, имѣвшая многихъ знаменитыхъ учителей, преемниковъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, доставляли намъ первыхъ священниковъ, пылавшихъ огнемъ обращенія, какъ бывало вездѣ съ первыми христіанами. Они принесли съ собою священныя книги, Евангеліе, Апостолъ, литургію, писанія отцевъ церкви — на родномъ языкѣ, посредствомъ коего какъ бы нѣкіимъ чудомъ раскрылся вдругъ предъ очами новообращенныхъ христіянъ Русскихъ новый, прекрасный, удивительный міръ любви, премудрости, святыни,—и души простыя, добрыя, смиренныя, уготованныя, приняли божественное сѣмя, со страхомъ и вѣрою, и оно дало имъ плодъ сторичный.

Таковъ былъ изъ первыхъ самъ Володимеръ, который вдругъ какъ будто переродился, и началъ иную жизнь. Жестокосердый, сладострастный, кровожадный, преданный піанству, онъ сдѣлался умѣренъ, воздерженъ, кротокъ, человѣколюбивъ. Всякое слово, имъ слышанное въ церкви, проникало ему въ сердце, и оказывалось чудодѣйственнымъ. Слышалъ ли онъ въ Евангеліи: не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже тля тлитъ и татіе

подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесахъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе подкапываютъ, — и онъ приказывалъ всѣмъ нищимъ и убогимъ приходить на дворъ Княжій, и брать себѣ все что нужно, пищу и питье, одежду и куны изъ скотницъ. Распорядясь такъ, онъ все еще былъ недоволенъ, ибо больные и немощные не могутъ, говорилъ онъ, дойдти до моего двора. Что же онъ сдѣлалъ? Онъ велѣлъ пристроить воза, накладывать на нихъ хлѣба, мяса, рыбы, всякаго овощу, квасу и меду въ боченкахъ, и возить по городу. Изъ улицы въ улицу разъѣзжали его хлѣбодары и спрашивали; гдѣ больные и нищіе, немогіе ходити, и раздавали всѣмъ, кому что надо.

Точно также получивъ понятіе изъ Священнаго Писанія о драгоцѣнности человѣческой жизни, онъ не хотѣлъ казнить смертію даже разбойниковъ. Сами Епископы насилу могли убѣдить его, чтобъ усугубилъ строгость, ибо вслѣдствіе послабы умножились разбои. Боюсь грѣха, отвѣчалъ онъ имъ. Ты поставленъ отъ Бога, объясняли духовные, на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Наказывать разбойника можно, только съ испытомъ,—и Володимеръ едва уступилъ ихъ доказательствамъ.

И бранный духъ Володимеровъ кажется угасъ. Впродолженіи двадцати пяти лѣтъ остальной его жизни лѣтопись упоминаетъ въ двухъ словахъ объ одномъ походѣ его на Хорватовъ, (въ 993 году), вѣроятно по какой будь особой причинѣ; онъ жилъ въ мирѣ со всѣми сосѣдними государями: съ Болеславомъ, Королемъ Лядскимъ, Андреемъ Чешскимъ, Стефаномъ Угорскимъ.

Только съ Печенѣгами была рать безъ перестани. Эти варвары размножились въ привольныхъ степяхъ Черноморскихъ, принимали къ себѣ единоплеменниковъ изъ

внутренней Азіи, и безпрестанно нападали на Русскія владѣнія изъ за Днѣпра, Десны и Сулы.

Володимеръ, лишь только водворился въ Кіевѣ, какъ началъ брать противъ нихъ мѣры, и поставилъ множество городовъ по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, населилъ ихъ мужами лучшими отъ Словенъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, чтобъ преграждать ихъ набѣги до Кіева; иногда принужденъ онъ бывалъ ходить въ Новгородъ, чтобъ нанимать оттуда верховныхъ воевъ, то есть Норманновъ.

О войнахъ Печенѣжскихъ ходили въ народѣ разныя повѣсти; одна (993) кончилась по преданію поединкомъ, предложеннымъ отъ Печенѣговъ. Володимеръ послалъ бирючей по своимъ товарамъ (стану), вызывать охотниковъ, но никто не являлся, что его весьма огорчало. Наконецъ уже пришелъ одинъ старикъ, который разсказывалъ, что у него остался дома сынъ, меньшой, раздирающій воловью кожу руками, и никогда никѣмъ не осиленный. Князь велѣлъ привести его, и спросилъ, можетъ ли онъ побороться съ Печенѣжиномъ. Я не знаю, Князь, могу ли, отвѣчалъ молодой человѣкъ, испытайте! и просилъ выпустить на него сильнаго быка, разъяривши его каленымъ желѣзомъ. Такъ было исполнено. Силачь схватилъ его на бѣгу рукою за тѣло, и вырвалъ кусокъ мяса съ кожею «елико рука зая». Опытъ ободрилъ Русь. Въ назначенный день Печенѣжинъ явился, и посмѣялся, увидя предъ собою малорослаго соперника: «бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ». Размѣрено мѣсто между полками. Бойцы сошлись и схватились крѣпко другъ за друга. Русинъ удавилъ Печенѣжина «въ руку до смерти», и потомъ ударилъ оземь. Наши крикнули и бросились на Печенѣговъ, которые обратились въ бѣгство. Володимеръ заложилъ городъ на бродѣ томъ, и назвалъ его Перея-

славлемъ, потому что юноша переялъ здѣсь славу, а его, равно какъ и отца, «сотвори мужемъ великимъ».

По прошествіи трехъ лѣтъ Печенѣги напали вновь на Русь, при чемъ самъ Володимеръ едва избѣгнулъ опасности: онъ вышелъ было противъ нихъ съ маломъ дружины изъ Василева города, не за долго имъ основаннаго на рѣкѣ Стугнѣ, и не могъ выдержать ихъ натиска, бѣжалъ, и едва успѣлъ скрыться подъ мостомъ. Трепеща за свою жизнь, онъ обѣщался поставить церковь Святаго Преображенія въ Василевѣ, (это было въ день Преображенія), если Богъ избавитъ его отъ гибели. Печенѣги проскакали мимо, и Володимеръ спасся; онъ сотворилъ праздникъ великъ для бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ и многихъ людей, на которомъ выпито триста проварь меду, и роздано убогимъ полтораста фунтовъ серебра. Пиръ продолжался восемь дней, послѣ коихъ къ Успенью Князь воротился въ Кіевъ, гдѣ начались новыя празднества для безчисленнаго множества народа. Церковь во славу Преображенія Господня построена немедленно въ Василевѣ. Такъ онъ былъ радъ своему нечаянному избавленію!

О послѣднемъ набѣгѣ Печенѣговъ сохранилось преданіе, совершенно баснословное. Володимеръ уѣхалъ въ Новгородъ нанимать Норманновъ; Печенѣги, провѣдавъ объ его отсутствіи, осадили Бѣлгородъ. Голодъ началъ стѣснять осажденныхъ. Созвано было вѣче, на которомъ положено сдаться. Одинъ старикъ, не бывшій на вѣчѣ, узнавъ объ этомъ рѣшеніи, упросилъ старѣйшинъ подождать еще три дня, и исполнить между тѣмъ, что̀ онъ имъ скажетъ. Тѣ согласились. Старикъ велѣлъ выкопать два колодца, потомъ снесть къ нимъ по горсти овса, пшеницы и отрубей, изъ чего женщины должны были сдѣлать цѣжь, и опустить въ кадкѣ, въ одинъ колодецъ; въ другой коло-

децъ поставить кадку съ сытою, взявъ меду изъ княжей медуши,—и потомъ звать Печенѣговъ, чтобъ они пришли посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ. Печенѣги подумали, что граждане хотятъ сдаваться, оставили у себя заложниковъ, и пошли вдесятеромъ. Ихъ привели къ колодцамъ. Посмотрите, сказали Бѣлогородцы, какое у насъ обиліе въ городѣ; хотя больше десяти лѣтъ простоите вы подъ стѣнами, вы намъ ничего не сдѣлаете. Мы имѣемъ кормлю изъ земли. Съ сими словами зачерпнули они цѣжи ведромъ, налили въ лотки, и сварили кисель. Потомъ привели къ другому колодцу, и почерпнувъ сыты, начали ѣсть сами и подчивать Печенѣговъ. Тѣ отвѣдали, удивились и сказали, что Князья имъ не повѣрятъ. Бѣлогородцы почерпнули еще, налили корчагу цѣжи и сыты, и послали Князьямъ. Князья сварили, съѣли, и рѣшили, что стоять имъ подъ городомъ безполезно, сняли осаду, размѣняли талей и ушли.

Послѣ этой войны семнадцать лѣтъ жизни Володимера у Нестора не описано. Вѣроятно «ничто же бысть». Замѣчена только кончина какой-то Малфриды, (вѣроятно одной изъ прежнихъ женъ Володимеровыхъ), знаменитой Рогнѣды (997), сына ея Изяслава (998), внука Всеслава (999), и наконецъ Царицы Володимеровой Анны (1011).

Сыновья его княжили въ удѣлахъ, розданныхъ имъ очень рано, подъ наблюденіемъ кормильцевъ, и платили урочную дань отцу: Ярославъ въ Новѣгородѣ, куда перешелъ онъ изъ Ростова, по кончинѣ старшаго брата Вышеслава, Святополкъ въ Туровѣ, Борисъ въ Ростовѣ послѣ Ярослава, Глѣбъ въ Муромѣ, Святославъ въ Деревахъ, Всеволодъ въ Владимирѣ, Мстиславъ въ Тмутаракни...

Въ послѣдній годъ своей жизни (1015) Володимеръ былъ огорченъ ослушаніемъ сына Ярослава, который

понадѣясь на силу Новогородскую и помощь Варяговъ, или на старость отца и свое отдаленіе отъ него, не хотѣлъ платить двухъ тысячь гривенъ, что Новогородскіе посадники платили урокомъ Кіевскому Князю, раздавая тысячу гридямъ въ Новѣгородѣ. Володимеръ разсердился. Теребите путь, мостите мосты, воскликнулъ старой Князь, сбираясь самъ идти на войну, какъ будто закипѣла въ немъ прежняя кровь, вспомнилось передъ смертью давнопротекшее время, и ему вдругъ захотѣлось потѣшиться въ бранномъ полѣ,—но силы ему измѣнили, онъ занемогъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе съ другой стороны, что идутъ Печенѣги. Володимеръ долженъ былъ пока оставить безъ наказанія дерзкаго сына, звавшаго между тѣмъ Норманновъ, и послать свою дружину противъ Печенѣговъ, съ любимымъ сыномъ Борисомъ, который находился тогда въ Кіевѣ; — онъ не могъ уже дождаться ихъ возвращенія: 15 Іюля, 1015 года, онъ скончался въ любимомъ сельцѣ своемъ Берестовомъ, лѣтъ шестидесяти отъ рожденія.

Бояре хотѣли скрыть его смерть, потому, что Святополкъ Туровскій случился на ту пору въ Кіевѣ, а они ожидали Бориса, желая его посадить на престолъ: ночью, обвертѣвъ тѣло покойника въ коверъ, спустили его по веревкамъ сквозь проиманный накатъ, и отвезли на саняхъ въ Соборъ Пресвятой Богородицы, имъ созданный. Но народъ поутру же провѣдалъ о кончинѣ: безчисленное множество собралось въ церковь; бояре плакали о Володимерѣ, какъ защитникѣ своей земли; бѣдные какъ о своемъ кормильцѣ и заступникѣ. Тѣло его положено въ мраморный гробъ, отпѣто и погребено съ плачемъ великимъ.

Се есть новый Константинъ великаго Рима, восклицаетъ лѣтописатель, заключая его жизнеописаніе. Хоть

онъ и желалъ прежде на скверную похоть, но послѣ прилѣпился покаянію; согрѣшенія, содѣланныя въ невѣжествѣ, разсыпались милостынями, и тамъ преизобиловала благодать, гдѣ умножился грѣхъ. Дивно есть, сколько добра сотворилъ онъ Русской землѣ, крестивъ ее. Вѣчную память сохранятъ о тебѣ Русіи сынове, поминая святое крещеніе!

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ.

Во время кончины Великаго Князя Володимера, Святополку, его усыновленному племяннику, случилось быть въ Кіевѣ. Имѣвъ право на столъ великокняжескій, какъ сынъ старшаго брата Володимерова, Ярополка, онъ остался въ Кіевѣ, созвалъ Кіянъ и началъ одѣлять ихъ дарами. Тѣ принимали дары неохотно: сердце ихъ было съ братьями въ дружинѣ Борисовой. Святополкъ долженъ былъ опасаться, чтобъ этотъ любимый Князь, имѣя съ собою сильную рать, не лишилъ его отчины, согласно съ желаніемъ людей и бояръ, даже скрывавшихъ долго отъ Святополка кончину Великаго Князя. Можетъ быть—говорилъ въ немъ и тайный голосъ мести за отца Ярополка, убитаго Володимеромъ. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился погубить Бориса измѣною. Ночью, отай, ушелъ онъ въ Вышгородъ, и призвалъ Путшу съ Вышегородскими боярцами. Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ? спросилъ ихъ Святополкъ. Готовы умереть за тебя, отвѣчали они. Ступайте жъ въ станъ Борисовъ и убейте его. Тѣ обѣщали.

Борисъ, не найдя нигдѣ Печенѣговъ, возвращался съ своими воями, какъ пришла къ нему вѣсть о смерти отца.

Онъ плакалъ горько, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ братьевъ,—и остановился на Альтѣ (близъ Переяславля). Воины приступили къ нему: спѣши въ Кіевъ и садись на столѣ отнемъ.—Нѣтъ, не могу я поднять руки на брата старѣйшаго, отвѣчалъ Борисъ. Онъ долженъ быть мнѣ въ отца мѣсто. Такой смиренный отвѣтъ не могъ нравиться дружинѣ, любившей власть, богатство и войну. Отъ робкаго всѣ ушли къ смѣлому, и Борисъ остался съ одними отроками.

Приходитъ другое извѣстіе: хотятъ погубить тебя. Борисъ, вѣроятно христіанинъ съ младенчества, воспитанный въ правилахъ Евангельскаго ученія матерію Болгарыней, не думалъ о сопротивленіи,—которое, за отбытіемъ дружины, становилось даже безполезнымъ, — а только о пріуготовленіи къ христіанской кончинѣ. Вѣнецъ мученическій былъ ему всего вожделеннѣе. Услышавъ смертную вѣсть, провелъ онъ всю ночь въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Кончивъ оксапсальму, онъ воспѣлъ канунъ, и смотря на образъ Распятія, висѣвшій въ его шатрѣ, произнесъ молитву: Господи Іисусе Христе, благоволивый принять вольную страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и меня принять смерть отъ руки брата моего, и не сотвори ему въ томъ грѣха. Помолясь, онъ легъ на одръ. Убійцы, какъ дикіе звѣри, ворвались въ шатеръ, и пронзили копьями его, и любимаго отрока Георгія, родомъ Угрина, котораго Борисъ имѣлъ всегда при себѣ, и возложилъ на шею золотую гривну. Не могши снять ее съ шеи, они отрубили ему голову, и потомъ избили многихъ другихъ отроковъ. Бориса, еще дышущаго, обвертѣли въ шатеръ, положили на кола, и повезли къ Вышгороду. Святополкъ, узнавъ, что онъ дышетъ, выслалъ двухъ Варяговъ «прикончать» его. Одинъ изъ нихъ поразилъ его мечемъ въ сердце. Тѣло Борисово похоронили тайно

при церкви Святаго Василія въ Вышгородѣ. Имена убійцъ лѣтописатель предалъ проклятію: Путша, Талецъ, Еловецъ, Ляшко.

Святополкъ могъ ожидать мести отъ роднаго Борисова брата, по отцу и матери, Глѣба, Князя Муромскаго. Надо было извести и его, для предупрежденія опасности. Онъ послалъ звать Глѣба, яко бы къ отцу, занемогшему. Глѣбъ, «сѣдъ вборзѣ на коня», пошелъ съ малою дружиною, «бѣ бо послушливъ отцю». На дорогѣ изъ Мурома близъ Волги споткнулся у него конь, и онъ наломилъ себѣ ногу, однако же поѣхалъ далѣе, достигъ Смоленска, который былъ тогда перепутьемъ между городами Русскими, сѣверными, южными и восточными. Оттуда поплылъ онъ, какъ обыкновенно, водою, и остановился на Смядинѣ въ насадѣ, въ виду еще отъ города. Здѣсь дошло до него извѣстіе отъ Ярослава, увѣдомленнаго сестрою Предславою, изъ Новагграда, что отецъ ихъ умеръ, что братъ Борисъ убитъ Святополкомъ, и что онъ не долженъ идти въ Кіевъ. Глѣбъ облился горячими слезами, и по отцѣ, и особенно по братѣ, съ которымъ связанъ былъ узами крови, и отъ котораго, по старшинству, получалъ продолженіе материнскихъ наставленій о высокой христіанской добродѣтели. Увы мнѣ, Господи, говорилъ онъ, какъ передаетъ лѣтописецъ, — лучше умереть мнѣ съ братомъ любимымъ, нежели остаться одному на этомъ суетномъ свѣтѣ. Гдѣ слова его, кои говорилъ онъ мнѣ? Я не услышу уже его сладкаго наказанія. О братъ мой! если получилъ ты дерзновеніе у Бога, умоли, чтобъ и мнѣ принять такую же мученическую смерть!

Она была уже близка! Посланцы Святополковы плыли по Днѣпру, окружили кораблецъ Глѣбовъ и обнажили мечи. Отроки его оробѣли. Начальникъ убійцъ Горясѣръ закричалъ имъ, чтобъ они убили своего Князя. Поваръ

Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынулъ тотчасъ ножъ и зарѣзалъ его. Тѣло брошено на берегу между двумя колодами, а потомъ, чудесно узнанное, отвезено къ братнему въ Вышгородъ—два христіанина, принявшихъ новое ученіе къ сердцу, приложившихъ слово къ жизни, и запечатлѣвшихъ кровію преданность святому закону.

Святополкъ послалъ убить еще третьяго брата, Святослава Древлянскаго, который бѣжалъ было въ Угры, но былъ настигнутъ въ горахъ,—и началъ княжить въ Кіевѣ, раздавая людямъ корзна, куны и всякое богатство.

Между тѣмъ какъ эти происшествія слѣдовали одно за другимъ въ Кіевѣ, въ Новѣгородѣ Ярославъ, находившійся въ короткихъ связяхъ съ Норманами, и желавшій утвердить оныя еще болѣе, вступилъ въ супружество съ Ингигердою, дочерью Олава, Короля Шведскаго. Долго длились переговоры. Отецъ далъ согласіе первому посольству Ярославову; но невѣста, по свидѣтельству Норманскихъ лѣтописей, предъявляла однѣ условія за другими: сперва потребовала она себѣ за вѣно городъ Альдей-габоргъ съ принадлежащею къ нему областію. Послы Гольмгарда, (такъ назывался у Норманновъ Новгородъ) обѣщали ей именемъ своего князя. Тогда она потребовала, чтобы ей позволено было выбрать въ Швеціи знаменитаго мужа, который поѣхалъ бы съ нею, и получилъ на Руси тотъ же санъ и силу, какую имѣлъ на родинѣ. Послы и князь согласились. Она назначила въ спутники себѣ родственника Рагнвальда, чего весьма не хотѣлось ея отцу, но она настояла на своемъ требованіи: Рагнвальдъ былъ отпущенъ и получилъ Ладогу, которую долго держалъ съ честію, платилъ дань Ярославу.

Норманны, призванные Ярославомъ на помощь противъ отца, наглые и буйные, оставшись у него на службѣ, причи-

няли насиліе Новогородцамъ и женамъ ихъ. Тѣ не могли долго сносить обидъ, встали и избили ихъ на дворѣ Парамонѣ. Ярославъ озлобился: онъ чаялъ спасенія только отъ своихъ воинственныхъ наемниковъ, и долженъ былъ даже отвѣчать нѣкоторымъ образомъ за ихъ гибель, предъ всѣми ихъ единоплеменниками. Тая гнѣвъ, онъ уѣхалъ на Ракому, въ загородное свое село, на берегу Волхова, и лестію призвалъ къ себѣ главныхъ Новогородцевъ, которые изсѣкли Норманновъ, притворяясь забывшимъ ихъ самоуправство: мнѣ не воскресить уже тѣхъ, кто погибъ, говорилъ онъ. Новогородцы пришли, и были всѣ преданы смерти.

Въ эту самую ночь получаетъ онъ извѣстіе отъ сестры Передславы изъ Кіева: отецъ нашъ умеръ, Святополкъ занялъ его столъ, велѣлъ убить Бориса, и послалъ на Глѣба; блюдись его и ты повелику!

Что было дѣлать Ярославу! Безъ Новогородцевъ онъ не могъ теперь успѣть ни въ чемъ, а надѣяться на нихъ было нельзя, послѣ такой вѣроломной надъ ними казни. Дорого бы онъ далъ, чтобъ не поспѣшить своей местію. Скрѣпя сердце, поутру онъ созвалъ остальныхъ Новогородцевъ, и плачущій сказалъ имъ: о люба моя дружина, что вчера избилъ я, а нынѣ надобѣ. Ты избилъ нашу братью, отвѣчали они, но мы поможемъ тебѣ. Вѣроятно, они надѣялись добра отъ Святополка еще менѣе, чѣмъ отъ Ярослава.

Ярославъ собралъ рать, въ коей было Варяговъ тысяча. Отличались между ними два знаменитыхъ Норманскихъ витязя—Эймундъ и Рагнаръ. Они оставили свое отечество, обиженные конунгомъ Олавомъ, и, собравъ дружину изъ шестидесяти человѣкъ, рѣшились искать счастія въ Гольмгардѣ, и наняться у кого-нибудь изъ

Русскихъ князей, кто дастъ больше, Ярослава, Святополка или Брячислава, которые были въ раздорѣ между собою, какъ дошли до нихъ слухи. Ярославъ удержалъ ихъ у себя, договорясь платить сверхъ содержанія по унціи серебра на всякаго воина, и кромѣ того по полунціи на всякаго начальника ладьи,—серебромъ или мѣхами, бобрами и соболями.

Святополкъ выступилъ на встрѣчу къ Новогородскому Князю съ Русью и Печенѣгами. Противники сошлись на Днѣпрѣ у Любеча, и остановились на берегахъ другъ противъ друга. Долго не рѣшался начать никто. Воевода Святополковъ, ѣздя по берегу, ругалъ Новогородцевъ: ну вы, плотники, зачѣмъ пришли сюда съ своимъ хромцемъ? Мы приставимъ васъ рубить намъ хоромы. Новогородцевъ это взорвало. Они сказали Ярославу: перевеземся завтра; кто не пойдетъ, того убьемъ. Ярославъ и самъ думалъ о сраженіи. Онъ посылалъ отрока къ одному мужу въ станѣ Святополковомъ, ему благопріятствовавшему, спросить: что велишь творить? меду мало наварено, а дружины много. Тотъ отвѣчалъ: даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати, т. е. нападай. Между тѣмъ Днѣпръ началъ замерзать. Весь вечеръ прошелъ въ приготовленіяхъ у Ярослава. Дружинѣ велѣлъ онъ знаменаться и повить головы убрусами, чтобъ въ темнотѣ можно было узнать своихъ.

А Святополкъ, стоявшій на берегу между двумя озерами, не думая вовсе о сраженіи, пилъ съ своей дружиною. Передъ свѣтомъ Ярославъ исполчилъ полки и переправился. Вышедъ на берегъ, Новогородцы оттолкнули лодки, чтобъ нельзя было воротиться. Сѣча злая началася. Печенѣгамъ нельзя было изъ-за озера помочь Святополку. Его приперли къ озеру съ дружиною. Всѣ они бросились на

ледъ,—вода только что подмерзла ,—и ледъ обломился. Эймундъ и Рагнаръ дѣйствовали сильнѣе всѣхъ. Ярославъ началъ одолѣвать,—и Святополкъ бѣжалъ къ Ляхамъ, къ тестю своему, Болеславу Храброму, Королю Польскому, съ которымъ еще при жизни Володимеровой были у него переговоры о подданствѣ съ сосѣднею областію, а Ярославъ занялъ Кіевъ и сѣлъ на столѣ отчемъ и дѣднемъ, наградивъ своихъ помощниковъ , отъ десяти гривенъ до гривны серебра, коемуждо по заслугѣ.

Болеславъ, Король Польскій, справедливо прозванный Храбрымъ, ужасъ своихъ сосѣдей , воевалъ тогда съ Нѣмецкимъ Императоромъ Генрихомъ II , который , по свидѣтельству Епископа Мерзебургскаго Дитмара, вошелъ было въ сношенія съ Ярославомъ противъ общаго врага; но, получивъ отъ него малую помощь, принужденъ былъ примириться на тягостныхъ для себя условіяхъ. Тогда Болеславъ взялся за отмщеніе своего зятя , ненавидѣвъ и самъ Ярослава, за отказъ сестры. Приговоривъ помощниковъ изъ Угровъ, Печенѣговъ, Нѣмцевъ, пошелъ онъ въ слѣдующемъ году на Кіевскаго Князя, который, не ожидая вовсе никакой войны, ловилъ спокойно рыбу въ Днѣпрѣ, какъ вдругъ принесено ему было извѣстіе, что многочисленное войско идетъ противъ него, подъ предводительствомъ Болеслава , помогающаго Святополку. Онъ бросилъ уду , сказавъ : «нечего теперь удой рыбу ловить; какъ бы самимъ не попасться на уду»,—и началъ приготовляться къ отпору. Вышелъ изъ Кіева и встрѣтилъ Болеслава на Бугѣ. Оба войска остановились и простояли нѣсколько дней въ бездѣйствіи. Воевода Ярославовъ Будый насмѣхался надъ Польскимъ Королемъ : что же онъ не переѣзжаетъ къ намъ , мы проткнемъ ему, кабану , толстое брюхо копьемъ. «Бѣ бо великъ и

тяжекъ». Болеславъ не вытерпѣлъ, сѣлъ на коня, хотя едва могъ держаться на немъ по причинѣ тучности, бросился въ рѣку вбродъ, и звалъ за собою своихъ воиновъ отмстить за ругательство. Кабанъ перевѣдается съ собаками, кричалъ онъ. Ярославъ не изготавливался его встрѣтить на тотъ разъ, былъ разбитъ совершенно, лишился даже всякой надежды бороться, и бѣжалъ въ Новгородъ.

Онъ не хотѣлъ было оставаться и тамъ, а думалъ прямо искать убѣжища за моремъ у Норманновъ, но Новогородцы его не пустили. Съ посадникомъ Коснятинымъ, сыномъ Добрыни, они изрубили Ярославовы ладьи, и сказали, что хотятъ еще биться съ Святополкомъ и Болеславомъ. Начали собирать серебро, отъ мужа по 4 куны, отъ старостъ по 10 гривенъ, отъ бояръ по 18 гривенъ, и послали нанимать Норманновъ. Тѣ пришли на корабляхъ. Новогородцы выдали имъ серебро, за ихъ помощь, и собрались въ походъ,—но самъ Святополкъ помогъ Ярославу еще лучше наемныхъ Норманновъ.

Король Польскій, располагался, повидимому, оставаться въ Кіевѣ дольше, чѣмъ желалъ Святополкъ; можетъ быть, онъ думалъ даже имѣть въ зятѣ подвластнаго себѣ данника, и покорить Кіевъ владычеству Польши. Святополку не хотѣлось уступить власти кому бы то ни было: онъ велѣлъ жителямъ убивать тайно воиновъ Польскихъ, разведенныхъ по городамъ на кормъ. Ляховъ избили много, такъ что Болеславъ долженъ былъ опасаться и за себя. Оставаться долѣе во враждебной землѣ ему было нельзя; онъ поспѣшилъ удалиться, захвативъ дочерей Володимеровыхъ, (изъ которыхъ за Предславу онъ сватался прежде и получилъ отказъ, а теперь положилъ къ себѣ на ложе) плѣнилъ многихъ бояръ, значительное количество людей

множество имѣнія, приставя къ храненію Анастаса, Десятиннаго, измѣнившаго второму своему отечеству, также какъ и первому. По пути занялъ онъ города Червенскіе, покоренные прежде Володимеромъ.

Этимъ Болеславовымъ походомъ хвалятся Польскіе лѣтописатели: они разсказываютъ, что Болеславъ разрубилъ мечемъ, полученнымъ отъ ангела, Золотыя ворота въ Кіевѣ, отъ чего на лезвеѣ произошла щербина, что Болеславъ, предъ выступленіемъ изъ Кіева, въ знакъ своего владычества надъ Русскими, и слѣдуя примѣру Геркулеса, поставилъ столпы желѣзные на Днѣпрѣ, гдѣ впадаетъ въ него Сула, а въ рѣку велѣлъ положить мѣдныя трубы, которыя отъ теченія воды издаютъ звуки и произносятъ имя Болеслава... Какъ бы то ни было, Болеславъ ушелъ изъ Кіева.

Святополкъ успѣлъ освободиться отъ нечаяннаго своего врага-благодѣтеля, но другой шелъ уже на него. Не съ чѣмъ было встрѣчать ему Ярослава, и онъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ, а Князь Новогородскій занялъ отять Кіевъ.

На другой годъ уже, (1019), собравъ многочисленное войско, въ силѣ тяжцѣ, явился Святополкъ съ наемными Печенѣгами. На рѣкѣ Альтѣ, тамъ, гдѣ погибъ несчастный Борисъ, сошлись супротивники. Все поле было покрыто воями. Господи, воскликнулъ Ярославъ, неповинная кровь вопіетъ къ тебѣ, отомсти! А вы, братья, помогайте мнѣ! Лишь только взошло солнце, началась битва, какой еще не бывало на Руси: воины, схватясь за руки, сѣклись мечами, кололись копьями, такъ что кровь текла по удольямъ потоками. Три раза сступались противники, наконецъ къ вечеру одолѣлъ Ярославъ. Святополкъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но онъ

не могъ сидѣть на конѣ, отъ разслабленія силъ. Его положили на носилкахъ, и понесли. Ему все казалось, что за нимъ гонятся, и онъ безпрестанно оборачивался назадъ, понуждая своихъ воиновъ. Лишь только тѣ останавливались гдѣ-нибудь, какъ онъ высылалъ ихъ освѣдомляться: «посмотрите, не гонятся ли за нами». Отроки возвращались съ отвѣтомъ, что погони никакой не было, но больной вскакивалъ, и кричалъ опять: «гонятся, побѣжимъ»! — и воины должны были съ нимъ спѣшить дальше и дальше. Такъ достигли они Бреста, города Туровскаго княжества. Святополкъ все не успокоивался, и никакъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Ему все чудилась погоня. «Несите дальше, дальше»! Они пробѣжали Лядскую землю, говоритъ Несторъ, и тамъ, гдѣ-то, за нею, Святополкъ «злѣ изверже животъ свой».

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ.

1019 — 1054.

Ярославъ мстилъ Святополку смерть своихъ братьевъ, но было что мстить и ему. Полоцкій Князь Брячиславъ, сынъ Изяславовъ, внукъ славной Рогнѣды, наслѣдовалъ ея кровную ненависть къ потомству разлюбившаго ее мужа. Брячиславу, въ войнѣ съ Ярославомъ, помогали много, по разсказамъ Норманскихъ странниковъ, его прежніе сотрудники, Эймундъ и Рагнаръ, что мы узнаемъ изъ Эймундовой саги: служивъ Кіевскому Князю нѣсколько лѣтъ, сребролюбивые Норманны были недовольны его скупостію; онъ задерживалъ всегда договорное жалованье, а наконецъ, утвердясь на столѣ Кіевскомъ, началъ при-

жимать ихъ такъ, что тѣ рѣшились оставить его совершенно. — Ну такъ что же вы будете дѣлать, спросилъ ихъ Ярославъ на разставаньѣ. — Чего тебѣ хочется всего меньше, отвѣчали они: мы пойдемъ къ Брячиславу, — и съ сими словами отправились они къ своимъ ладьямъ. Ярославу было очень непріятно лишиться такихъ сподвижниковъ, а еще менѣе получить въ нихъ враговъ. Жена его Ингигерда, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ рядахъ, по обычаю женъ Норманскихъ, какъ Ольга, какъ Рогнѣда, пошла вслѣдъ за ними съ Ярломъ Рагнвалдомъ и нѣсколькими мужами. Всѣ Эймундовы люди стояли на берегу и готовились отплыть. Они доложили своему Князю, который сѣлъ уже въ лодку, что Княгиня хочетъ съ нимъ видѣться. Я не вѣрю ей, молвилъ Эймундъ, она похитрѣе будетъ своего мужа, но уклоняться отъ бесѣды негодится. Рагнаръ хотѣлъ было проводить своего товарища, но тотъ остановилъ его, сказавъ: вѣдь мы не на войну выходимъ. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидалась его Княгиня съ своими. Всѣ они сѣли на холму. На Эдмундѣ былъ коць съ завязанными тесемками; подъ полою спрятанъ былъ мечь. Княгиня и Рагнвальдъ, говоря, подвигались къ нему ближе и ближе, такъ что прикасалися платья. Не хорошо, сказала Ингигерда, что вы такъ разстаетеся съ Княземъ; мнѣ хотѣлось бы уладить дѣло. Между тѣмъ ни у нея, ни у Эймунда, руки не оставались въ покоѣ: Эймундъ развязывалъ тесемки, Ингигерда спускала рукавъ. Онъ уже догадался, что здѣсь не безъ козни, — и въ самомъ дѣлѣ, лишь только Княгиня, высвободивъ руку, подняла ее къ верху, какъ ея люди бросились на Эймунда, но онъ успѣлъ отскочить, сбросивъ съ себя развязанный коць, а Рагнаръ, наблюдавшій за бесѣдою изъ лодки, бѣжалъ уже на помощь съ товарищами, которые бросились

съ яростью на людей Княгининыхъ и хотѣли ихъ перебить... Эймундъ удержалъ: не надо, пусть идутъ они въ покоѣ домой, — я не хочу ссориться съ Конунгомъ. Ингигерда, смѣясь надъ своей неудачей, разумѣется-принужденно, удалилась къ себѣ, а Эймундъ съ Рагнаромъ поплыли въ Полоцкъ.

Брячиславъ напалъ на Новгородъ, плѣнилъ многихъ жителей, и захватилъ богатую добычу. Ярославъ догналъ Полоцкаго Князя на возвратномъ его пути около рѣки Судомы, и побѣдилъ, — однако-жъ далъ ему въ придачу къ прежней волости Витебскъ и Усвятъ. Норманны разсказывали, что Эдмундъ и Рагнаръ успѣли захватить здѣсь въ плѣнъ Ингигерду, ѣхавшую къ мужу, выждавъ ее въ засадѣ, чѣмъ и содѣйствовали къ заключенію мира между Князьями. Первый получилъ себѣ въ управленіе Сѣверо-западную область съ обязанностію охранять предѣлы Русской земли съ этой стороны.

Вскорѣ за этой войной, Ярославъ долженъ былъ защищаться отъ брата своего Мстислава, Князя Тмутораканскаго, который, одинъ изъ всѣхъ сыновъ Володимеровыхъ, оставался еще въ живыхъ, кромѣ Судислава, заключеннаго въ Псковѣ, по клеветѣ, еще въ 1036 году.

Мстиславъ, истинный витязь въ Норманскомъ духѣ, сдѣлался ужасомъ всѣхъ своихъ сосѣдей около Чернаго моря. Прежде всего, онъ помогъ Грекамъ уничтожить Козарскую державу въ Тавридѣ. Потомъ ходилъ онъ на сосѣднихъ съ Тмутораканью Касоговъ. Зачѣмъ губить намъ воевъ, предложилъ ему Косожскій Князь Редедя, сразимся лучше мы двое, и не оружіемъ, а борьбою. Одолѣешь ты—и возмешь мое имѣніе, мою землю, жену и дѣтей; а если я одолѣю, то возму все твое. Мстиславъ

согласился. Они схватились, боролись долго и крѣпко. Тмутораканскій Князь началъ изнемогать. Мать Пречистая Богородица, воскликнулъ онъ, помоги, я выстрою тебѣ церковь, и, напрягши всѣ мышцы, стиснулъ Редедю и ударилъ о земь, вынулъ ножь и зарѣзалъ. Потомъ овладѣлъ всею землей его, взялъ его имѣнье, жену и дѣтей, сдѣлавшихся родоначальниками нѣкоторыхъ нынѣшнихъ дворянскихъ фамилій, обложилъ жителей данью и потомъ возвратился въ Тмуторакань, гдѣ и заложилъ церковь Св. Богородицы, которая стояла тамъ еще при жизни лѣтописателя.

Но Мстиславу хотѣлось больше владѣнія изъ отцовскаго наслѣдства. Онъ пошелъ на Кіевъ, взявъ съ собою Козарскіе и Косожскіе вои. Кіевляне не пустили его однакожъ къ себѣ, хотя Ярослава не было тогда дома: онъ уѣзжалъ въ Новгородъ, а оттуда долженъ былъ отправиться въ Суздальскую землю, гдѣ взмялся народъ вслѣдствіе голода: волхвы пустили молву, что старыя бабы держатъ гобино. Народъ принялся ихъ избивать, и насилу Ярославъ успокоилъ людей Божіимъ страхомъ. Казнилъ однихъ волхвовъ, а другихъ расточилъ. За житомъ послали Волгою купцевъ въ Болгарію, которые привезли всего вдоволь, и народъ ожилъ.

Чтобъ отбиться отъ новаго своего врага, Ярославъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, и искать помощи тамъ, гдѣ находилъ ее отецъ его и прочіе Князья, во всякомъ случаѣ нужды,—у Норманновъ. Ждать долго они себя не заставляли, было-бъ готово золото, серебро и паволоки за ихъ бранную службу. И приплылъ скоро къ Ярославу Якунъ слѣпой въ золотой лудѣ съ своею дружиной. Снарядясь, пошли они на Мстислава, который встрѣтилъ ихъ у Листвена, недалеко отъ Чернигова.

Съ вечера исполчилъ онъ дружину, поставивъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ, а самъ съ нею по крыльямъ. Ночью вдругъ поднялась гроза и пролился дождь. Пойдемъ на нихъ, закричалъ удалый Князь, и подъ ударами грома, при блескѣ молніи, сразилися вои. Чело Сѣверянъ сступилось съ Варягами, но гдѣ же было имъ устоять противъ опытной въ бояхъ руки Норманскаго племени! Мстиславовы Варяги одолѣли, — и трудишася, сѣкуще Сѣверъ, говоритъ лѣтописецъ, — какъ подоспѣлъ самъ Мстиславъ съ дружиной своей, наперъ на Варяговъ и сломилъ ихъ полкъ. А между тѣмъ буря продолжалась, оружіе блистало, освѣщавшееся вдругъ молніей, громъ гремѣлъ, и сѣча была сильна и страшна. Ярославъ увидѣлъ, что беретъ не его, и бѣжалъ вмѣстѣ съ Якуномъ, который оставилъ на мѣстѣ сраженія свою златотканную одежду. На разсвѣтѣ Мстиславъ, осматривая поле, усыпанное трупами, сказалъ: какъ мнѣ не радоваться? здѣсь лежитъ Сѣверянинъ, здѣсь Варягъ, а дружина моя цѣла.

Однако-жъ онъ не хотѣлъ низложить Ярослава совершенно: онъ послалъ звать его, какъ старшаго брата, въ Кіевъ, «а мнѣ буди сія сторона». Но Ярославъ не смѣлъ ему вѣрить, и прислалъ въ Кіевъ только мужей своихъ, а самъ, уже черезъ три года, со вновь набранными воями, явился въ своей столицѣ. Подъ Городцемъ братья раздѣлили Русскую землю, назначивъ границею между собою Днѣпръ — «и начаста жити мирно, въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика въ земли года три».

На четвертый—Ярославъ, вѣрный Норманнской природѣ, съ коею имѣлъ случай сродниться, началъ продолженіе походовъ на сосѣднія племена, началъ воевать дальше и дальше.

Въ 1030 году ходилъ онъ и взялъ Бельзъ; потомъ далѣе на Чудь, обложилъ ее данью, и поставилъ городъ Юрьевъ (Дерптъ), куда должна была собираться дань съ окружнаго поморья.

Въ 1031 году ходилъ онъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ на Польшу, которая только что лишилась своего славнаго Болеслава, и раздиралась междоусобіями. Воспользуясь ими, братья заняли опять города Червенскіе, воевали долго Лядскую землю, и привели много плѣнниковъ, которыхъ раздѣлили между собою. Доставшихся на свою долю Ярославъ посадилъ близь Кіева по рѣкѣ Реи, поставивъ на ней нѣсколько городовъ.

Этотъ походъ былъ послѣднимъ для храбраго Мстислава. Вышедъ на ловы, онъ разнемогся и умеръ, вскорѣ послѣ единственнаго своего сына Евстафія, и власть его вся досталась Ярославу, который сдѣлался, какъ Володимеръ, самовластцемъ всей почти Русской земли.

Новгородъ отдалъ онъ тогда сыну Володимеру, которому исполнилось 16 лѣтъ, а Епископомъ назначилъ Луку Жидяту, для чего нарочно туда и ѣздилъ. Тогда же вѣроятно роздалъ онъ города и прочимъ сыновьямъ.

Въ отсутствіе его Печенѣги набѣжали опять на Кіевъ. При первомъ извѣстіи Ярославъ собралъ воевъ, Словенъ и Варяговъ, и поплылъ на помощь къ своей столицѣ. Печенѣговъ было безъ числа. Ярославъ исполчилъ дружину, поставя въ срединѣ Норманновъ, на правомъ крылѣ Кіевлянъ, на лѣвомъ Новогородцевъ. Загородомъ произошло сраженіе кровопролитное, и едва къ вечеру одолѣлъ Кіевскій Князь. Печенѣги разбѣжались во всѣ стороны, и многіе потонули въ Сѣтомли и другихъ рѣкахъ.

На мѣстѣ сраженія, въ слѣдующемъ году, заложилъ Ярославъ великую церковь Святой Софіи, наподобіе Константинопольской, а Кіевъ обвелъ великою стѣною, въ защиту отъ вражескихъ набѣговъ, съ Золотыми воротами, которыхъ ветхіе останки видимъ еще теперь.

Отразивъ на долго дикарей, Ярославъ принялся опять ходить на Норманскій промыселъ, раздвигая болѣе и болѣе предѣлы Русской земли.

Въ 1038 г. на Ятвяговъ,

въ 1040 на Литву,

въ 1041 на Мазовшанъ въ ладьяхъ,

въ 1042 старшій сынъ его Володимеръ ходилъ изъ Новагорода на Ямь, Чудское племя, на югѣ нынѣшней Финляндіи.

Въ 1043 году отправилъ онъ сына, снарядивъ многочисленное войско, на Царьградъ, къ старинной любимой цѣли Русскихъ Князей, оставленной въ покоѣ послѣ принятія Христіанской вѣры и начавшагося родства съ Греческими Императорами. Молодому Володимеру, пылкому и храброму юношѣ, захотѣлось видно отличиться въ предпріятіи великомъ, на войнѣ опасной и выгодной, со врагами знаменитыми, — и онъ выпросилъ у отца его могучую, испытанную дружину, чтобъ вмѣстѣ съ нею добыть славы и богатства.

Предлогомъ послужила обида, причиненная въ Константинополѣ Русскимъ купцамъ, среди коей убитъ одинъ знатный Русинъ. Норманны изъ-за моря явились вѣрными помощниками. Съ полуночныхъ странъ Океана, говорятъ Греки, прибыло въ Кіевъ множество воевъ. Воеводство поручилъ Ярославъ Вышатѣ. Въ легкихъ однодеревкахъ поплыли витязи подъ Царьградъ по знакомому

пути. Императоръ Мономахъ, узнавъ о несущейся на него грозѣ, послалъ тотчасъ пословъ на встрѣчу Володимеру, просить, чтобъ онъ отложилъ оружіе, и, изъ пустой причины, не нарушалъ долговременнаго мира. Володимеръ, которому хотѣлось войны, во что бы то ни стало, осрамилъ пословъ и отпустилъ назадъ съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ. Константинъ долженъ былъ приготовляться къ оборонѣ. Всѣхъ Русскихъ купцевъ, равно какъ и единоплеменныхъ съ ними воиновъ, которые служили исконн въ его варангіи между тѣлохранителями, онъ выслалъ изъ столицы во внутреннія области, и самъ со всѣмъ Греческимъ корабельнымъ полкомъ двинулся въ море; конница пошла берегомъ. Русь подплыла уже къ самому проливу и остановилась у Фара. Противники выстроились, но никто не хотѣлъ начинать сраженія. Императоръ передъ вечеромъ отправилъ вторичное посольство съ предложеніемъ о мирѣ. Володимеръ принялъ опять пословъ съ презрѣніемъ, и потребовалъ по три фунта золота на всякаго своего воина, чего и въ половину не получалъ самъ вѣщій Олегъ. Такого нелѣпаго требованія Греки, разумѣется, исполнить не могли, и рѣшились сразиться. На другой день отправили они три галеры ударить на непріятеля и вызвать его въ открытое море. Начальнику ихъ удалось проникнуть въ средину Русскихъ судовъ и пустить Греческій огонь; семь лодей онъ сжегъ, одну полонилъ, одну зотопилъ. Русь снялась съ якорей, выплыла на просторъ, какъ вдругъ, ей на бѣду, подулъ ужасный восточный вѣтеръ. Поднялась буря. Море взволновалось, и всѣ лодьи Русскія размѣтало: однѣ опрокинутыя, пошли ко дну, другія выброшены на берегъ, иныя унесены въ открытое море. Княжескій корабль разбитъ былъ вѣтромъ, такъ что Володимера едва спасъ Ярославовъ воевода Иванъ Твори-

миричь, принявъ его къ себѣ на корабль. На берегу собралось Руси до шести тысячь, которымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвращаться сухимъ путемъ. Изъ Княжеской дружины никто не хотѣлъ имъ сопутствовать. Я иду, сказалъ Вышата, жить ли, умереть ли съ товарищами, и покинулъ свой корабль.

Императоръ, довольный успѣхомъ, удалился въ городъ, оставивъ у Фара суда для преслѣдованія непріятеля. Русь послѣ бури собралась въ пристани, образуемой двумя мысами. Греки проплыли мимо, и Володимеръ, увидѣвъ ихъ малое число, выслалъ нѣсколько людей, чтобъ пресѣчь имъ возвратный путь. Гребя изъ всѣхъ силъ, другіе Русскіе пловцы успѣли окружить ихъ со всѣхъ сторонъ. Грекамъ надо было сразиться, и Володимеръ разбилъ ихъ совершенно, въ утѣшеніе себѣ за вчерашнюю бѣду. Четыре судна взялъ онъ въ плѣнъ, и даже то, на которомъ находился начальникъ ополченія. Прочія суда Греческія сѣли на мѣль или разбились о подводные камни. Однако же Володимеръ, потерявъ много судовъ и людей на канунѣ, не могъ исполнить своего намѣренія — напасть на Константинополь, и долженъ былъ удалиться, хотя съ многими плѣнными. Сухопутный отрядъ былъ несчастнѣе: Греки напали на Русь близъ Варны, захватили и привели плѣнными въ Царьградъ, гдѣ многіе изъ нихъ были ослѣплены. Вышата черезъ три года, по заключеніи мира, былъ отпущенъ къ Ярославу.

Это былъ послѣдній Греческій походъ Норманскихъ Русскихъ витязей, которые, впродолженіи двухъ-сотъ лѣтъ, чудесами своей отважности, предпріимчивости и храбрости приводили въ трепетъ знаменитую столицу Восточной Имперіи, подъ старыми стѣнами ея, и рас-

пространяли славу своего имени, обогащаясь серебромъ, золотомъ и паволоками.

Послѣ Греческаго похода Ярославъ ходилъ только на Мазовшанъ (1046), подавая помощь зятю Польскому Королю Казимиру, за котораго отдалъ предъ тѣмъ сестру, и получилъ за вѣно восемь сотъ человѣкъ, плѣненныхъ Болеславомъ. Онъ убилъ мятежника Моислава и покорилъ его подданныхъ Казимиру.

Съ каждымъ годомъ усиливался и прославлялся Ярославъ болѣе и болѣе. Подъ конецъ его жизни, предѣлы наслѣдованной имъ отъ отцевъ Руси распространились даже до Чернаго и Балтійскаго морей, до Уральскихъ, Карпатскихъ и Кавказскихъ горъ, до внутренней Польши. Вотъ какъ широко и далеко очертилась Норманнами окружность Русскаго государства!

Пятерыхъ сыновъ своихъ, нароженныхъ ему шведской Ингигердою, Ярославъ разсажалъ по главнымъ городамъ собранныхъ въ руку его племенъ славянскихъ.

Старшему Володимеру, (род. въ 1020 г.) шестнадцатилѣтнему, онъ далъ Новгородъ съ его волостями еще въ въ 1036 году.

Слѣдовавшему за нимъ Изяславу, (род. въ 1024 г.) важнѣйшее изъ Норманскихъ поселеній Туровъ, на рѣкѣ Припети между Дреговичами.

Святославу, (род. въ 1026 г.) — Черниговъ на рѣкѣ Деснѣ съ Тмутораканью, на черноморскомъ островѣ Таманѣ, и всѣми землями по Окѣ, — Сѣверою, Вятичами, Муромомъ и Рязанью.

Всеволоду, (род. въ 1029 г.)—Переяславль, на Сулѣ, съ Поволожьемъ, землею Бѣлозерскою и Суздальскою.

Вячеславу, (род. въ 1036 г.)—Смоленскъ, на Днѣпрѣ, и меньшему Игорю Владимиръ Волынскій.

Всѣхъ сыновъ своихъ Ярославъ переженилъ на иностранныхъ княжнахъ, а дочерей выдалъ за мужъ за королей и принцевъ, и вступилъ въ родство со многими европейскими государями.

Старшій сынъ Володимеръ былъ женатъ на какой-то сѣверной принцессѣ, которую тамошніе лѣтописатели считаютъ дочерью Англійскаго короля Гаральда.

Изяславъ на дочери короля Польскаго Мечислава II, сестрѣ Казимировой.

Всеволодъ на Греческой царевнѣ.

Вячеславъ и Игорь на нѣмецкихъ принцессахъ.

Дочь Анна отдана за короля Французскаго Генриха I.

Анастасія, за короля Венгерскаго Андрея.

Елизавета, за князя Норвежскаго Гаральда.

Гаральдъ былъ славнѣйшій витязь своего времени, по разсказамъ сѣверныхъ сагъ. Пятнадцати лѣтъ онъ уже снискалъ себѣ имя на сраженіи. Вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ онъ долженъ былъ оставить родину, и искать убѣжища на Руси. Ему поручено было начальство надъ дружиною, охранявшею сѣверные предѣлы ея. Тогда-то вѣроятно присватался онъ къ дочери Великаго Князя Кіевскаго, но получилъ отъ нея отказъ, какой дала ея бабка Рогнѣда Володимеру. Гаральдъ уѣхалъ въ Грецію, и воевалъ долго на Средиземномъ морѣ, по берегамъ Африки, чтобъ добыть себѣ славы и богатства. Нахватанныя сокровища, чрезъ вѣрныхъ людей, онъ пересылалъ для сохраненія въ Кіевъ, къ Ярославу и Ингигердѣ, а о подвигахъ сложилъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую цѣлію привлечь сердце гордой дѣвицы Русской:

«Мы сразились съ Трандами, но они многочисленностію одержали верхъ; сѣча наша была злая и упорная; юноша я былъ отлученъ отъ молодаго князя, который палъ

на сраженіи; но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Шестнадцать насъ мы вычерпали однажды воду, о женщина, изъ четырехъ ладей, во время бури; нагруженный корабль былъ орошенъ морскими волнами; вѣрно всякой слабодушный не поплыветъ туда, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я знаю восемь искусствъ, умѣю слагать пѣсни, искусенъ въ верховой ѣздѣ, иногда упражнялся въ плаваніи, могу опираться на шестъ, я ловокъ метать копье, править весломъ, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Ни женщина, ни юная дѣва, не будутъ спорить, что поутру мы были въ южномъ городѣ, гдѣ потрясали мечами, и вторгались съ желѣзомъ и оружіемъ: тамъ есть свидѣтельство совершенныхъ подвиговъ. Но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

«Я родился тамъ, гдѣ Упланды натягиваютъ лукъ. Теперь военные корабли, ненавистные поселянамъ, посылаю я подплывать къ скаламъ. Лишь только спустится корабль, носомъ его мы разсѣкаемъ волны, но дѣва, живущая въ Гардахъ, украшенная золотою гривной, пренебрегаетъ мною.»

Наконецъ Гаральдъ возвратился въ Кіевъ, богатый и славный, и получилъ руку любезной ему Елизаветы, вмѣстѣ со всѣми сохраненными сокровищами.

Можно вообразить себѣ, какая сыграна была свадьба въ стольномъ городѣ во Кіевѣ, во свѣтломъ терему великокняжескомъ, подъ пѣсни бояновъ.

Слава Ярославля пошла уже, видно, ко всѣмъ странамъ дальнимъ, «рекуще ко Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и

Чехомъ, дондеже и до Рима пройде,» и Кіевъ сдѣлался тогда пристанищемъ многихъ королей и князей иностранныхъ, премущественно Скандинавскихъ, точно какъ и наши князья всегда находили себѣ помощь и спасеніе на сѣверѣ.

Олавъ святый, король Норвежскій, изгнанный изъ своихъ владѣній Канутомъ, королемъ Датскимъ, искалъ убѣжища съ сыномъ Магнусомъ у Ярослава, и былъ принятъ съ честію и радушіемъ. Ярославъ и Ингигерда убѣдительно совѣтовали ему остаться въ Гардарикѣ, и давали ему область «Вулгарію». Однако онъ, чрезъ нѣсколько времени, обольщенный надеждою возвратить себѣ престолъ, оставилъ Кіевъ, и, получивъ съ своими спутниками помощь отъ Ярослава, снабженный всѣми средствами, отправился въ отечество.

Магнусъ, сынъ его, жилъ въ Россіи очень долго. Друзья его отца, погибшаго на сраженіи, чрезъ нѣсколько времени, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, прислали къ нему въ Россію мужа звать на отцовъ престолъ. Ярославъ и Ингигерда потребовали торжественнаго посольства, и приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для успѣха.

Эдвинъ и Эдуардъ, сыновья короля Англійскаго Эдмунда, изгнанные Канутомъ, искали безопасности при дворѣ Ярослава.

Якунъ слѣпой, знаменитый витязь Скандинавскій, по мнѣнію Байера, сынъ Шведскаго короля Олофа и шуринъ Ярославовъ, приходилъ къ нему на помощь противъ брата Мстислава, и на сраженіи Лиственскомъ оставилъ луду свою.

Симонъ, племянникъ Якуна слѣпаго, изгнанный дядею, принятъ также Ярославомъ съ своими единоземцами.

Сыновья Рогвольда, пришедшаго съ Ингигердою, оставались въ Россіи: Эйлифъ служилъ вмѣстѣ съ Гаральдомъ, а Ульфъ есть вѣроятно тотъ Улебъ, который ходилъ въ 1032 году изъ Новагорода на Желѣзныя ворота въ Заволочье.

Венгерскіе принцы, Андрей и Леванта, дѣти Ладислава плѣшиваго и какой-то безъименной русской, жили долго на Руси, гдѣ Андрей и узналъ о своемъ избраніи на престолъ.

Ярославъ пировалъ, воевалъ съ сосѣдями, плѣнилъ и убивалъ,—и въ тоже время строилъ церкви, учреждалъ монастыри, покровительствовалъ черноризцамъ, любилъ читать и слушать душеспасительныя книги.

Въ 1020 году поставилъ онъ церковь св. Бориса и Глѣба.

Въ 1037 году воздвигъ храмъ св. Софіи на подобіе Цареградскаго, и украсилъ его золотомъ и серебромъ, мусіей и стѣнною иконописью. (Этотъ знаменитый храмъ, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, былъ образцовымъ для всей Руси, сохранился до нашего времени въ цѣлости, и нынѣ вполнѣ возстановленъ.)

Въ 1039 году была освящена вновь Володимерова церковь святыя Богородицы, поврежденная пожаромъ 1017 года.

Потомъ основалъ Ярославъ мужской монастырь святаго Георгія, въ честь своего ангела, и женскій монастырь святой Ирины, въ честь ангела свой супруги.

На Золотыхъ воротахъ заложилъ онъ церковь св. Благовѣщенія. Строеніе подвигалось медленно. Князь спросилъ своего тіуна о причинѣ. Тотъ отвѣчалъ, что мало на работу является поденщиковъ, которые боятся лишиться найма въ дѣлѣ властельскомъ. Ярославъ велѣлъ

привозить куны на телѣгахъ въ комары золотыхъ воротъ, и объявить людямъ на торгу, что за день будутъ получать они по ногатѣ — работниковъ собралось множество, и церковь вскорѣ была отстроена.

Въ 1043 году сынъ Ярослава Володимеръ заложилъ великолѣпную церковь святой Софіи въ Новѣгородѣ, столько знаменитую въ Исторіи Новагорода.

И по другимъ мѣстамъ поставлено было много новыхъ церквей. Увеличилось число черноризцевъ, которыхъ Ярославъ любилъ въ особенности, равно какъ и священниковъ. Вообще вѣра христіанская при немъ начала плодиться и размножаться.

До такой степени преданъ былъ Ярославъ христіанской вѣрѣ, особенно подъ старость, что велѣлъ выкопать изъ земли кости своихъ дядей, умершихъ въ язычествѣ, Ярополка и Олега, и окрестить ихъ. Онѣ были схоронены вновь въ церкви святыя Богородицы.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прилежалъ онъ къ духовнымъ книгамъ, читалъ ихъ, свидѣтельствуетъ Несторъ, днемъ и ночью, даже самъ списывалъ и клалъ на сохраненіе въ основанной имъ церкви св. Софіи.

Кромѣ писаній, переведенныхъ первоучителями и ихъ учениками, Ярославъ собралъ переводчиковъ и велѣлъ имъ переводить книги съ Греческаго языка на Славянскій. Множество списковъ было изготовлено, коими вѣрные люди могли поучаться и просвѣщаться, и кои сдѣлались подлинниками для новыхъ списковъ, разсѣянныхъ по монастырямъ и церквамъ. До насъ дошли, напримѣръ, списки съ толкованія пророчествъ, писанныхъ въ Новѣгородѣ для князя Володимера попомъ Упиремъ лихимъ. Священнослужителямъ назначенъ урокъ отъ княжихъ имуществъ, и велѣно было имъ учить людей

и привлекать ихъ къ церкви и богослуженію. Введено демественное или уставное пѣніе.

Ярославу принадлежитъ первое оглашеніе Русскихъ законовъ, которое онъ «списавъ» далъ первоначально Новогородцамъ, отпуская ихъ съ благодарностію изъ-подъ Кіева, ихъ помощію пріобрѣтеннаго: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, тако же держите. Эта Русская прада распространилась и по всей его державѣ. Норманская въ своемъ существѣ, она подверглась впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ до Ярослава вліянію Славянскому, и потомъ нѣсколько Христіанскому. Вотъ ея главныя основанія:

1. Убьеть мужъ мужа, то мьститьб рату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови. Аже не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову: аще будеть Русинъ, любо гридинъ, любо купчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аже изгои будеть, любо Словенинъ, то 40 гривенъ положити зань.

2. Или будеть кровавъ или синь надраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аже не будеть нанемъ знаменія никотораго же, то-ли пріидетъ видокъ; аще ли не может, то тому конецъ. Ожели себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а летцю мзда.

3. Аже ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію, то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть, то платити ему; то ту конець.

4. Аже утнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо рукоятью, то 12 гривнѣ за обиду.

5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука, любо усохнеть, то 40 гривнѣ; аще будеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять.

6. Аже ли перстъ утнеть который либо, 3 гривны за обиду.

7. А во усѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ.

8. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъй гривну положить.

9. Оже ли ринеть мужь мужа, любо отъ собе, любо къ собѣ, 3 гривнѣ, а видока два выведеть, или будеть Варягъ или Колбягъ, то на роту.

10. Аже ли челядинъ сокрыется, любо у Варяга, любо у Кольбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и въ третіи день: то изымати ему свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обиду.

11. Аже кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

12. Аже поиметь кто чюжъ конь, любо оружіе, любо портъ, а познаеть въ своемъ миру, то взяти ему свое, а 3 гривнѣ за обиду.

13. Аже познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за пять дніи.

14. Аже гдѣ възыщеть па друзѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да аже будеть обидя не вдалъ будеть достоино ему свои скотъ, а за обиду 3 гривнѣ.

15. Аже кто челядинъ пояти хощеть, попавъ свои, то къ оному вести, у кого то будеть купилъ, а тои ся ведеть другому, даже доидеть о третьего, то рци третьему: вдаи ты мнѣ свой челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

16. Или холопъ ударить свободна мужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ, а за тымъ где его налѣзуть ударепыи тои мужъ, да бьють его.

17. А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати у себе, то пріати скота у него; а иже есть изломилъ, аще ли начнетъ примѣтати, то скотомъ ему заплатити, колько далъ будеть на немъ.

Вотъ законы Русской правды, — весь кругъ первоначальныхъ отношеній между русскими людьми ея времени: убійство и право мести за оное, побои и пеня, укрывательство холопей, кража, порча оружія, —съ свидѣтелями, поручителями и судомъ 12 цѣловальниковъ.

Для церковныхъ дѣлъ Ярославъ издалъ также особой уставъ. Во Володимеровомъ уставѣ «сообразно съ греческими Номаконами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства монахи и церковники, богодельни, гостинницы, дома странноприимства, лекари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ епископамъ: также вѣсы и мѣрила городскіе, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство россійское въ первыя времена христіанства рѣшало не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относились къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой вѣры.

Ярославовъ такъ называемый уставъ «даетъ епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ,

кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажигательство, воровство, драки, и проч.

Ярославъ, въ маститой старости, на осьмомъ десяткѣ, дождавшись до многихъ внуковъ, между которыми послѣднимъ былъ Мономахъ, сынъ Всеволодовъ отъ Греческой царевны, скончался въ Кіевѣ, на Ѳедорову субботу, Февраля 19 числа 1054 года. Изъ дѣтей его былъ при немъ только одинъ, его любимецъ Всеволодъ, (старшіе—Изяславъ находился на ту пору въ Новѣгородѣ, а Святославъ во Владимирѣ). Лѣтописатель передаетъ намъ наставленіе Ярослава дѣтямъ, при надѣленіи ихъ областями: «Живите мирно, и тогда Богъ покоритъ вамъ противныхъ; если же будете ссориться, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣтей, которую пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Слушайте старшаго брата, которому поручаю столъ на свое мѣсто. Онъ будемъ вамъ вмѣсто отца и не дастъ никого въ обиду».

Тѣло Ярославово положено въ ракѣ мраморной, цѣлой до нашего времени, и погребено въ Софійскомъ соборѣ, или основанномъ, съ плачемъ Всеволода и всего народа.

Усилія Ярослава распространить христіанское просвѣщеніе, вмѣстѣ съ благочестивыми подвигами его отца, святаго Володимера, начали приносить свой плодъ. Въ избранныхъ душахъ божественный свѣтъ проникалъ глубоко и озарялъ все ихъ естество. Благочестивый современникъ такъ опредѣлилъ дѣланіе Ярославово: «отецъ его Володимеръ взора и умягчи, сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ ученье пріемлюще книжное.» Число такихъ просвѣщенныхъ высшимъ свѣтомъ христіанской вѣры, и проникавшихся ея духомъ, умножалось болѣе и болѣе. Послѣ приснопамятныхъ Варяговъ Ѳеодора и Іоанна, принесшихъ ей въ

жертву свою жизнь, послѣ равноапостольнаго князя Володимера, совершенно преображеннаго въ существѣ своемъ по принятіи крещенія, святыхъ Бориса и Глѣба, пріявшихъ съ такою радостію мученическіе вѣнцы, должно наименовать здѣсь въ особенности митрополита Иларіона, преподобныхъ Антонія, Никона и Ѳеодосія.

Иларіонъ, служившій сначала священникомъ въ селѣ Берестовомъ, которое особенно любилъ Ярославъ, равно какъ и отецъ его Владимиръ, былъ мужъ благъ, книженъ и постникъ. Онъ часто ходилъ изъ Берестова тайно на холмъ Днѣпровскій, покрытый дремучимъ лѣсомъ. Здѣсь ископалъ онъ пещеру малую, двусаженную, гдѣ молился Богу. Ярославъ услышалъ объ его подвигахъ, и предалъ ему духовное начальство надъ юною русскою церковію, получавшею дотолѣ пастырей изъ Греціи, о которыхъ впрочемъ не сохранилось вѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Иларіонъ былъ поставленъ Русскими епископами въ соборѣ святой Софіи.

Этотъ Иларіонъ написалъ похвалу в. к. Владимиру и исповѣданіе православныя вѣры. Предлагаемъ отрывки собственными его словами:

О христіанствѣ: Единъ сый отъ Троица, въ двѣ естьствѣ, Божество и человѣчество: исполнь человѣкъ, по въчеловѣченію, а не привидѣніемъ; но исполнь Богъ, по Божеству, а не простъ человѣкъ. Показаа на земли Божескаа и человѣческаа: яко человѣкъ, во утробѣ матерни растяаше, и яко Богъ, изыдѣ, дѣвьства не вреждь; яко человѣкъ, матерне млеко пріятъ, и яко Богъ, пристави Ангелы съ пастухи пѣти: слава въ вышнихъ Богу; яко человѣкъ, повився въ пелены, и яко Богъ звѣздою влъхвы вождааше; яко человѣкъ въ яслехъ възлеже, и яко Богъ, отъ влъхвъ дары и поклоненіе пріятъ; яко человѣкъ, бѣжаше въ Египетъ, и яко Богу рукотвореннаа

Египетская поклонишася; яко человѣкъ пріиде на крещеніе, и яко Бога устрашився, Іорданъ възвратися: яко человѣкъ, обнажився вниде въ воды, и яко Богъ, отъ Отца послушество пріятъ: съ есть Сынъ мой возлюбленный....

Пріиде бо Спасъ, и не пріятъ бысть отъ Израиля; по евангельскому слову въ своя пріиде, и свои Его не пріяшя, — отъ языкъ же пріятъ бысть, якоже рече Іаковъ: и тъ чаяніе языкомъ. Ибо и въ рожденіи Его влъсви отъ языкъ прежде поклонишася Ему, а Іюдеи искаху Его убити, егоже ради и младенца избишя. И сбысться слово Спасово, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и възлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ въ царьствіи небеснѣмъ, а сынове царствіа изъгнани будутъ въ тму кромѣшнюю. И пакы, яко отъимется отъ васъ царство Божіе, и дасться странамъ, творящымъ плоды его, книмъ же посла ученикы своя глаголя: шедше въ миръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари, да иже вѣру иметъ и креститcя, спасенъ будетъ: и шедше научите вся языкы, крестяще я въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новыя люди въсіяти: не вливаютъ бо, по словеси Господню, вина новаго, ученіа благодатна, въ мѣхы вѣтхы обетшавшаа въ Іюдействѣ, аще ли то, просядутся мѣси и вино проліется. Не могше бо закона стѣнь удержати, но многажды идоломъ ея поклонявше, како истинныя благодати удержатъ ученіе? Но ново ученіе, новы мѣхы новы языкы, и обое соблюдется.

Якоже и есть: Вѣра бо благодатнаа по всей земли распростреся, и до нашего языка Русскаго дойде, и законное езеро пресыше, евангельскый же источникъ наводнився и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся..

Изъ похвальнаго слова св. Владимиру:

Добръ послухъ благовѣрію твоему, о блаженниче, святаа церкви святыа Богородица Маріа, юже созда на правовѣрнѣй основѣ, идѣже и мужьственное твое тѣло нынѣ лежитъ, ожыдаа—трубы Архангеловы.

Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, егожь створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрію положеніа, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща, иже недоконча̀наа твоа доконча, якы Соломонъ Давыдова, иже домъ Божій великый святый Его Премудрости създа, на святость и освященіе граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и сребромъ и каменіемъ драгымъ, и сьсуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ странамъ, якоже ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ востока дъ запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй, всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ Святѣй Богородици, ейже и церковь на великыихъ вратѣхъ създа во имя первааго Господскаaго праздника, Святаaго Благовѣщенія.

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Неси бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ встаніа. Встани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши, какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, вижь чадо свое Георгіа, вижь утробу свою, вижь милаaго своего, вижь, егоже Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; вижь красящаaго столъ земля твоей, и возрадуйся, възвеселися. Къ сему же вижь и благо-

вѣрную сноху твою Ерину; виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть Господемъ, како благовѣріе держать по преданію твоему, како въ святыа церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь и блистающеся, и тиміаномъ объухаемь, и хвалами и божествеными пѣніи святыими оглашаемь.

И си вся видѣвъ, възрадуйся и взвеселися и похвали благого Бога, всѣмъ симъ Строителя; — видѣ же аще и не тѣломъ, но духомъ. Показаеть ти Господь вся си, о нихже радуйся и веселися, яко твое вѣрное въсіаніе не исушено бысть зноемъ невѣріа, но дождемъ Божіа поспѣшеніа распложена бысть многоплоднѣ. . . . Радуйся учителю нашъ и наставниче благовѣрію!

Святый *Антоній*, житель города Любеча, воспламенившись новымъ ученіемъ, пожелалъ увидѣть Святую землю, и отправился въ путь далекій и трудный. Онъ посѣтилъ мѣста проповѣди, чудесъ и страданій Спасителя, обошелъ всѣ монастыри въ Палестинѣ и наконецъ увидѣлъ Аѳонъ. Святая гора съ сонмомъ спасающихся иноковъ поразила его воображеніе. Онъ нашелъ наслажденіе въ тамошнемъ иноческомъ житіи, и упросилъ одного игумена возложить на него монашескій образъ. Тотъ постригъ его, нарекъ Антоніемъ, и научилъ уставу. Ступай въ Русь, сказалъ святый старецъ новому иноку, и будь надъ тобой благословеніе Святой горы; многіе чернцы имутъ отъ тебя быти. Антоній повиновался. На Руси не пожелалъ онъ водвориться ни въ одномъ изъ новооснованныхъ монастырей. Онъ началъ ходить по горамъ и дебрямъ — и полюбилась ему гора, въ коей Иларіонъ

ископалъ печеру. Онъ помолился со слезами: Господи! утверди меня здѣсь, и да приложится къ этому мѣсту благословеніе Святыя горы и игумена, что меня постригъ. Онъ поселился тамъ моляся Богу, ядый сухій хлѣбъ, піа одну воду, и то мѣрою черезъ день или два, иногда по недѣлямъ копая печеру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, пребывая всегда въ трудахъ, молитвахъ, бдѣніи. Добрые люди провѣдали объ отшельникѣ, и стали носить все нужное, приходя къ нему за благословеніемъ. Другіе захотѣли жить и трудиться съ нимъ вмѣстѣ.

Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе были: Никонъ и Ѳеодосій.

Св. Ѳеодосій родился въ Василевѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева. Отецъ его, принадлежавшій, вѣроятно, къ военному сословію, вскорѣ переведенъ былъ Княземъ на жительство въ Курскъ. Въ этомъ городѣ Ѳеодосій провелъ свое дѣтство и юность.

Съ малыхъ лѣтъ полюбилъ онъ ходить въ церковь и слушать божественную службу. Рано началъ онъ учиться грамотѣ, и въ короткое время выучился читать и писать такъ, что всѣ дивились его понятливости, не меньше какъ и благонравію: особенно отличался онъ покорностію, не только предъ учителемъ, но и предъ товарищами; въ дѣтскихъ играхъ не принималъ никогда никакого участія, терпѣть не могъ нарядныхъ одеждъ, и всего болѣе занимался чтеніемъ Священнаго Писанія. Съ лѣтами увеличивалась въ немъ набожность: онъ посѣщалъ каждодневно церковь, и думалъ только о томъ, какъ спасти душу свою, подражая въ жизни святымъ угодникамъ Божіимъ. Когда ему исполнилось 13 лѣтъ, отецъ его умеръ. Молодой человѣкъ началъ ходить на поле, и тамъ,

въ рубищѣ, работать вмѣстѣ съ рабами, не смотря на запрещенія матери. Но больше всего занимала его мысль побывать въ Святой землѣ, и поклониться мѣстамъ, прославленнымъ подвигами и страданіями Спасителя.

Шли паломники. Θеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою въ Палестину. Тѣ обѣщались, и, оставляя Курскъ, дали ему знать о томъ наканунѣ. Ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Θеодосій собрался, вышелъ изъ города, и вскорѣ присоединился къ богомольному обществу. Мать, проснувшись, была внѣ себя отъ гнѣва, поспѣшила вслѣдъ за бѣглецомъ, и вскорѣ его настигла. Избивъ его, привела назадъ связаннаго и заперла въ клѣти. Юноша радовался своему униженію. Чрезъ два дня мать выпустила его изъ клѣти, но заковала ноги въ желѣза, въ предупрежденіе новаго бѣгства. Впрочемъ, не смотря на свою жестокость, она любила его больше всѣхъ дѣтей своихъ, и чрезъ нѣсколько дней сняла оковы, прося убѣдительно, со слезами, чтобъ онъ не оставлялъ ея болѣе.

Θеодосій находилъ себѣ одно утѣшеніе въ церкви. Литургія не совершалась иногда за неимѣніемъ просфоръ. Молодой человѣкъ выучился самъ печь просфоры, покупалъ жита, мололъ своими руками, и приносилъ просфоры въ церковь. Сверстники смѣялись надъ такимъ занятіемъ, мать запрещала, но онъ привелъ ее въ удивленіе, какъ замѣчаетъ жизнеописатель, премудростію своего отвѣта, сказавъ: по слову Христа Спасителя, сіе есть тѣло Его, за ны ломимое, — мнѣ ли не радоваться, сподобясь приготовлять хлѣбъ, претворяемый въ святую плоть Христову.

Мать однако же мѣшала ему безпрестанно, такъ или иначе, слѣдовать внушенію своего сердца, и онъ рѣшился уйдти отъ нея; скрылся было въ сосѣднемъ городѣ у

священника, но опять былъ найденъ и возвращенъ въ Курскъ.

Посадникъ полюбилъ его за смиреніе, и велѣлъ ему жить при своей церкви; велѣлъ надѣть на него чистую одежду, но Θеодосій тотчасъ отдалъ ее нищимъ, другую — также, что повторилось нѣсколько разъ. Случился праздникъ. У посадника обѣдали городскія почетныя лица. Матери хотѣлось, чтобъ ея сынъ показался въ людяхъ прилично, она пришла одѣть его сама, и увидѣла сорочку его всю въ крови: благочестивый юноша носилъ вериги. Мать насильно сняла съ него желѣзную цѣпь, которая вгрызлась въ тѣло его и причиняла язвы, изъ коихъ точилась кровь.

Чтобъ положить навсегда конецъ тягостной борьбѣ, Θеодосій рѣшился постричься. Однажды, какъ мать отъѣхала на село, онъ выбѣжалъ изъ дома, прямо за городъ, чтобъ идти въ Кіевъ и водвориться въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Но онъ не зналъ дороги. Къ счастію случилось идти обозу съ купцами туда же. Провѣдавъ это, онъ пошелъ вслѣдъ за ними издали, и останавливался близъ ихъ ночлеговъ; но наученный прежними неудачными опытами, онъ не открылъ никому цѣли своего путешествія. Такъ достигнулъ онъ благополучно Кіева, куда издавна рвалась душа его.

Новое затрудненіе! Ни въ одномъ монастырѣ не хотѣли принять его: гдѣ по молодости, гдѣ по бѣдности, гдѣ по разнымъ другимъ причинамъ.

Онъ явился наконецъ къ св. Антонію, и просилъ оставить при себѣ. Ты молодъ, сказалъ ему старецъ, а здѣсь мѣсто тѣсно, пещера скорбна, перенесешь ли ты всѣ лишенія? Θеодосій отвѣчалъ со смиреніемъ: Богъ привелъ меня къ твоей святости, спастися тобою веля, отче святый? Что повелишь мнѣ сотворити, то и сотворю.

И Антоній, прозрѣвъ въ немъ будущаго славнаго подвижника и создателя святыя церкви Печерскія, приказалъ великому Никону принять Ѳеодосія и облечь его въ святой минишескій образъ.

И юноша, достигнувъ цѣли своихъ желаній, въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ міра, на свободѣ, предался, съ восторгомъ сердечнымъ, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ, проводя ночи въ бдѣніи и прославленіи Бога, препобѣждая сонную тягость, трудясь плотію, воздерживаясь отъ богопротивныхъ помысловъ, устремляя мысленно взоры въ небо, и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Самъ святый Антоній и великій Никонъ дивились его трудамъ въ такой юности, и прославляли о немъ Бога.

Но мать нашла его и здѣсь. Искавъ долго по всѣмъ сосѣднимъ мѣстамъ, и обѣщавъ большую награду тому, кто извѣститъ ее о пребываніи ея сына, она провѣдала наконецъ, что Ѳеодосій, года еще за четыре, ходилъ по монастырямъ кіевскимъ, и просилъ о постриженіи; тотчасъ отправилась она въ Кіевъ, обошла всѣ монастыри, разспрашивала — но напрасно: его не было нигдѣ. Наконецъ, по долгихъ тщетныхъ исканіяхъ, узнала она, что сынъ ея укрывается въ пещерѣ Антоніевой. Какъ достать его оттуда? Лестію послала она просить старца, чтобъ онъ сподобилъ благословить ее: я хочу только поклониться ему и насладиться его бесѣдою. Антоній вышелъ. Жена говорила много, и наконецъ обратилась къ настоящей причинѣ своего посѣщенія: молю тя, отче, повѣдай мнѣ, гдѣ сынъ мой; я мучуся неизвѣстностію. Старецъ, простъ бывъ умомъ, не разумѣлъ лести ея, и отвѣчалъ, что сынъ ея живъ, и что ей печалиться объ немъ нечего. — Такъ я хочу видѣть его, отче, воскли-

кнула хитрая жена. Столько прогнала я пути; неужели же я ворочусь домой, не увидѣвъ его? — Приди завтра, успокоилъ ее добродушный пустынникъ. Сынъ твой не хочетъ никого видѣть, но я упрошу его выйдти къ тебѣ по утру.

Антоній передалъ свой разговоръ блаженному Ѳеодосію, которому было очень прискорбно узнать, что онъ не могъ утаиться отъ поисковъ. Старецъ убѣждалъ его увидѣться на другой день съ матерью, но Ѳеодосій объявилъ рѣшительно, что къ ней не выйдетъ. Наставникъ долженъ былъ сообщить матери объ его отказѣ. Та не могла болѣе притворяться, и перемѣнивъ рѣчь, не съ смиреніемъ, а съ гнѣвомъ начала упрекать старца: «ты взялъ моего сына, и укрылъ въ своей пещерѣ. Выведи мнѣ его. Я умру, если не увижу его; покажи мнѣ его, не то я погублю себя передъ вашими дверями».

Антоній въ великой горести отошелъ къ Ѳеодосію, и молилъ его показаться. Тому тяжело было ослушаться долѣе старца, и онъ вышелъ къ несчастной. Но кого она увидала! Прежній-ли это былъ прекрасный юноша? Гдѣ свѣтлыя очи, гдѣ алыя ланиты, гдѣ длинныя шелковыя кудри, гдѣ бѣлое тѣло, гдѣ красота? Блѣдный, худой, истомленный, съ поникшей головою, съ тусклыми очами, безъ кровинки въ лицѣ, — однѣ кости, обтянутыя кожею, — вотъ въ какомъ жалостномъ видѣ, ненаглядный сынъ явился передъ нетерпѣливою матерью. Она бросилась къ нему на шею, сжала его въ своихъ горячихъ объятіяхъ, и долго не выпускала, обливаясь горькими слезами, не въ силахъ произнесть ни слова. Пойдемъ домой, сынъ мой, наконецъ, опомнившись, начала она увѣщавать юношу. Ты будешь жить, какъ тебѣ угодно для спасенія души твоей, только чтобъ былъ ты

на глазахъ моихъ: не могу вынести разлуки съ тобою. А когда я умру, тогда ты похоронишь мое тѣло и воротишься въ свою пещеру.

Если ты хочешь всегда видѣть меня, постригись въ какомъ-нибудь Кіевскомъ монастырѣ, сказалъ ей Θеодосій, тогда найдешь ты и меня, и царствіе небесное. Мать не соглашалась. Нѣсколько дней сряду уговаривали онѣ другъ друга, безъ успѣха. Θеодосій, оставаясь одинъ, укрывался въ пещеру, и молился Богу неотступно о спасеніи души матери своей — и Богъ услышалъ теплую молитву праведника.

Мать пришла къ нему и наконецъ объявила: будь по твоему желанію, я рѣшилась. Θеодосій обрадовался, сообщилъ свою радость Антонію, и оба вмѣстѣ прославили Бога, обращающаго сердца къ покаянію. Старецъ преподалъ наставленіе новой послушницѣ, — извѣстилъ объ ея желаніи княгинѣ, — и мать Θеодосія постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая. Сама она пересказала всѣ сіи подробности брату, именемъ Θеодору, который былъ келаремъ при Θеодосіѣ, и сообщилъ ихъ жизнеописателю святаго Θеодосія, Нестору.

Послѣдняя мірская печаль у Θеодосія миновалась, и онъ устремился еще съ больше ревностію на своемъ тѣсномъ пути, прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ. Число братій около преподобнаго Антонія возрасло между тѣмъ до 15. Они ископали пещеру обширную въ крутомъ Днѣпровскомъ берегу, и устроили въ ней церковь и кельи, которыя цѣлы до нашего времени и привлекаютъ къ себѣ богомольцевъ со всей Россіи. Θеодосій наложилъ на себя новое послушаніе: служить всѣмъ безъ исключенія; крѣпкій и сильный, онъ работалъ, не зная отдыха, кололъ дрова, носилъ воду,

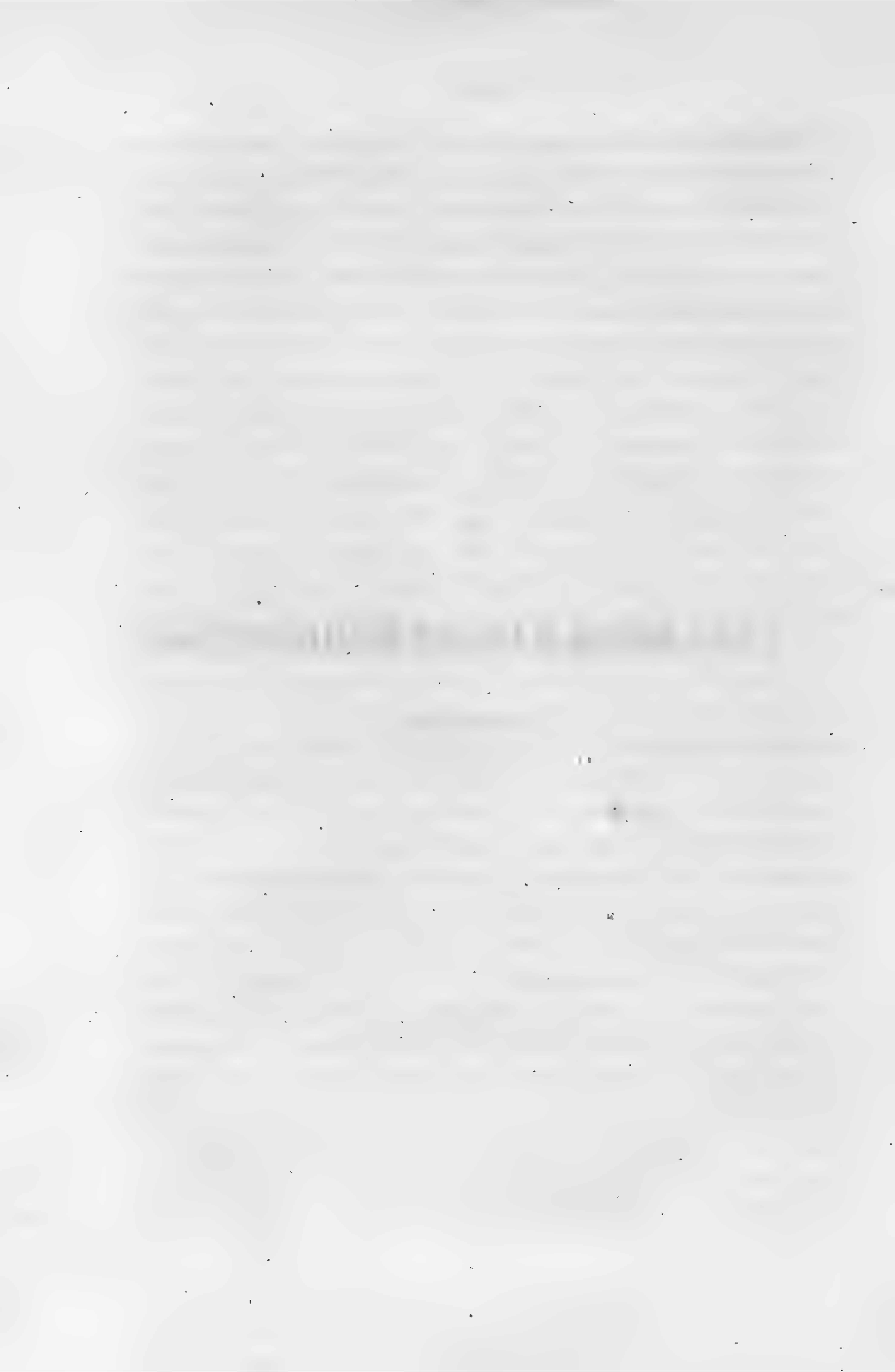
мололъ муку. Всякому иноку выдавалось съ вечера жито для помолу на завтрашнюю пищу. Өеодосій ночью, когда братія предавалися сну, собиралъ всѣ доли, и измоловъ собственными руками, клалъ каждому его часть въ известное мѣсто. Остальное время ночи проводилъ въ славословіи. Спалъ онъ очень мало, и никто не видалъ его лежавшаго на ребрахъ. Когда одолѣвала его усталость, онъ прислонялся къ столу, и, подремавъ мало, принимался опять за свои занятія. Иногда выходилъ изъ пещеры, стоялъ на полѣ, раздѣваясь до пояса и открывая свое свое тѣло комарамъ и оводамъ, которые летали въ лѣсу надъ рѣкою тучами. Злыя насѣкомыя терзали его, кровь текла ручьями, а онъ, неподвижный прялъ волну и пѣлъ псалмы, пока не ударятъ въ било: тогда первый приходилъ въ церковь и становился на свое мѣсто, а выходилъ изъ нея послѣдній. На тѣло свое сверху для прикрытія накидывалъ онъ ветхую шерстяную свиту, и подъ исподомъ всегда носилъ власяницу, свитую изъ самыхъ жесткихъ щетинныхъ волосъ, коими безпрестанно уязвлялся. Такъ изнурялъ онъ плоть свою и такъ боролся съ ея требованіями. Всѣ иноки, дажа самые старые и строгіе, удивлялись терпѣнію и твердости.

За всѣ сіи подвиги Антоній удостоилъ его пресвитерскаго сана.

Никонъ еще очень рано подвигами святости заслужилъ имя великаго. Онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Антонія, который поручалъ ему постригать вновь приходящихъ. Дальнѣйшая дѣятельность его и Өеодосіева принадлежитъ къ слѣдующему времени.

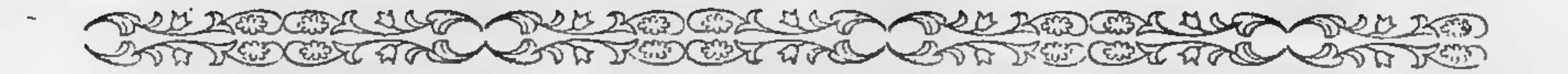
ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ОБРАЗОВАНІЕ ГОСУДАРСТВА.

(ФОРМАЦІЯ).

И государства, какъ всѣ существа въ мірѣ, начинаются непримѣтными точками. Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безъобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ трепещущую точку, punctum saliens, по выраженію анатомиковъ, поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ, черезъ много, много лѣтъ, точка эта обозначится, забьется жизнію, установится на своемъ мѣстѣ, приметъ лице, одѣнется плотію, укрѣпится костьми, и начнетъ дѣйствовать.

Рюрикъ призванъ былъ Новогородцами.

Это происшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не надолго: послѣ того какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно оторвалось, если можно такъ

выразиться, отъ послѣдующей Исторіи; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть Новогородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань заморскимъ Варягамъ, какъ прежде, и ушедшимъ Варягамъ-Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ никакими узами съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ текущей рѣкою Русской Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который отказался отъ него за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое гражданское, то есть Норманское начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, блеснуло и угасло.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное происшествіе нельзя назвать безусловно *началомъ Русскаго Государства*, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Сваванскими племенами, временный военный постой въ одномъ городѣ.

Почему же этимъ происшествіемъ начинаютъ Русскую Исторію? Не имѣетъ ли она покрайней мѣрѣ какой-нибудь доли въ основаніи Государства? Не соединяется ли чѣмъ нибудь съ послѣдующими происшествіями? Нѣтъ ли какого перешейка, моста, между этимъ островомъ и твердою землей?

Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго Государства, есть не Новгородъ, а лице Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ может быть никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Нача-

лось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новугороду, старшему сыну Россіи, (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ.

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный результатъ Норманнскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить, которою оно соединяется съ послѣдующими происшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука.

Олегъ, удалый Норманнъ, соскучился въ Новѣгородѣ, или принужденъ былъ оставить его; пошелъ, съ младенцемъ Игоремъ, куда глаза глядятъ. Случай, прихоть, нужда! Онъ пошелъ точно, куда глаза глядятъ, ибо поселиться въ Кіевѣ онъ сначала не могъ думать навѣрное: тамъ жили его земляки, Аскольдъ и Диръ, и жили уже 20 лѣтъ, обострожились и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтобъ эти бранные, какъ онъ, витязи согласились уступить ему добровольно богатое мѣсто? И въ самомъ дѣлѣ, онъ побоялся борьбы сомнительной, и послѣ, достигнувъ Кіева, пошелъ на нихъ

не съ открытою силою, а съ хитростію, которая могла удасться и нѣтъ.

Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!

А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новогородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцемъ своимъ мѣсто въ главѣ Русской Исторіи.

Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко могшее достаться болѣе рѣшительному, храброму, искусному.

Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышь Русскаго Рюрикова Государства!

Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышь Государства? Точно, это менѣе чѣмъ зародышь, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своей дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство: Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ распадавшейся въ то время Религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство-наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, треть-меридіана.

Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ владѣльцевъ Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ остановился здѣсь, и потомъ рѣшился, кажется, остаться, покрайней мѣрѣ съ своей стороны, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ, — откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на приманчивый Царьградъ, — гдѣ такъ хорошо было, впродолженіи двадцати лѣтъ, его единоплеменникамъ, Аскольду и Диру. Впрочемъ гдѣ нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла перемѣнить намѣреніе. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

Владѣя Кіевомъ и его областію, Олегъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ удержалъ право Рюриковыхъ даней, и распространилъ оныя, обложивъ новыя племена. За данью однакожь надо было всегда ходить нарочно — оброкъ непостоянный, первая легкая форма подданства. Племена не входили еще въ составъ Государства, почти точно какъ платя дань прежде за море въ 859 г., а только подготовлялись. Кое-гдѣ были оставлены мужи, которые вѣрно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега въ Кіевѣ.

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: се буди мати градомъ Русскимъ, и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ,— вотъ состояніе зародыша, форма Государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый Игорь потерялъ-было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. Покрайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города, къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, покрайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить Князя: что же сдѣлаютъ дальнія! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко кажется какому нибудь смѣльчаку захватить начальство, и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!

Къ счастію, вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ бо́льшую зависимость; она же установила нѣкоторыя дани на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было разпространиться прежде нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ о́днаго центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство рости, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ Княжествамъ: еслибъ у первыхъ Князей было по многу дѣтей, то они поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), воспрепятствовалибъ развитію, не укрѣпясь ослаблибъ, и не успѣлибъ захватить столько посторонныхъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри.

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, взялъ, и слѣдовательно сталъ брать, дань съ новыхъ племенъ, и смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пыталися откладываться. Но все онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ. Такъ и думалъ, если о чемъ-нибудь думалъ. Еще болѣе — самый Кіевъ онъ считалъ постоемъ, и рѣшился оставить его такъ, какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему пуды золота, и онъ рѣшился не перенесть столицу, (это невѣрное выраженіе), а, говоря просто, переѣхать на другую квартиру, переселиться къ другому Славян-

скому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарію, и перенести сѣмя въ другую почву! Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. Зародышь выкинутъ. Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, Нормандіей. Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятіе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава достаточно было, чтобъ уничтожить, изгладить слабые плоды ста лѣтъ. Святославъ пошелъ, и сѣмя опять предано произволу вѣтровъ. Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенною двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына.

Третьяго сына, Володимера, вытребовали себѣ сами Новогородцы, почти противъ воли Святослава, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ?

Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новогородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ—

все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

Не было дѣленія, и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра.

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его могли слѣдовать за нимъ туда же — по его смерти, въ помощь, для участія въ его походахъ и предпріятіяхъ, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ богатый Константинополъ и малая Азія! И между Славянскими племенами возниклибъ опять прежнія отношенія, и надлежалобъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ Государей, для готовыхъ элементовъ Государства.

Какъ все зыбко!

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, впродолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, покрайней мѣрѣ дома.

До сихъ поръ было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владѣніи по одному городу, изъ котораго уже онъ ходилъ , по своему усмотрѣнію, брать дань съ разныхъ племенъ, ближнихъ и дальныхъ. Теперь являются три Князя, три брата, сыновья Святослава.

Олегъ такъ княжилъ на Волыни, а Володимеръ въ Новѣгородѣ, какъ Ярополкъ въ Кіевѣ.

Еще два племени стали приготовляться къ составу будущаго Государства, хотя и порознь; не цѣлое раздѣлилось на части, какъ мы видѣли, но части возникли, кои послѣ составятъ цѣлое. Прибавимъ Полоцкъ съ Рогвольдомъ, и Туровъ съ Туромъ.

Были-ль раздѣлены дани между братьями? Вѣроятно, сначала каждому предоставлялось ходить въ свою сторону, какъ далеко сможетъ. Но у нихъ не было и времени ходить за данью по племенамъ, ибо братья тотчасъ перессорились между собою, сперва Ярополкъ съ Олегомъ, потомъ Володимеръ съ Ярополкомъ, и возникла мысль объ единомъ владѣніи: одинъ хотѣлъ завладѣть, чѣмъ владѣли трое.

Ярополкъ одолѣлъ Олега, а Володимеръ испугавшись бѣжалъ за море, »и бѣ Ярополкъ владѣя единъ въ Руси,« посадивъ посадниковъ на Волыни и въ Новѣгородѣ. Вотъ уже новое явленіе! Ярополкъ, какъ прежде Рюрикъ, схватившись, такъ сказать, за оставшіеся концы, удержалъ власть братьевъ во всей полнотѣ ея, и слѣдовательно получилъ ея больше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Пребываніемъ Князя въ городѣ, какъ будто узаконивалась принадлежность его наслѣднику. Всѣ три области, Кіевъ, Волынь и Новгородъ, составили одно владѣніе. Ярополкъ одинъ владѣлъ изъ Кіева Волынью и Новгородомъ, чрезъ своихъ посадниковъ, чего прежде не бывало.

Всѣ три племени достались точно также Володимеру.

Володимеръ, живя почти чрезъ сто лѣтъ послѣ Рюрика, а время имѣетъ свою силу, особую отъ происшествій и лицъ, Володимеръ, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лѣтъ, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, съ сильнымъ характеромъ и браннымъ духомъ, Володимеръ, который, кромѣ своего Новагорода, отнялъ три владѣнія, (Полоцкъ, Древлянъ и Кіевъ), и умертвилъ двухъ владѣтелей, (Рогвольда съ сыновьями и Ярополка), Володимеръ сдѣлался первый Княземъ-Государемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя все еще слабо, то есть только владѣтелемъ.

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и онъ спровадилъ отъ себя главную ватагу: такъ былъ онъ силенъ своими собственными домашними силами.

Онъ ходилъ за данью гораздо дальше прежнихъ Князей, даже за Карпаты, вѣроятно опредѣляя оную (Новогородцы), а съ другой стороны за Волгу. Нѣкоторыя племена привозили дань ему даже сами, въ Кіевъ.

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, такъ сказать-водворился, установился, а духъ Норманскій, духъ движенія, чрезъ 120 лѣтъ, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси стихнулъ и самъ по себѣ.

У Володимера было 12 сыновъ, (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ разослалъ ихъ по племенамъ, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла. Вотъ когда собственно племена начали входить въ составъ Государства, или приготовлять будущее Государство, образовываясь въ гражданскомъ отношеніи отдѣльно,

порознь. Вмѣсто двѣнадцати прежнихъ племенъ, двѣнадцати даней, мы видимъ теперь 12 особливыхъ владѣній, Княжествъ, подъ владычествомъ отца, Великаго Князя Кіевскаго.

Супруга Володимера Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ коею вступивъ въ супружество онъ принялъ Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ. (Точно какъ послѣ другая Греческая Царевна, Софія, утвердила идею Царя при Іоаннѣ III, и устроила Дворъ).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется особое стараніе о смягченіи нравовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ, чуть ли и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви, — сперва разумѣется по Норманскимъ обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый сынъ Володимеровъ княжилъ такъ въ своемъ городѣ, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ Князья могли легче содержать ихъ въ полномъ подданствѣ, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожь слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ подъ конецъ одного Ярослава, который былъ дальше всѣхъ, и могъ надѣяться на чуждую помощь.

Сыновья и отецъ должны были считать города уже своею собственностію, и даже какъ средствомъ для прокормленія, содержанія. Понятіе о наслѣдствѣ стало прикладываться къ землѣ, приготовилось понятіе о поземельной собственности у Князей, которые, разумѣется, начали принимать участіе и въ правленіи по примѣру отца. Намѣчены будущіе удѣлы по племенамъ.

Но всѣ эти Князья жили не долго. Одни перемерли (при немъ и послѣ, Вышеславъ, Изяславъ, и проч.), другіе погибли вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ (при Святополкѣ — Борисъ, Глѣбъ, Святославъ, и потомъ самъ онъ, Святополкъ); третьи (Судиславъ) не могли ничего сдѣлать противъ Ярослава, который остался одинъ, и послѣ нѣсколькихъ междоусобныхъ войнъ, (со Святополкомъ, Брячиславомъ, Мстиславомъ), и смерти братьевъ, получилъ почти всѣ ихъ Княжества.

Онѣ достались ему уже *съ такою* зависимостію, въ какой, привыкнувшіе, находились отъ его братьевъ, принадлежали ему еще крѣпче, разумѣется, нежели Володимеру, и были управляемы по заведенному порядку, чрезъ намѣстниковъ, ему подчиненныхъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, Волынь, Подолія, Галлиція, Литва, Балтійское поморье, Новгородъ, Двинская область, Поволожье, Сѣверская страна.

Всѣ сіи страны принадлежали точно, ибо города ихъ мы находимъ немедленно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ — при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, отдаленное Заволочье.

Такъ удалые Норманны, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго Государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ астролябіи, съ плеча, куда хватила размашистая рука. . .

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя, (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру,—словомъ это было Государство въ нѣкоторомъ смыслѣ, цѣлое, хотя и смётанное на живую нитку. Шлецеръ, заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

И такъ двѣсти лѣтъ раждалась Россія. . . .

Симеонъ Полоцкій молился Богу, говоритъ преданіе, чтобъ муки Царицы Натальи Кириловны продолжились болѣе, дабы новорождаемый младенецъ Петръ возпользовался должайшею жизнію. Можетъ быть двухсотлѣтнему рожденію и младенчеству Русскаго Государства, еще долговременнѣйшему юношеству, будетъ соотвѣтствовать въ соразмѣрности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость.

II.

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА.

СОСТОЯНІЕ ОБЩЕСТВА.

Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ, до нашихъ лѣтописателей, указываетъ племенамъ Словенскимъ первоначальное жилище на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, — Дунаѣ, который до сихъ поръ еще слышится у насъ повсюду въ народныхъ пѣсняхъ.

„По мнозѣхъ временѣхъ (по потопѣ) сѣли суть Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.“

Отсюда, вслѣдствіе естественнаго размноженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ, за долго до Рождества Христова, — и заняли наконецъ почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себѣ обитателей, по случаю нашествія съ запада Кельтовъ или Волоховъ, которые, разтревоживъ Словенъ въ ихъ пригрѣтомъ гнѣздѣ, заставили многихъ искать себѣ новыхъ жилищъ.

Одни изъ нихъ, племена Ляшскія, приняли направленіе съ Дуная къ сѣверо-западу; другія, наши, къ сѣверо-востоку.

Передовымъ изъ послѣднихъ были собственно такъ называемые Словене. Напираемые сзади свѣжими толпами, они должны были спѣшно и усильно прокладывать себѣ дорогу, шли-шли, и достигли наконецъ озера Ильмеря, раздвинувъ обитавшую въ этихъ мѣстахъ Чудь. Здѣсь только могли они остановиться и построили себѣ Новгородъ.

„Словени же сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ."

Словенскій конецъ, улица Славно, ручей Словенскій, указываютъ, можетъ быть, своими именами, на мѣста перваго поселенія.

Соплеменники, слѣдовавшіе по ихъ стопамъ, остановились также по пути, когда натискъ съ юга утихнулъ, гдѣ кому случилося, на Двинѣ, Припети, Сожѣ, — Кривичи, Дреговичи.

Другіе, еще прежде поворотившіе на право, разселились по Днѣстру, Бугу, Днѣпру, и ихъ притокамъ, — Тиверцы, Хорваты, Сѣверяне, Поляне.

Всѣ они не составляли сплошнаго народонаселенія, раздѣляясь между собою рѣками, лѣсами, горами, болотами и степями.

Болотистая и лѣсистая, бѣдная дарами природы страна, досталась на долю Словенамъ, которые, опознавшись, должны были подумать о средствахъ снискивать индѣ себѣ пропитаніе.

Къ счастію недостатки ихъ вознаграждались удобствами водяныхъ сообщеній, не только съ ближними, но и самыми отдаленными землями.

Вскорѣ познакомились они съ своими приморскими сосѣдями, — это были родственныя племена, выселившіяся прежде ихъ съ Дуная, потомъ Норманны, самый дѣятельный и удалой народъ въ Европѣ того времени, которые уже хозяйничали на всѣхъ моряхъ, и имѣли сообщенія по всѣмъ берегамъ, наконецъ, ближайшіе, Финны-Чудь.

Чудью, состоявшею изъ множества племенъ, заселенъ былъ, по другую сторону за Новогородцами, и весь востокъ, отъ сѣвернаго моря до Каспійскаго.

Смышленные пришельцы провѣдали, гдѣ водятся въ особенности естественныя произведенія, въ коихъ они наиболѣе имѣли нужды, и что могутъ они предлагать въ замѣну Перми, Булгарамъ, Козарамъ, Югрѣ. Имъ удалось даже стать твердой ногою впослѣдствіи на самыхъ выгодныхъ для себя въ этомъ отношеніи точкахъ, откуда они могли основать свою власть надъ окружными странами. Такъ произошли новыя поселенія, оказавшіяся вскорѣ для нихъ необходимыми — Торжекъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, Бѣжецкъ, Волокъ Ламскій.

Въ торговлѣ Новогородской приняли участіе и Норманны, нигдѣ не упускавшіе случая заводить свои связи, и разселявшіеся повсемѣстно; они распространили Новогородскую торговлю еще далѣе, до самаго устья Волги, куда, съ противоположной стороны, чрезъ Каспійское море, изъ внутренней Азіи, проникло съ одинакою цѣлію другое бодрое, живое и вмѣстѣ образованное племя того времени — Арабы.

Арабы привозили въ Итиль или нынѣшнюю Астрахань, къ Козарамъ, ароматы, южные плоды, шерстяныя ткани, драгоцѣнные каменья, которые до сихъ поръ удерживаютъ у насъ свои восточныя наименованія: изумрудъ, яхонтъ, бирюзу, жемчугъ.

Чудскія племена доставляли мѣха, рыбу, хлѣбъ, металлы, юфть.

Изъ низовыхъ южныхъ Славянскихъ поселеній получался хлѣбъ, медъ, воскъ.

Изъ Греціи паволоки, золото, вино.

Норманны торговали мечами Франкской работы, янтаремъ, пухомъ, невольниками.

Очень рано между всѣми сими народами началась взаимная мѣна, изъ коей мало по малу, по мѣрѣ рас-

пространенія сообщеній, образовалась правильная обширная торговля съ опредѣленными путями.

Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, по Ловати внити въ Илмеръ озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечетъ въ озеро великое Нево, того озера устье внидеть въ море Варяжское.

Тѣмъ же изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы... Потече Волга на востокъ, и втечеть семидесятью жерелъ въ море Хвалисское (Каспійское).

Огромное количество монетъ Арабскихъ (диргемовъ), седьмаго, осьмаго и слѣдующаго вѣковъ, равно какъ и Византійскихъ, Норманскихъ, находимыхъ безпрестанно по всему этому пространству, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ живаго сообщенія между племенами, здѣсь обитавшими, съ отдаленной древности.

Смышленные Словене умѣли воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, на перепутьѣ Норманновъ въ Грецію и къ Финскимъ племенамъ, передавали товары изъ рукъ въ руки, и богатѣли. Городъ ихъ сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ складочнымъ мѣстомъ на Сѣверѣ. Слава о Новѣгородѣ распространилась по всему Варяжскому или Балтійскому поморію, и Исландскія саги наполнились сказаніями о богатствѣ и могуществѣ великаго Гольмгарда. Точно такое значеніе получилъ на югѣ Кіевъ, принадлежавшій другому Славянскому племени—Полянамъ.

Новгородъ подвергся нападенію Норманновъ, Кіевъ со всѣми южными племенами—Козаровъ, которыхъ главная сила сосредоточивалась въ Итилѣ, нынѣшней Астрахани, въ устьѣ Волги.

Норманны, утвердились впослѣдствіи въ Новѣгородѣ званые, а потомъ въ Кіевѣ не званые, и подчинили себѣ, впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ, волею и неволею, племена Славянскія и Финскія, одно за другимъ.

Первою заботою ихъ было здѣсь, какъ и въ прочихъ странахъ Европы, утвердить власть за собою, для чего, на удобныхъ мѣстахъ, строили они свои новые *города* и занимали нужнѣйшіе изъ прежнихъ.

И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а первіи насельници: въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома.

Рюрикъ раздая мужемъ грады, ... и *городы* рубити.

Олегъ (поселясь въ Кіевѣ) нача *городы* ставити.

И рече Володимеръ: се не добро еже малъ городъ около Кіева. И нача ставити *городы* по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучьшіѣ отъ Словѣнъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады.

Володимеръ заложи *градъ* Бѣлгородъ, и наруби въ не отъ иныхъ городовъ, и много людей сведе въ онь.

Ярославъ поча ставити *городы* по Рси.

Ставъ твердою ногою на всѣхъ важнѣйшихъ точкахъ, они принялись межевать землю по своему обычаю для опредѣленія даней. Веревка, упоминаемая въ лѣтописяхъ Нормандіи, употреблялась здѣсь безъ сомнѣнія точно также, и слѣды ея остаются долго въ названіи участковъ, на кои раздѣлена была земля, *верви*, и въ глаголѣ *тянуть*, которымъ до сихъ поръ означается принадлежность.

Подчиненныя племена обложены были *данью* отъ дыма или отъ рала, отъ плуга, по бѣлкѣ, по куницѣ, медомъ, скорою, и другими естественными произведеніями, а нѣкоторыя платили по щлягу, вѣроятно по какой-нибудь иностранной серебряной монетѣ, Арабской, Греческой, Норманнской, пріобрѣтенной торговлею. Количество дани составляло цѣну и значеніе волости.

Олегъ... устави *дани* Словѣномъ, Кривичемъ и Мери.

Иде Вольга по Деревьстѣй земли съ сыномъ своимъ и дружиною, уставляюще уставы и *уроки,* суть становища ея и ловища.

Иде Вольга Новугороду, и устави по Мстѣ погосты и *дани,* и по Лугѣ оброки и *дани,* и есть село ея, Ольжичи.

Поималъ еси всю *дань,* говорятъ Древляне Игорю.

Радимичи, обложенные Володимеромъ, *повозъ везутъ* и до сего дне, говоритъ Несторъ.

Новогородцы платили двѣ тысячи гривенъ Кіевскому князю, а тысячу раздавали у себя гридямъ.

Возложи нань (Ольга на Древлянъ) дань тяжку, двѣ части дани идета Кіеву, а третья Вышегороду къ Ольгѣ: бѣ бо Вышгородъ городъ Вользинъ. (Ольга) пристрои вои на прокъ ихъ (Древлянъ).

Вновь образовавшееся общество составляли: князь, дружина, вои, смерды, въ Новѣгородѣ огнищане.

Князь держалъ землю, охранялъ безопасность, налагалъ дань, раздавалъ волости, ходилъ на войну, заключалъ договоры, творилъ судъ и правду, пользуясь за то извѣстными податями.

Сидѣть, держать, ходить, водить, рядить — вотъ какими словами можно опредѣлить нѣкоторымъ образомъ кругъ княжескихъ дѣйствій, покрайней мѣрѣ домашнихъ: *сидѣть* — владѣть, *сажать*, давать власть, *держать* — управлять, *ходить* — собирать дань, *водить*—назначать, *рядить* — распоряжаться.

За данью князь ходилъ самъ или посылалъ своихъ мужей по извѣстнымъ опредѣленнымъ путямъ. Вмѣстѣ съ собираньемъ дани князь занимался и *судомъ.* Такіе объѣзды получили впослѣдствіи названіе полюдьевъ, а *путь* сдѣлался однозначительнымъ съ данью.

Рѣша сами въ себѣ (Словене и проч.) поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву.*

Поча Олегъ *воевати* Деревляны... Иде Олегъ на Сѣверяны... Посла Олегъ къ Радимичамъ... Иде Олегъ на Грекы.

Посла Олегъ мужи свои построити *мира* и положити ряды межи Грекы и Русью.

Какъ скоро наступитъ Ноябрь мѣсяцъ, то Россійскіе князья, говоритъ И. Константинъ Багрянородный, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались по другимъ городамъ, которые у нихъ назывались гирами, или отправлялись въ земли Вервянъ (Древлянъ), Друговичей (Дреговичей), Кривичей, Сервянъ (Сѣверянъ) и другихъ Руссамъ подчиненныхъ Славянъ.

Дружина составляла драгоцѣнное сокровище князя, ходила съ нимъ на войну, призывалась на совѣтъ, пировала вмѣстѣ.

Игорь дошедъ Дуная, созвалъ дружину и нача *думати* (т. е. разсуждать)... Повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша дружина: что хочемъ болѣ того, небившеся имати злато и сребро и паволоки... Послуша ихъ Игорь...

Святославъ, прія дары, и нача *думати* съ дружиною своею.

Бѣ Володимеръ любя дружину, и съ ними *думая* о строеніи землеиѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ землеиѣмъ.

Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, (говорилъ онъ), а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра.

Мстиславъ (братъ Ярослава) любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше.

Находясь всегда при князѣ, обновляясь часто новыми пришельцами, вслѣдствіе убыли при безпрерывныхъ походахъ, особенно съ Святославомъ, Володимеромъ и Ярославомъ, дружина не могла пустить глубоко корней въ землѣ, она не получила поземельной собственности, которою, по причинѣ малозначительности, не дорожила, довольствуясь участіемъ въ добычѣ и дани.

И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2 тысячи кораблей... и потомъ даяти уклады на Русскіе городы: первое на Кіевъ, тоже и на Черни-

говъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще.

Это преимущество движимаго имущества предъ недвижимымъ дало особый характеръ древней русской исторіи, а по ней и времени послѣдовавшему.

Дружина раздѣлялась на старшую и младшую, бояръ и отроковъ или дѣтскихъ (упоминаются еще между ними гриди и гости, безъ опредѣленнаго значенія).

Званія эти были наслѣдственны.

Нѣкоторые изъ нихъ получали волости и города въ управленіе, гдѣ замѣняли князя, посылались также собирать дань.

Прія власть Рюрикъ и *раздая* мужемъ своимъ грады.

Олегъ приде къ Смоленску, прія градъ, и *посади* мужъ свой... взя Любецъ и посади мужь свой.

Володимеръ избра (отъ Варягъ) мужи добры, смыслены и храбры, и *раздая* имъ грады.

Ингигерда требовала дядѣ своему Рогнвальду Ладогу, съ данями и сборами.

Бояре имѣли своихъ отроковъ (отроци Свѣнелжи).

Остальные Норманны разселились по городамъ и составили главную часть ихъ населенія, военное сословіе. Они содержались на счетъ тянувшихъ къ нимъ судомъ и данью волостей, созываемые ходило на войну, и также получали долю въ добычѣ. Дѣла свои рѣшали они въ общихъ собраніяхъ или *вѣчахъ*, въ которыхъ принимали, разумѣется, и туземные обитатели.

Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу на *вѣча* сходится, на что же старѣишіи сдумають, на томъ же пригороди стануть.

Бѣлогородци (при Володимерѣ) створиша *вѣче* въ городѣ, и рѣша: се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту, да луче ли ны померети, вдаимыся Печенѣгомъ... и тако совѣтъ сотвориша. Бѣже единъ старець не былъ на *вѣчи* томъ, и впраша: что ради *вѣче* было? и проч.

И утре слезъ, и рече на *вѣчи* (Ярославъ Новогородцамъ, сообщая извѣстіе о кончинѣ отца и гибели братьевъ)...

Городъ раздѣлялся на внутренній и внѣшній, внѣшній — острогъ, внутренній—дѣтинецъ (послѣ кремль), получившій имя вѣроятно отъ дѣтскихъ, его занимавшихъ.

Въ городахъ были посадники, собственно правители, тысяцкіе—начальники надъ воями, тіуны—надъ сборами. Подъ ними были сотскіе и десятскіе. При судѣ встрѣчаются имена ябедника и метельника съ неопредѣленными занятіями. Отроки были ихъ помощниками.

Туземное Славянское населеніе называлось на языкѣ господствовавшаго племени *смердами*. Оно жило по волостямъ и городамъ, владѣло землею, производило по мѣстамъ торговлю, тянуло данью къ судамъ и городамъ, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ управлялось само собою.

Поселяне шли, кажется, охотно по найму въ *закупы*, преимущественно *ролейные*, обработывать землю и исправлять другія службы и распоряженія господина, за извѣстное жалованье, надѣясь жить спокойнѣе подъ его защитою, и имѣя свободу переходить куда угодно.

Много искони было и *холоповъ*, добытыхъ войною, на сторонѣ и дома, вслѣдствіе вины и сопротивленія, какъ Древлянъ во время Ольги. Холопами или невольниками производилась даже значительная торговля внѣшняя.

Холопству подвергались и свободные, за извѣстныя вины, за неплатежъ долга, за женитьбу на рабѣ.

Торговлею занимались Норманны и Словене, всѣ сословія безъ различія, и даже сами князья, по Днѣпру съ

Греціей, по Волгѣ съ Востокомъ, по Двинѣ съ Пермью, по Невѣ и Двинѣ съ Балтійскимъ моремъ.

Серебро цѣнилось на вѣсъ : гривна (марка, литра) , означала фунтъ. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ, а въ ногатѣ двѣ съ половиною рѣзани Кунъ въ гривнѣ 25. Кунами назывались деньги, другое слово для денегъ—скотъ.

Языкъ употреблялся различный. Пришлое племя употребляло свой языкъ сѣверный, Norrena, котораго слѣды мы встрѣчаемъ въ именахъ собственныхъ: Рюрикъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ , Олегъ , Игорь , Свѣнельдъ , Руалдъ , Торбернъ, Иваръ, Гримъ, Колскегъ, Фроде, Адунъ и проч.; въ именахъ Днѣпровскихъ пороговъ: ессупи (ei-sofa неспи), ульворси (holmfors островной прагъ), геландри (гіалланди, звенящій), варуфоросъ (barufors, волнистой порогъ), въ именахъ, относящихся къ гражданскомъ устройству и управленію: бояре, тіуны, гридни, гости, смерды, люди, ябедники, верви, дума, губа, вира, рядъ, скотъ, гривна, стяги.

Въ мужахъ княжихъ, отрокахъ и дѣтскихъ, добрыхъ людяхъ, дружинѣ, робичичѣ, слышится переводъ

Туземцы говорили своими Словенскими нарѣчіями, въ въ конхъ мало по малу потерялся языкъ сѣверныхъ пришельцевъ.

Точно тоже должно сказать и о *вѣрѣ*. Норманнское ученіе видно по договорамъ съ Греками, — въ ихъ клятвахъ, знаменующихъ вѣру въ безсмертіе души; по сказаніямъ Несторовымъ, въ ихъ жертвоприношеніяхъ, и именахъ боговъ: Перуна и Волоса; по извѣстіямъ Арабскимъ — въ ихъ обрядахъ.

Постави кумиры (Володимеръ) на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна , а главу его сребрену, а усъ златъ , и Хорса , Дажбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь, жреху имъ, наричюще я богы , привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ.

Славянское ученіе должно быть возстановлено изъ языка, извѣстныхъ и уцѣлѣвшихъ обычаевъ и обрядовъ, повѣрьевъ и пѣсенъ.

Стрибогъ и Дажбогъ, въ числѣ кумировъ, поставленныхъ Володимеромъ, принадлежали безъ сомнѣнія Славянамъ.

Волхвамъ приписывалось знакомство съ тайными силами природы и ихъ употребленіемъ.

Норманнскія и Славянскія вѣрованія уступили святому ученію Христову, котораго первыя сѣмена принесены Аскольдомъ и Диромъ, одновременно почти съ основаніемъ государства въ Новѣгородѣ; плоды его мы видимъ уже въ дружинѣ Игоревой, и наконецъ особенно въ жизни В. К. Ольги и Володимера. Греческіе духовные, а за ними и Болгарскіе, явились въ Кіевѣ, и завели живую связь съ Византіей, умственную и духовную.

Священное писаніе, переведенное тогдаже на близкое родственное Славянское нарѣчіе, если не тождественное, понятное всему народу, разнесло повсемѣстно новыя правила, взгляды, мысли.

Принятіемъ христіанской вѣры Володимеромъ произошелъ переворотъ въ избранныхъ душахъ, основались многіе монастыри мужскіе и женскіе, гдѣ новые люди устремились искать спасенія. Другіе пустились на Востокъ въ странствіе ко святымъ мѣстамъ.

Способность, съ коей принято было и выразумлено многими святое ученіе, указываетъ на готовность и значительную степень житейскаго развитія племенъ.

Въ дальнихъ областяхъ и глухихъ мѣстахъ, впрочемъ, долго держалось язычество, и нѣкоторые обряды его уцѣлѣли до нашего времени.

Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою начинается у насъ письменность и *грамотность*: кромѣ священнаго писанія

Русскіе христіане получили книги нужныя для богослуженія, кормчія правила, сочиненія нѣкоторыхъ отцевъ церкви, хронографы, которые послужили образцами туземнымъ грамотѣямъ: изъ числа ихъ, въ концѣ этого періода, мы имѣемъ Кіевскаго митрополита Иларіона, Новогородскаго епископа Луку Жидяту, Печерскаго игумена Ѳеодосія, Кіевскаго лѣтописателя.

Народная поэзія Норманская жила въ *сагахъ*, въ коихъ воспѣвались удалые подвиги князей, удивительный походъ Олеговъ по суху, аки по морю, подъ Константинополь, погибель Игоря, месть Ольги надъ убійцами ея мужа, путешествіе въ Грецію чудеса храбрости Святослава, сватовство Володимера дядей Добрынею, и совокупные ихъ походы. Пѣсни о богатыряхъ Володимеровыхъ поются до сихъ поръ въ Великой Россіи.

Начатиже ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо первыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть десять соколовъ на стадо лебедей: которой дотечаше, та преди пѣснь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ полкы Касожьскими... Боянъ же братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны воскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Съ христіанствомъ характеръ поэзіи перемѣнился, и цвѣтомъ ея покрылось сказаніе о принятіи вѣры, житіе Володимера, житіе Бориса и Глѣба, сказаніе объ основаніи церквей.

Народная поэзія Словенская жила въ пѣсняхъ обрядныхъ, праздничныхъ, плясовыхъ, семейныхъ, въ коихъ воспѣвается преимущественно свободная, беззаботная жизнь дѣвичья, горькая доля замужства отъ притѣсненій

свекра и свекрови, измѣна полюбовника, несчастная судьба вдовья. Русская пѣсня ожидаетъ разработки, коею дополнится Исторія.

Законы явствуютъ изъ договоровъ Русскихъ князей съ Греками. Первое, оглашенное, собраніе, принадлежащее Ярославу, извѣстно подъ именемъ Русской Правды. Ими опредѣляется кровная месть за убійство, денежная пеня или вора за раны и поврежденія, а также и за покражу, указываются средства для возвращенія собственности. Двѣнадцать избранныхъ судей, впослѣдствіи цѣловальниковъ, указываютъ на нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ.

Въ темныхъ и сомнительныхъ случаяхъ производилось *испытаніе желѣзомъ*, и рѣшалось дѣло судебными поединками, кои назывались, покрайней мѣрѣ вскорѣ, *полемъ*.

О частной, домашней жизни господствующаго племени извѣстно слѣдующее;

Норманны любили пировать.

Руси есть веселіе пити, сказалъ Володимеръ.

Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскымъ, и десяцьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: „зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными льжицами, а не сребряными." Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ.

На пирахъ пилось за здравіе, какъ видно изъ ближайшаго къ этому времени извѣстія о пирѣ подъ г. 1065.

Преподобный Несторъ сообщаетъ свѣденіе о пирахъ одного изъ сыновъ Ярославовыхъ, Святослава.

И единъ отъ дни шедшу, къ тому, благому богоносному отцю нашему Феодосью, яко вниде въ храмъ, идѣ же бѣ Князь сѣде, и се видѣ многія играюща пред нимъ: овы гусленыя гласы испускающи, другія же органныя гласы поющи, инѣмъ замарныя пискы гласящимъ; и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай есть предъ Княземъ. . . .

На этихъ-то пирахъ и раздавались пѣсни Бояновъ.

Въ походахъ образъ жизни былъ другой:

Ходя (Святославъ) возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъ кладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху.

Охота и рыбная ловля были любимыми занятіями Русскихъ князей:

Ловища ея (Ольги) суть по всей землѣ.

Свѣнельдичь былъ убитъ, поссорясь съ Олегомъ, на охотѣ въ Древлянахъ.

Мстиславъ Тмутораканскій изыде на ловы разболѣся и умре.

Ярослава застало за удою извѣстіе о нападеніи Святополковомъ.

Изъ Славянскихъ туземныхъ обычаевъ древнѣйшее извѣстіе о баняхъ:

Дивно видѣти Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо, говоритъ по преданію св. Апостолъ Андрей, видѣхъ бани древены, и пережьгуть è рамяно, совлокуться и будуть нази, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда влѣзуть, ли живи, и обльются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни не мучими никимъже, но сами ся мучять, и то творять не мовенье собѣ, а мученье.

Несторъ такъ описываетъ обычаи Славянскіе:

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаху зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живущи скотьски: убиваху

другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху; живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу, и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

Сватовство Норманнское видно изъ описанія брака Володимерова.

И сѣде (Володимеръ) въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: „хочу пояти дъчерь твою собѣ жену.“ Онъ же рече дъчери своей: „хочеши ли за Вололимера?“ Она же рече: „не хочю розути робичича, но Ярополка хочю.“

И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину. Въ сеже время хотяху Рогънѣдь *вести* за Ярополка.

Многоженство допускалось:

Бѣже Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, идѣже нынѣ стоить сельце Предславино, отъ нея же роди 4 сыны, а 2 дчери, отъ Грекинѣ... отъ Чехинѣ.... а отъ другоѣ, а отъ Болгарыни... а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ въ сельци.

Мужъ давалъ за жену выкупъ, вѣно.

Вдасть (Володимеръ) за вѣно (Грекомъ) Корсунь.

Дасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 800.

Красота уважалась:

Вдаю ю (Грекиню) за Ярополка (Святославъ) красоты ради лица ея.

Дѣти отдавались на воспитаніе:

У Святослава былъ кормилецъ Асмудъ, у Ярослава Будый.

Молодые князья очень рано разсылались на княженіе, какъ сыны Володимеровы, и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ принимали участіе въ войнахъ: Святославъ началъ сраженіе, не имѣя еще силы пустить далеко копье.

Надъ покойниками насыпались курганы.

Ольга, пришедши къ гробу Игореву, велѣла насыпать могилу великую.

Совершались тризны:

Се иду къ вамъ, говоритъ Ольга Древлянамъ... да пристроите меды многи в градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему... Яко соспоша (могилу), и повелѣ трызну творити.

И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имуще презвутеръ; сей похорони блаженную Ольгу.

Князь жилъ въ теремѣ каменномъ, при которомъ былъ обширный дворъ. У князей были загородные дворы: у Володимера въ Кіевѣ сельце Берестовое, у Ярослава въ Новѣгородѣ Ракома.

Туземныя слова для означенія жилищъ: хоромы, клѣти, истобки или истбы. Сѣнями называлась, кажется, верхняя часть дома. Одрины — горница, гдѣ стоялъ одръ, постель; столъ — сѣдалище, стулъ; стрѣхи—навѣсы на дворѣ.

Въ полѣ употреблялись шатры или вежи.

Одежда называлась портами. Корзно — родъ епанчи. Луда—плащъ шерстяной. Платки, убрусы, сапоги, лапти, ковры, поясы. Для ѣзды: воза, кола, сани, сѣдла, узды.

Въ *пищу* употреблялось мясо отъ скота и звѣрины, также и конское, рыба, овощи, медъ, сыта, кисель, хлѣбъ. Мясо варилось и пеклось. Были повара. Кадь, лукно, ведро, латки, лжицы, ножи — вотъ слова, встрѣчающіяся въ памятникахъ о мѣрѣ и вѣсѣ. *Питье*—медъ, вино, квасъ, олуй.

Характеръ народный виденъ въ дѣйствіяхъ.

Война была любимое занятіе Норманновъ. *Оружіе* ихъ: мечи, щиты, копья, сабли, стрѣлы, ножи, брони. Сраженія обращались въ рукопашныя схватки. Войско, раздѣленное на крылья, выстраивалось. Станы или товары, укрѣплялись окопами, города осаждались, брались копьемъ. Употреблялись засады. Предъ воями носились стяги или знамена.

На войнѣ искали Русскіе славы и корысти. Гордость, жестокость, мстительность, къ коей обязывались они и по закону, хитрость, сладострастіе — ихъ пороки. Добродѣтели открыло христіанство, а въ язычествѣ отличались они только доблестями, каковы храбрость, смѣлость, неустрашимость, терпѣніе. Женщины не уступали мущинамъ: примѣры Ольги, Рогнѣды, Ингигерды достаточно свидѣтельствуютъ это.

Касательно *тѣлосложенія* отличались ростомъ и стройностію. Вотъ изображеніе Святослава у Льва Діакона:

„Росту средняго, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми длинными висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плеча широкія, и весь станъ довольно стройный.

Памятники Норманнскаго періода письменные:

Договоръ Олеговъ 911 года.

Договоръ Игоревъ 944 года.

Договоръ Святославовъ 971 года — въ лѣтописи.

Эти договоры, сочиненные сначала, по всѣмъ вѣроятностямъ, на Греческомъ языкѣ, переведены были Болгарскими грамотѣями, которые жили въ Константино-

полѣ, или Кіевѣ, подобно двумъ переводчикамъ В. К. Ольги, пріѣзжавшимъ въ Константинополь съ ея свитой, по свидѣтельству И. Константина.

Церковный уставъ Владимировъ.

Церковный уставъ Ярославовъ.

Самы же примѣчательный для насъ по всѣмъ отношеніямъ памятникъ есть:

Русская Правда В. К. Ярослава, въ коей сохранилось преимущественно туземное нарѣчіе.

Тоже должно сказать и объ уставѣ о мостовыхъ В. К. Ярослава.

Льготныя грамоты Ярославовы пропали.

Памятники Норманнскаго періода вещественные:

Могилы Аскольдова и Олегова.

Основаніе десятинной церкви, сооруженной Володимеромъ Святымъ.

Нѣсколько буквъ изъ надписей.

Храмъ Св. Софіи въ Кіевѣ, основанный Ярославомъ, съ современной мозаикой и живописью 1031 года.

Храмъ Св. Софіи въ Новѣгородѣ, основанный сыномъ его Володимеромъ въ Новѣгородѣ въ 1045 году.

Основаніе церкви Св. Ирины.

Развалины Золотыхъ воротъ Ярославовыхъ 1031 года.

Пещеры Варяжскія.

Пещеры Антоніевы и Ѳеодосіевы.

Изображенія Св. Ольги, Володимера, Бориса и Глѣба на образахъ и житіяхъ въ лицахъ.

Гробница Ярославова.

Монеты Володимерова и Ярославова.

Основаніе Русской Исторіи заключается въ древнѣйшей лѣтописи, монаха Кіевопечерскаго Нестора, жившаго во второй половинѣ XI вѣка.

III.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ

ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ,

ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

III.

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ ИСТОРІЕЙ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА.

Западныя Европейскія Государства обязаны происхожденіемъ своимъ *завоеванію*, которое опредѣлило и всю послѣдующую ихъ Исторію, даже до настоящаго времени.

«Основаніе новыхъ большихъ государствъ,» говоритъ Тьери, одинъ изъ представителей Западной Исторіи въ наше время, «было преимущественно дѣйствіемъ силы; новыя общества устроились изъ обломковъ обществъ древнихъ, разрушенныхъ насильственно; и въ этомъ процессѣ возсозиданія многочисленныя племена лишились, не безъ страданій, своей свободы, и даже имени, замѣненнаго именемъ чуждымъ» (*).

«Сословія высшія и низшія, кои нынѣ наблюдаютъ себя съ недовѣрчивостію, или борются за образъ мыслей и правленія, суть ничто иное, во многихъ странахъ, какъ племена завоеванныя и порабощенныя временъ прежнихъ. Такимъ образомъ мечь завоеванія возобновилъ лице Европы, и, размѣстивъ ея жителей, оставилъ свою древнюю

(*) Thiery, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1830. XV.

печать на каждомъ народѣ, составившемся изъ смѣси многоразличныхъ племенъ. Племя воинственныхъ пришельцевъ сдѣлалось классомъ привилегированнымъ, переставъ быть особливымъ племенемъ. Изъ него произошло воинское дворянство, которое, принимая въ нѣдра свои все, что было честолюбиваго, буйнаго, бродяжнаго, въ низшихъ сословіяхъ, для того чтобъ не перевестись, возобладало надъ населеніемъ трудолюбивымъ и мирнымъ, впродолженіи военнаго правительства, происшедшаго отъ завоеванія. Племя побѣжденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружіемъ, но работою, обитая не въ крѣпкихъ замкахъ, а въ городахъ, образовало общество, какъ бы отдѣльное отъ военнаго союза завоевателей. Этотъ классъ поднялся по мѣрѣ того, какъ ослабѣвала феодальная организація дворянства, произшедшаго отъ древнихъ завоевателей, естесвенно или политически, — можетъ быть потому, что сохранилъ въ стѣнахъ своихъ остатки Римской гражданственности, и съ этой слабою помощію началъ новую цивилизацію» (*).

Вотъ что видятъ Французы и Англичане въ Исторіи своихъ земель, — и это очень вѣрно.

Предлагаю вкратцѣ Исторію Западныхъ государствъ.

Къ одному племени приходитъ другое (къ Галламъ Франки, къ Бриттамъ Норманны, къ Испанцамъ Вестготы, къ Италіанцамъ Лонгобарды и проч.). Пришельцы побѣждаютъ туземцевъ, и поселяются между ними. Предводитель дѣлитъ землю между своими сподвижниками, которые, (феодалы), въ крѣпкихъ замкахъ, становятся господами, угнетаютъ народъ, отдѣляютъ его отъ Государя, — и живутъ на счетъ племени побѣжденнаго. Воз-

(*) Тамъ же. с. IX,

никаетъ непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе должна бываетъ таиться. Только въ городахъ укрываются немногіе жители, кои въ теченіи вѣковъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій и жертвъ, мало по малу, съ величайшимъ трудомъ освобождаются отъ ихъ вліянія, и успѣваютъ пріобрѣсти себѣ независимость, при помощи Королей, которымъ феодалы были также тяжелы. Въ городахъ образуется среднее сословіе, а при дворѣ аристократія, происходящая отъ феодаловъ, которые переходятъ туда изъ замковъ, присвоиваютъ себѣ всѣ привилегіи, и начинаютъ угнетать народъ подъ другою формою. Среднее сословіе послѣ оборонительной войны предпринимаетъ наступательную, стремясь уравниваться мало по малу съ привилегированной аристократіей. Она не уступаетъ, и борьба сихъ двухъ сословій оканчивается революціей, которой исторію Наполеонъ выразилъ въ четырехъ словахъ: Галлы свергли иго Франковъ (*).

Въ наше время низшіе классы, вслѣдъ за среднимъ, являются на сцену, и точно какъ въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на Западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сенсимонисты, соціалисты, коммунисты, соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ Французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно, и не сдѣлаютъ уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ Нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники,

(*) См. Ласъ Казаса.

судя напримѣръ по просьбамъ Манчестерскихъ фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати, въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать Гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается крѣпче на Западѣ.

Всѣ эти происшествія, прошедшія, настоящія и будущія, имѣютъ тѣсную связь между собою, составляютъ одну цѣпь, и ведутъ свой родъ совершенно генеалогически отъ завоеванія, т. е. отъ начала Западныхъ Государствъ.

Завоеваніе, раздѣленіе, феодализмъ, города съ среднимъ сословіемъ, ненависть, борьба, освобожденіе городовъ, — это первая трагедія Европейской трилогіи.

Единодержавіе, аристократія, борьба средняго сословія, революція, — это вторая.

Уложенія, борьба низшихъ классовъ. . . будущее въ руцѣ Божіей.

Исторіи Западныхъ Государствъ, повторю, представляютъ однѣ и тѣ же явленія только съ немногими отличіями, смотря по количеству, качеству, соразмѣрности и прочимъ отношеніямъ ингредіентовъ начала (*).

(*) Древняя политическая Исторія Европы, т. е. Греческая и Римская, представляютъ совершенное подобіе съ новыми въ этомъ отношеніи. Вся Исторія Рима отъ Ромула до Цезаря есть ни что иное, какъ борьба Патриціевъ съ Плебеями, которые уравнялись, увы, уже подъ военнымъ диктаторствомъ Цезаря. У Грековъ тѣ же отношенія выразились въ соперничествѣ Аѳинъ и Спарты, въ войнѣ Пелепонесской, пока Филиппъ и Александръ не положили имъ также конца; Цезарь и Александръ совершенно соотвѣтствуютъ Наполеону, а Исторія Французской революціи есть кровавая миніатюра всѣхъ Западныхъ Исторій. (См. мои Историческіе афоризмы. 1835.)

Обратимся теперь къ Русской Исторіи, и посмотримъ, представляетъ ли она эти главныя, характеристическія явленія Западныхъ Исторій.

Съ перваго взгляда мы примѣчаемъ, что у насъ, въ началѣ ея, нѣтъ рѣшительно ни одного, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ: нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы. . .

Отъ чего такое различіе?

Западныя явленія, какъ мы видѣли, тѣсно связаны съ своимъ началомъ, изъ котораго онѣ непосредственно проистекаютъ: такъ точно и наши явленія, наша Исторія, должны быть связаны съ нашимъ началомъ. Если слѣдствія различны, то и начала различны.

Дѣйствительно, мы имѣемъ положительное сказаніе Лѣтописи, что наше Государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на Западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происходитъ отъ призванія, безпрекословнаго занятія, и полюбовной сдѣлки.

Призваніе и завоеваніе были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою, — но раздѣлялись!

Взгляните на два зерна: онѣ почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе, — но дайте срокъ, дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырости, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другаго пальма, или какое нибудь нѣжное, благоуханное растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно въ цвѣтахъ и плодахъ.

Вотъ два шара, употреблю другое сравненіе, совершенно равные. Положите ихъ на одно мѣсто рядомъ, ударьте ихъ съ одинакою силою, — но случись одной линіи, какому нибудь легкому непримѣтному склоненію, раздѣлить толчекъ, — шары понеслись въ разныя стороны, и чрезъ нѣсколько времени вы видите ихъ въ безпредѣльномъ между собою разстояніи. Ничтожная разница въ первомъ толчкѣ, измѣняя направленіе, рѣшаетъ ихъ судьбу, и переноситъ на противоположныя точки.

Такъ и въ Исторіи Государствъ: малѣйшее различіе въ началѣ производитъ огромное различіе въ послѣдствіяхъ.

Разсмотримъ теперь политическія явленія, сопровождавшія наше начало, сравнительно съ Западными, коихъ генеологія выше объяснена.

Составныя части, элементы Государства, въ первый періодъ его происхожденія, суть: государь, народъ, раздѣляющійся на сословія (*) — высшее (дворянство), среднее (собственно такъ называемое, промышленное, городовое), низшее (сельское), и земля.

Будемъ говорить о каждомъ элементѣ порознь.

ГОСУДАРЬ,

САМЪ ПО СЕБѢ.

Первый нашъ Князь — Рюрикъ призванъ былъ добровольно въ Новгородъ, Олегъ принятъ въ Кіевъ безъ сопротивленія. Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя,

---

(*) По принятой номенклатурѣ, коей одобрить нельзя.

завоевателя, какія питали Западные Государи; тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніи. Нашъ Государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты.

И отношенія его были совершенно другія, чѣмъ на Западѣ, — къ Боярамъ, городамъ, народу.

КЪ БОЯРАМЪ.

На Западѣ Король былъ *обязанъ* своимъ сподвижникамъ, (Герцоги, Дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ Князь не имѣлъ *никакихъ обязанностей* къ Боярамъ, большею частію его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды; не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ необходимыхъ услугъ — и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его.

КЪ НАРОДУ.

Съ народомъ у насъ Князь имѣлъ дѣло *лицемъ къ лицу*, какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ впрочемъ очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань, — вотъ въ чемъ состояло его отношеніе, — а Западный Государь *отдѣленъ* былъ совершенно своими вассалами.

Переходимъ къ Боярамъ.

БОЯРЕ,

САМИ ПО СЕБѢ.

Бояръ и мужей, соотвѣтствующихъ западнымъ воеводамъ, у насъ было гораздо *меньше*, чѣмъ на Западѣ (въ Галліи, Британіи, Испаніи, Италіи), куда пришли огромныя войска-племена со множествомъ предводителей. Потому-то они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента, а были только переднимъ рядомъ Княжеской свиты, гвардіи, дружины.

ОТНОШЕНІЯ БОЯРЪ КЪ КНЯЗЮ.

Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ *полномъ* распоряженіи Князя, — ближайшіе исполнители его приказаній, — его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойтись всегда. Они зависѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ Князь.

КЪ ЗЕМЛѢ.

Феодалы западные отняли у туземцевъ, *раздѣлили* между собою, какъ добычу, землю, которую покорили подъ предводительствомъ Короля, а наши не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ Князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани*, доходовъ, съ того или другаго города, — какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства.

Феодалы *разсѣялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли *постояннаго* пребыванія, и жили тамъ, гдѣ назначалъ имъ Князь, — преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ. . . . .

КЪ НАРОДУ.

Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ *работать* на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя во враждебное отношеніе къ нимъ, а наши Бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили большею частію въ добромъ согласіи съ ними.

КЪ ГОСУДАРСТВУ.

Феодалы Западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было *одно* малое Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $\frac{10}{10}$, а наше десятичною.

НАРОДЪ И ЗЕМЛЯ.

Земля на Западѣ досталась сполна *пришельцамъ*, а у насъ осталась какъ прежде въ общемъ *владѣніи народа*, подъ верховною, (отвлеченною), властію Князя, который о ней не думалъ, потому что не имѣлъ никакой нужды. *Народъ* на Западѣ, побѣжденный и покоренный, былъ обращенъ въ *рабство*, а у насъ остался *свободнымъ*, какъ былъ, потому что не былъ покоренъ. Вся перемѣна состояла только въ дани, которую онъ началъ платить Князю или его прикащикамъ, дани естественными произведеніями, въ коихъ былъ у него излишекъ, и коихъ дѣвать было некуда — слѣдовательно не отяготительной.

Однимъ словомъ — нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину. Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?

ГОРОДА.

Города на Западѣ съ остатками Римской образованности и гражданственности, сдѣлались пребываніемъ людей особаго званія, занятыхъ промышленностію, а наши города были тѣже села съ одинакими жителями и занятіями, и названы городами потому только, что Князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя или для своихъ мужей и воевъ, и огородили. По этой причинѣ они не могли сдѣлаться особливымъ элементомъ Государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетвореніемъ первыхъ потребностей этого рода, оставалась, какъ прежде, занятіемъ поселянъ.

СОСЛОВІЯ.

Побѣдители и побѣжденные, покорители и покоренные, дали происхожденіе двумъ классамъ на Западѣ, дворянству и рабамъ, — а у насъ не было ни побѣды, ни покоренія, и не началось ни какого различія въ правахъ между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не началось ни дворянства, ни рабства.

Не отъ кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убѣжищныхъ городовъ, не зародилось и третьяго, то есть средняго сословія.

Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ Княземъ.

Надѣюсь, — читатели видятъ теперь ясно происхожденіе, послѣдовательность, связь начальныхъ государственныхъ явленій на нашемъ Востокѣ, — и противоположность ихъ отъ перваго момента съ Исторіей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась въ теченіи послѣдующихъ двухъ сотъ лѣтъ, кои служатъ у насъ продолженіемъ перваго момента, и составляютъ съ нимъ нераздѣльное цѣлое, заключаютъ одно происшествіе, начало Государства, чего опять не представляетъ Западъ:

Кловисъ, Вильгельмъ Завоеватель, Албоинъ и прочіе, покорили Галлію, Англію, Ломбардію, однимъ разомъ, съ твердымъ намѣреніемъ поселиться, и тотчасъ зачали, основали Государства, коихъ окружность ими уже была очерчена. Такое дѣйствіе требовало большихъ усилій, особеннаго напряженія, а сохраненіе пріобрѣтеннаго въ своемъ владѣніи — еще болѣе, чѣмъ и назначались, какъ мы видѣли, всѣ ихъ гражданскія отношенія, опредѣлилась вся Западная исторія. Тамъ Государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ.

Разсмотримъ теперь вліяніе этой долговременности на первоначальныя отношенія, нами выше объясненныя.

Первые Князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не

дорожили, слѣдовательно — какъ сначала имъ ненужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣнія.

Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы съ своею дружиною по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды.

Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность—къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Володимерѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, положили по послѣднему камню основанія, чрезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго прибытія Варяговъ.

Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго Князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.

Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на Бояръ сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Володимеровы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще, можетъ быть, предъявлять какое нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едвали не впродолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Володимеръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ

для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.

Наши мужи по городамъ получали отъ Князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ какъ Феодалы западные, получивъ землю, обязаны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственное его войско. Такимъ образомъ наши Бояре по необходимости были подчинены Князю, и Боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось.

Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться на счетъ Князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости.

Племена Славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя, — оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространились, слѣдовательно, изподоволь, безъ усилій со стороны Князя, безъ непосредственнаго участія Бояръ, безъ отягощенія народа.

Число городовъ увеличивалось, только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани.

Тьери, желая итогомъ изобразить состояніе Франціи, въ эпоху основанія Государства, приводитъ мѣста изъ законовъ Салическихъ:

«Если свободный человѣкъ убьетъ Франка или варвара или человѣка, живущаго подъ закономъ Салическимъ, то повиненъ заплатить пеню въ *двѣсти* су. Если Римлянинъ

владѣлецъ, то есть имѣющій поземельную собственность въ области, гдѣ живетъ, будетъ убитъ, то уличенный въ убійствѣ долженъ заплатить *сто* су. (*)

«Кто убьетъ Франка или варвара на службѣ Короля (truste), тотъ долженъ заплатить *шестьсотъ* су. Если Римлянинъ, гость Короля, былъ убитъ, то пеня въ *триста* су. (**)

«Если кто, собравши войско, нападетъ на человѣка свободнаго, (Франка или варвара), въ его домѣ и убьетъ, то будетъ осужденъ на *шестьсотъ* су. Но если простолюдинъ или Римлянинъ будетъ убитъ такою толпою, то будетъ выплаченъ только *половиною* этой пени. (***)

«Если Римлянинъ наложитъ узы на Франка, бэзъ законной причины, то повиненъ заплатить *тридцать* су. Но если Франкъ свяжетъ Римлянина безъ причины, то повиненъ заплатить *15* с. (****)

«Если Римлянинъ ограбитъ Франка, то повиненъ заплатить *72* су. Если Франкъ ограбитъ Римлянина, то повиненъ заплатить *30* су» и проч. (*****)

Вотъ, говоритъ Тьери, какимъ образомъ законъ Салическій отвѣчаетъ на вопросъ, столь часто подвергаемый разсужденіямъ, о первоначальномъ различіи гражданскомъ между Франками и Галлами.

Развернемъ Русскую Правду, писанную во время Ярославово, въ эпоху окончательнаго основанія Государства,—

(*) Lex Salica. tit. XLIV. § 1 и 15; apud Script. rerum francic. t. IV, p. 147. На нынѣшнія деньги, эти пени простирались, первая до 3000 фр., а вторая да 1500 фр.

(**) Lex Salica. tit XLIV. § 4 и 6 (9000 фр. и 4500).

(***) Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 фр. и 4500).

(****) Ibid. tit. XXXV § 3 4. (450 и 225 фр).

(*****) Lex salica ex MS. codice regio a Joanne Schiltero, tit. XV; apud Script rerum francic. T. IV p, 188, (930 и 450 фр.) Lettres sur l' Histoire de France. Brux. c. 443.

представитъ ли она такую противоположность съ закономъ Салическимъ, какую противоположность мы видѣли въ основаніи Русскаго Государства съ основаніемъ западныхъ Государствъ. Гдѣ искать лучше повѣрки?

«Ажь убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцю, любо сыну, браточаду, любо братню сынови; ожели не будетъ кто его мьстя, то положити за голову.... ачели будетъ *Русинъ*, любо гридь, любо купецъ, любо тивунъ бояреск, любо мечникъ, любо изгои, любо *Словенинъ*, то 40 гривенъ положити зань». (*)

За Русина и Словенина совершено одна пеня! Они слѣдовательно имѣли одинакія права.

Какъ разительно этотъ законъ Русской Правды, замѣчанный Карамзинымъ, противоположенъ съ Салическимъ, и какъ ясно подтверждается имъ различіе въ началѣ государствъ Западныхъ съ Русскимъ! Въ основаніе государства у насъ была положена пріязнь, а на западѣ ненависть. (**)

Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ), отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя.

Физическія: пространство, народочисліе, населенность, почва, климатъ, положеніе, система рѣкъ.

(*) Русскія достопамятности I. стр. 28.

(**) Въ этомъ признаются многіе изъ западныхъ писателей: сенсимонисты даже выходятъ изъ того начала, что вся общественная жизнь у нихъ составлена на началѣ оппозиціи, то есть вражды, слѣдовательно должна быть преобразована!

Нравственныя: народный характеръ, религія, образованіе.

Разсмотримъ, какъ эти отличія содѣйствовали къ произведенію одинакихъ явленій и слѣдствій съ историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство.* Такая обширная страна, какъ Россія Ярославова, (между Балтійскимъ моремъ, Польшею, Карпатскими горами, Новороссійскими степями, Волгою и дальнымъ Сѣверомъ), страна въ нѣсколько разъ болѣе Франціи, Англіи, Ломбардіи, Ирландіи, не могла быть вдругъ, подобно имъ, завоевана; пройти это пространство взадъ и впередъ, вдоль и поперегъ — не достанетъ жизни одного поколѣнія, а покорить, содержать въ повиновеніи, кольми паче. Такъ и было. Монголы послѣ прошли ее, правда, (и то въ немногихъ направленіяхъ), но Монголы ходили многочисленнымъ войскомъ, цѣлымъ почти народомъ, а Норманны могли набѣгать только артелями, съ которыхъ было довольно временной дани.

Итакъ пространство представило невозможность быстраго завоеванія, а другое слѣдствіе отъ этой причины было слѣдующее: земли пустопорожней было много, не такъ какъ на Западѣ, и никто не дорожилъ ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы. Бери всякій, сколько хочешь, — на что же было отъимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное!

II. Народъ туземный (Славянскій) былъ очень *многочисленъ* и единъ по своемъ происхожденію, чего также не представитъ ни одна страна того времени, Галлія, Британія, Италія, заселенныя раньше, получившія много разнородныхъ обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло вліяніе, коему невольно подчини-

лись малочисленные пришельцы. Норманны разошлись въ Славянскомъ населеніи, подобно каплѣ вина въ водѣ, такъ что ихъ стало невидно, лишь только прекратились сѣверные выселки, и они остались одни, т. е., послѣ Ярослава. А на Западѣ наоборотъ: тамъ взяли преимущество пришельцы, и наложили свою печать на туземцевъ. Тамъ Галлы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, стали Франками, а у насъ Варяги-Русь Славянами.

Надобно впрочемъ прибавить, что Славяне, воспріявъ въ нѣдра свои Норманновъ, удержали при себѣ доставленные ими дары, гражданство и Христіанство.

Замѣтимъ еще вотъ что: многочисленность внушаетъ всегда уваженіе къ себѣ. Князья, и особенно ихъ мужи, находясь часто съ немногими помощниками, вдали отъ своихъ жилищъ, среди многочисленныхъ обществъ, въ невыгодной для себя пропорціи, должны были естественно, изъ опасенія, воздерживаться отъ лишнихъ притѣсненій, еслибъ даже когда и представлялся имъ поводъ или случай, — что и содѣйствовало къ поддержанію добраго согласія и пріязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселеніе* не сплошное, но раздѣленное лѣсами, степями, болотами, рѣками, безъ большихъ дорогъ, при трудныхъ сообщеніяхъ, препятствовало въ 9-мъ столѣтіи всякому потоку завоеванія, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдругъ идти далѣе, не осмотрѣвшись на мѣстѣ, а это требуетъ времени. Всѣ походы производились по рѣкамъ, а страны, лежавшія вдали отъ оныхъ въ глуши, по сторонамъ, въ заволочьяхъ, оставались долго въ покоѣ, пока Князья распространились по всѣмъ городамъ, откуда уже могли, на досугѣ, ходить направо и на лѣво.

IV. Земля *бѣдная,* обильная только главными естественными произведеніями, удовлетворяющими первымъ нуждамъ, голоду и жаждѣ, и то за трудъ, съ потомъ и кровью, земля, недоставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Что взять было Князьямъ, Боярамъ, отъ бѣдныхъ жителей ея? Они спѣшили на промыслъ въ другія богатыя мѣста, подъ Царьградъ, къ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей. Уже только тогда, какъ пути были преграждены, ни домой на Сѣверъ, ни въ Грецію на Югъ, и дѣваться было некуда, они, между тѣмъ привыкнувъ къ землѣ и жителямъ, остались жить на неблагодарной почвѣ. Совсѣмъ не то на Западѣ, гдѣ пришельцы нашли себѣ рай земной, въ сравненіи съ ихъ отчизной, изъ коего некуда имъ было желать болѣе.

V. *Климатъ* суровый, холодный, заставлялъ обитателей жить дома, около очаговъ, среди семействъ и не заботиться о дѣлахъ общественныхъ, дѣлахъ площади, куда выходили они только въ крайней нуждѣ, предоставляя всѣ съ охотою Князю и его Боярамъ, чѣмъ отстранялось всякое столкновеніе и раздоры.

VI. *Положеніе* равное, безъ горъ, одинакое, содѣйствовало одинаковости отношеній, гражданскому равенству — вездѣ однѣ и тѣже выгоды и невыгоды. Некому и нечѣмъ было воспользоваться. Феодалу негдѣ было бы выстроить себѣ замка, онъ не нашелъ бы себѣ неприступной горы, — да и камня нѣтъ на строеніе, а только сгараемый лѣсъ.

VII. *Система рѣкъ,* текущихъ внутри земли, странное отдѣленіе отъ всѣхъ морей (Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго), вслѣдствіе принадлежности устьевъ иноплеменникамъ, мѣшали туземцамъ приходить въ соприкосновеніе съ другими народами, получать новыя понятія, узнавать чужія выгоды и невыгоды, и судить о своихъ.

Мы оставались одни, и шли своей дорогою, или, лучше, сидѣли дома, въ мирѣ и покоѣ, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различія нравственныя:

VIII. *Характеръ* Славянскій. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ доказательства, что однѣ свойства имѣетъ сѣверный человѣкъ, другія южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрѣе, чѣъ у другаго; что каждый народъ имѣетъ свой характеръ, свои добродѣтели и свои пороки. Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Славянахъ, то есть западныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія, исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, не раздражали ничѣмъ, — и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ — стали платить ему, пришелъ Олегъ — точно также. Кому вы даете дань, спрашиваетъ Олегъ Сѣверянъ. Козарамъ. Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, — и Сѣверяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушіе, противоположныя западной раздражительности, содѣйствовали къ сохраненію добраго согласія между двумя народами (*)

IX. *Религія*. Варяги язычники встрѣтились у насъ съ Словенами-язычниками, и оставляли одни другихъ въ покоѣ. А западные завоеватели встрѣтились съ Христіанами,

---

(*) Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ они стояли за себя: такъ Древляне убили Игоря, такъ Словене раздѣлались съ буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей.

и начали дѣйствовать другъ противъ друга, — новый источникъ ненависти, котораго у насъ не было.

Впослѣдствіи Варяги приняли Христіанскую вѣру, и распространили ее между Славянами, принявшими ее также по своему характеру, безъ сопротивленія, а на Западѣ на оборотъ. У насъ пришельцы сообщили Религію туземцамъ, а тамъ туземцы пришельцамъ.

И вѣра принята у насъ Восточная, во многомъ противоположная Западной. Тѣ получили ее изъ Рима, а мы изъ Константинополя. Не мѣсто входить здѣсь въ показаніе отличій между обѣими церквами; мы укажемъ только на тѣ, кои соотвѣтствуютъ вышеописаннымъ политическимъ отличіямъ: западная болѣе стремится внѣ, восточная углубляется внутрь; у нихъ пропаганда, у насъ сохраненіе; у нихъ движеніе, у насъ спокойствіе; у нихъ инквизиція, у насъ терпимость. Дѣйствуя внѣ—западная церковь вошла по необходимости въ соприкосновеніе съ свѣтскою властію, и получила на время преимущество надъ ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила свѣтскую власть дѣйствовать, какъ ей угодно.

X. *Образованіе*. У западныхъ племенъ, къ коимъ пришли завоеватели, было уже образованіе,—и гражданское, и умственное,—кромѣ религіознаго, о коемъ мы сейчасъ говорили. Каково же было имъ разстаться съ этими сокровищами въ жертву варварамъ! А у насъ гражданскаго образованія не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы некоснулись. Новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ къ старому и гнилому. Ихъ зданіе выстроено на развалинахъ, а наше на нови. Мы получили гражданское образованіе отъ пришельцевъ, а западные племена дали имъ.

Столько различій положено въ основаніе Русскаго Государства сравнительно съ Западными! Незнаешь, которыя сильнѣе: историческія, физическія или нравственныя! Каковы же онѣ вмѣстѣ, дѣйствуя одно на другое, укрѣпляя себя взаимно, приводя къ одному концу!

Эти различія развивались впослѣдствіи, и представляли изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіею Западныхъ государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,— противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, не смотря на всѣ усилія, преобразованія, перевороты, время. . .

Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду разсуждая о Русской Исторіи, въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другія, можетъ быть, драгоцѣннѣйшія, потому что ихъ нѣтъ индѣ.

Предложу для ясности простое сравненіе: хорошолибъ мы поступили, еслибъ бросили рожь—нашу кормилицу, и принялись вездѣ сѣять маисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должныбъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи.

Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени

проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другаго; но смѣло можно сказать даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, т. е. своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западной масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ.

IV.

ПЕРЕВОДЪ ОТРЫВКОВЪ ИЗЪ ПИСАНІЙ ИЛАРІОНОВЫХЪ.

см. выше с. 122.

Единъ сый отъ Троицы—въ двухъ естествахъ: Божескомъ и человѣческомъ; совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по Божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) Божескія и человѣческія: какъ человѣкъ, возрасталъ во утробѣ матерней, и какъ Богъ, исшелъ не рушивъ дѣвства; какъ человѣкъ, питался матернимъ млекомъ, и какъ Богъ, повелѣлъ Ангеламъ съ пастырями воспѣвать: *слава въ вышнихъ Богу;* какъ человѣкъ, повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ, путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ, возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ, принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ, бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему *рукотворенная египетская* (Ис. 19, 1.); какъ человѣкъ, пришелъ креститься, но какъ Бога, убоявшись Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись вошелъ въ воду, и какъ Богъ, принялъ свидѣтельство отъ Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный...*

.... Спаситель пришелъ, но Израилемъ не былъ принятъ, какъ говоритъ Евангеліе: *во своя пріиде и свои Его не пріяша* (Іоан. I. 11) а язычниками принятъ, какъ предрекъ Іаковъ: *и той чаяніе языкъ* (Быт. 49, 10). Ибо, при самомъ рожденіи Его, волхвы изъ язычниковъ первые поклонились Ему: а Іудеи искали убить Его и за Него избили младенцевъ. Исполнилось слово Спасителя: *яко мнози отъ вос-*

токъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, во царствіи небеснѣмъ. Сынове же царствія изгнани будутъ во тму кромешную. (Мат. 8, 11, 12). И опять: *яко отъимется отъ васъ царствіе Божіе, и дастся языку, творящему плоды его* (21, 43). Къ язычникамъ послалъ Онъ учениковъ своихъ, говоря: *шедше въ міръ весь, проповѣдайте Евангеліе всей твари. Иже вѣру иметъ, и крестится, спасенъ будетъ* (Марк. 16, 15. 16.). И: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19. 20.). И прилично было благодати и истинѣ возсіять наде новыми людьми. Ибо, по слову Господню, *не вливаютъ вина новаго,* то есть ученія благодатнаго, *въ мѣхи ветхи,* обветшавшіе въ Іудействѣ: *аще ли же ни, то просадятся мѣси, и вино пролiется* (9, 17) Когда не могли Іудеи сохранять закона образнаго, но многократно покланялись идоламъ: то какъ могли бы сохранить ученіе благодати истинной? Для новаго ученія нужны новые мѣхи, новые народы, и *обое соблюдется.*

Такъ и было. Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа Русскаго. Воды закона изсохли, а источникъ Евангелія наполнился воды́, — покрылъ всю землю, разлился и до насъ....

. . . Добрымъ свидѣтелемъ твоего благовѣрія, о блаженный, служитъ святая церковь Пресвятой Богородицы Маріи, которую создалъ ты на основаніи правовѣрія, въ которой лежитъ нынѣ и мужественное тѣло твое, ожидая трубы Архангельской. Весьма добрымъ и вѣрнымъ свидѣтелемъ служитъ сынъ твой Георгій, котораго сотворилъ Господь преемникомъ по тебѣ на престолѣ: онъ не нарушаетъ твоихъ уставовъ, но утверждаетъ; не уменьшаетъ учрежденій твоего благовѣрія, но еще распространяетъ; не искажаетъ, но приводитъ въ порядокъ. Онъ недоконченное тобою окончилъ, какъ Соломонъ предпріятія Давидовы; создалъ домъ Божій великій и святый, въ честь Его Премудрости, на освященіе твоему граду, и украсилъ его всякими украшеніями: золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, дорогими сосудами, такъ что церковь сія заслужила удивленіе и славу у всѣхъ окружныхъ наро-

довъ, и не найдется подобной ей во всей полунощной странѣ отъ востока до запада. Онъ и славный городъ твой Кіевъ обложилъ величіемъ, какъ вѣнцемъ, и предалъ народъ твой и городъ святой, всеславной, скорой помощницѣ Христіанъ, Богородицѣ, которой создалъ и церковь на великихъ вратахъ, въ честь перваго праздника Господня, Святаго Благовѣщенія, такъ что привѣтствіе Архангела Дѣвѣ можно приложить и къ сему городу. Дѣвѣ сказано было: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук, 1, 28)! А граду можно сказать: радуйся благовѣрный граде; Господь съ тобою!..

...Встань отъ гроба твоего, *честная главо!* Встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на возлюбленнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей,— и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее Христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами Святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись, и восхвали благаго Бога, строющаго все сіе.

Но ты уже и видишь, хотя не тѣломъ, но духомъ. Господь даетъ тебѣ видѣть все сіе.—И такъ, радуйся и веселись, что сѣмена вѣры, тобою посѣянныя, не изсушены зноемъ невѣрія, но, орошенныя дождемъ Божія благопоспѣшенія, расплодились изобильно. . . . Радуйся учитель нашъ и наставникъ благовѣрія!

V.

ПЕРЕВОДЪ ПРАВДЫ РУССКОЙ,

ПО ЭВЕРСУ.

см. выше с. 118.

1. Если мужъ убьетъ мужа, то мстить за брата брату, за отца сыну, за сына отцу, или сыну братнину, или сыну сестрину. Если не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать 40 гривенъ; будетъ ли убитый Русинъ или гриденъ, или купецъ, или ябетникъ, или меченосецъ. Если то будетъ и Изгой или Словенинъ, также полагается 40 гривенъ.

2. Или если кто будетъ избитъ до крови или синихъ пятенъ, то такому человѣку не искать очевидцевъ. Если же на немъ не будетъ никакихъ знаковъ, то онъ обязанъ представить свидѣтелей: и буде не можетъ того сдѣлать, то и конецъ дѣлу. Если кто не въ состояніи мстить за себя, то взять ему 3 гривны, да лѣкарю плата.

3. Если кто кого ударитъ палкою, или жердью, или пястью, или чашею, или рогомъ, или тупой стороною меча, тотъ платитъ 10 гривенъ. Если бы его и не настигли, то все онъ платитъ 10 гривенъ битому, чѣмъ и кончится дѣло.

4. Если кто кого ударитъ мечемъ или его рукояткою, съ того взыскать 12 гривенъ за обиду.

5. Но если кто кого ударитъ по рукѣ, и рука отвалится или отсохнетъ, то платитъ 40 гривенъ. Если нога останется цѣла или жъ только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненаго смирять дерзкаго.

6. Если кто отсѣчетъ у кого какой нибудь палецъ, тотъ платитъ за обиду 3 гривны.

7. За выдернутый усъ 12 гривенъ; за клокъ бороды тоже.

8. Если кто вынетъ мечъ, и однакожъ не ударитъ, тотъ платитъ гривну.

9. Если мужъ толкнетъ мужа отъ себя или къ себѣ, то платитъ 3 гривны; только обиженный долженъ представить двухъ свидѣтелей; если же это будетъ Варягъ или Колбягъ, то онъ даетъ только присягу.

10. Если рабъ укроется или у Варяга, или у Колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ спознаетъ его въ третій день: то хозяину взять своего раба, да 3 гривны за обиду.

11. Кто безъ спросу поѣдетъ на чужой лошади, тотъ платитъ хозяину 3 гривны,

12. Если кто возметъ чужую лошадь, или оружіе, или одежду, и хозяинъ спознаетъ ихъ у кого нибудь въ своей округѣ, то онъ имѣетъ право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны.

13. Но если хозяинъ спознаетъ свою вещь, однакожь не получитъ ея, то онъ не вправѣ сказать тому, въ чьихъ рукахъ та вещь остается: это мое, но долженъ сказать ему такъ: пойдемъ со мною на сводъ; отыщемъ, у кого ты взялъ это. Если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на 5 дней.

14. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, если кто станетъ искать чего-нибудь на другомъ, а сей начнетъ запираться, то истецъ долженъ идти съ нимъ на изводъ передъ 12 гражданъ. И если по изслѣдованію окажется, что отвѣтчикъ поступилъ не право, не давая требуемой вещи, то истецъ въ правѣ взыскать съ него свой скотъ, да за обиду 3 гривны.

15. Если кто, спознавъ своего раба, захочетъ взять его; то отвѣтчикъ долженъ вести господина къ тому, у кого онъ купилъ спознаннаго раба, а сей обращается ко второму, второй къ третьему; здѣсь господинъ долженъ сказать третьему: ты мнѣ отдай твоего раба, а свой скотъ отыскивай при очевидцѣ.

16. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ, а господинъ не захочетъ выдать его, то платитъ господинъ за него 13 гривенъ. Послѣ, ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, имѣетъ право бить его.

17. Если кто испортитъ у кого копье, или щитъ, или одежду, и пожелаетъ испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то съ него скота. Но если бы онъ испорченнаго не захотѣлъ удержать за собою, то платитъ ему скота столько, сколько бы онъ самъ заплатилъ за тѣ вещи.

VI.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ВЛАДИМИРА СВЯТАГО.

см. выше с. 120.

(Списокъ краткой редакціи. См. у Пр. Макарія въ Исторіи Русской Церкви, и въ собраніи Лазаревскаго и Утина с. 393).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ Князь Великій Василей, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ, блаженныя Ольги, усприялъ есмь крещеніе святое отъ Греческихъ царей Константина и Василья, и Фотѣя Патріарха, узяхъ перваго Митрополита Михаила на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую. И по томъ лѣтомъ минувшимъ създахъ церковь святую Богородицу, и дахъ десятину къ ней по всей земли Руской Княженія отъ всего суда 10-ый грошъ и на торгу 10-ую недилю, Изъ домовъ на всякое лѣто 10-ое всякаго стада і всякаго живота, чюдной Матери Божіи и чюдному Спасу. I потомъ воззрѣхъ въ Греческій Номоканунъ и обрѣтохъ въ немъ, яже не подобаетъ мнѣ тяжъ и судовъ судити князю, ни бояромъ, ни судьямъ его, и згадавъ азъ с своею княгинею Анною и с своими дѣтми, далъ есмь святой Богородицы и Митрополиту и всѣмъ Епископомъ, а ты не втупаютъ ни дѣти мои, ни унуци мои, ни родъ мой, въ люди церковныя і во всѣ суды, і по всѣмъ городомъ далъ есмь і по погостомъ и по свободамъ, гдѣ крестьяне суть, а кто уступитъ на мое даніе судъ мнѣ съ тѣмъ передъ Богомъ; далъ есмь роспуты, смилное, заставаніе, умыканіе, пошибаніе помежи мужемъ и женою, о животѣ или о племени или о сватовствѣ поимутся, вѣдство, урѣканіе, узлы, зелье, еретичество, зубоядѣніе, иже отца и матерь бьютъ, или сынъ и дочи бьется, иже истяжутся о задницы. Митрополичи люди церковны, игуменъ, игуменія, поповичеве, черпецъ, черница, дьяконъ, дьяконовая, проскурница, пономарь, вдовица, калика, сторонникъ, задушный человѣкъ, прикладникъ, хромецъ, слѣпецъ, дьякъ, и вси причетницы церковныи, аще кто ихъ внидетъ в вину, судити тѣхъ Митрополиту и Епископомъ, опричини міряпъ.

VII.

ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВЪ ЯРОСЛАВА.

(См. Карамзина т. II. пр. 108).

Се азъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володимерь, по данью отца своего сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, аже не подобаеть сихъ тяжь судити Князю и Бояромъ. Далъ есмь Митрополитомъ и Епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ Крестьянство есть. Аже кто умчить (уведетъ или похититъ) дѣвку или насилить, аже Боярская дчи (дочь) за соромъ (срамъ) ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а *меньшихъ* Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей (ихъ дочери) за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ (съ похитителей) по гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнить. Аже кто пошибаеть (ударитъ) Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота, а нарочитыхъ людей (именитыхъ гражданъ) 3 *рубли,* а простой чади (за дочь простаго гражданина) 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнить. — Аже пустить Бояринъ *великъ* жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ; а Князь казнить. Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть (родитъ) обличивъ ю понятии въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить (т. е. родные олжны выкупить преступницу). Аже дѣвку умолвить (пригласитъ) кто къ себѣ и дастъ въ толоку — (позволитъ кому наглымъ поступ-

омъ оскорбить ея цѣломудріе) — на умолвицѣ (съ того, кто звалъ ее къ себѣ) Епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ (съ обидчиковъ) по рублю, а Князь казнить. Аже мужъ отъ жены блядеть, Епископу въ винѣ (виноватъ предъ Епископомъ) а Князь казнить. Аже мужъ оженится иною женою, съ старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный — (чтобы родные выкупили ее) — а съ старою жити. Аже женѣ лихій недугъ болить, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити (не разводиться съ нею) такоже и женѣ не лзѣ пустити мужа. Аже кумъ съ кумою створить блудъ, Епископу гривна золота, и въ епитемьи. Аже кто *зажжетъ дворъ или гумно* или что иное, Епископу 100 гривенъ, а Князь казнить. Аже кто съ сестрою согрѣшить, Епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону. Аже ближній родъ (ближняя родня) поймется, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примуть. Аже двѣ жены кто *водить* — (возметъ, и потому Несторъ называетъ Владиміровыхъ женъ *водимыми*) — Епископу 40 гривенъ, а которая подлегла (то есть по слѣдняя), та пояти въ домъ церковный, а первую держати по закону; а иметь лихо водити ю — (если будетъ не хорошо обходиться съ нею) — казнью казнить его. Аже мужъ съ женою по своей воли распуститься, Епископу 12 гривенъ; а *буде не вѣнчался,* Епископу гривенъ. Аже кто сблудитъ съ черницею, Епископу сто гривенъ, а съ животною 12 гривенъ, а въ епитимью вложить. Аже свекоръ съ снохою сблудить, Епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону. Аже кто съ двумя сестрами падется (попадется), Епископу 30 гривенъ. Аже кто съ мачихою сблудеть, Епископу 40 гривенъ. Аже два брата будутъ со единою женою, Епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный. Аже дѣвка не всхощеть замужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить (дѣвка) надъ собою, отецъ и мати Епископу въ винѣ, а исторъ (проторь) имъ платити; тако же и отрокъ (т. е. они виноваты, если и сына женятъ насильно). Аже кто зоветь чужу жену блядью Великихъ Бояръ (т. е. ихъ жену) за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а казнить; а будеть (жена) меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гривны а Епископу 3 гривны золота; а будеть (жена) городскихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а Епископу 3 гривны серебра; а сель-

скихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна серебра. Аже постриже́ть голову или *бороду*, Епископу 12 гривенъ, а Князь казнить. Аже мужъ иметь красти коноплю или ленъ и всякое жито, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы; тако же и женка, иже иметь красти (если и женщина украдетъ). Аже мужъ крадеть бѣлые порты или полотна, портищи и поневы (понявы) тако же и жинкѝ, Епископу въ винѣ со Княземъ наполы. Свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство аже что чинится, платять виру Князю наполы со Владыкою. Аже мужа два бьеться, одинъ другаго укусить или одереть, Епископу 3 гривны. Аже мужъ бьеть чюжу жену, за соромъ ей по закону, а Епископу 6 гривенъ. Аже сынъ бьеть отца или матерь, да казнять его волостельскою (гражданскою) казнію, а Епископу въ винѣ. — Аже Чернець, или Черница, или Попъ, или Попадья, или проскурница (просвирница) впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити Епископу опрись (опричь) міранъ, и во что ихъ осудить воленъ. Аже Попъ или Чернецъ упьются безъ времени (не вовремя) Епископу въ винѣ. Аще Чернецъ или Черница разстрижеться, Епископу въ винѣ, во что ихъ обрядить (осудить). А что дѣется въ домовныхъ людехъ и въ церковныхъ и въ монастырехъ, а не вступаються Княжи волостели въ то, а то вѣдають Епископли волостели, и *безатщина* ихъ — (думаю, *беззадщина*, имѣніе человѣка умершаго, который не оставилъ наслѣдниковъ) — Епископу идеть. — А кто уставленіе мое порушить (нарушитъ) или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или отъ рода моего кто, или отъ Бояръ, а порушить рядъ мой и вступиться въ суды Митрополичи, что есми далъ Митрополиту и Епископомъ по всѣмъ городомъ, по правиломъ Святыхъ Отецъ судивше казнити по закону, а кто иметься въ тѣ суды въ церковныя вступати, Крестьянско (Христіанское) имя не наречеться на томъ, а отъ Святыхъ да будетъ проклятъ.

VIII.

ПѢСНЬ ГАРАЛЬДОВА.

см. выше с. 113.

(Anti quitates Rossicae, II. c. 57).

Ita cum Trandis congressi sumus,
ut illi numero prævaluerint;
erat profecto, quod conseruimus,
pertinax et atrox prælium;
juvenis ab juvene rege, qui
prælio cecidit, disjunctus sum;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Nos una sedecim o femina,
in quatuor interscalmiis
sentinam exhausimus, invalescente
æstu; navis onerata salo adspersa est;
opinor, desidiosum quemquam
multo minus eo navigaturum;
tamen puella, Gardis quae est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

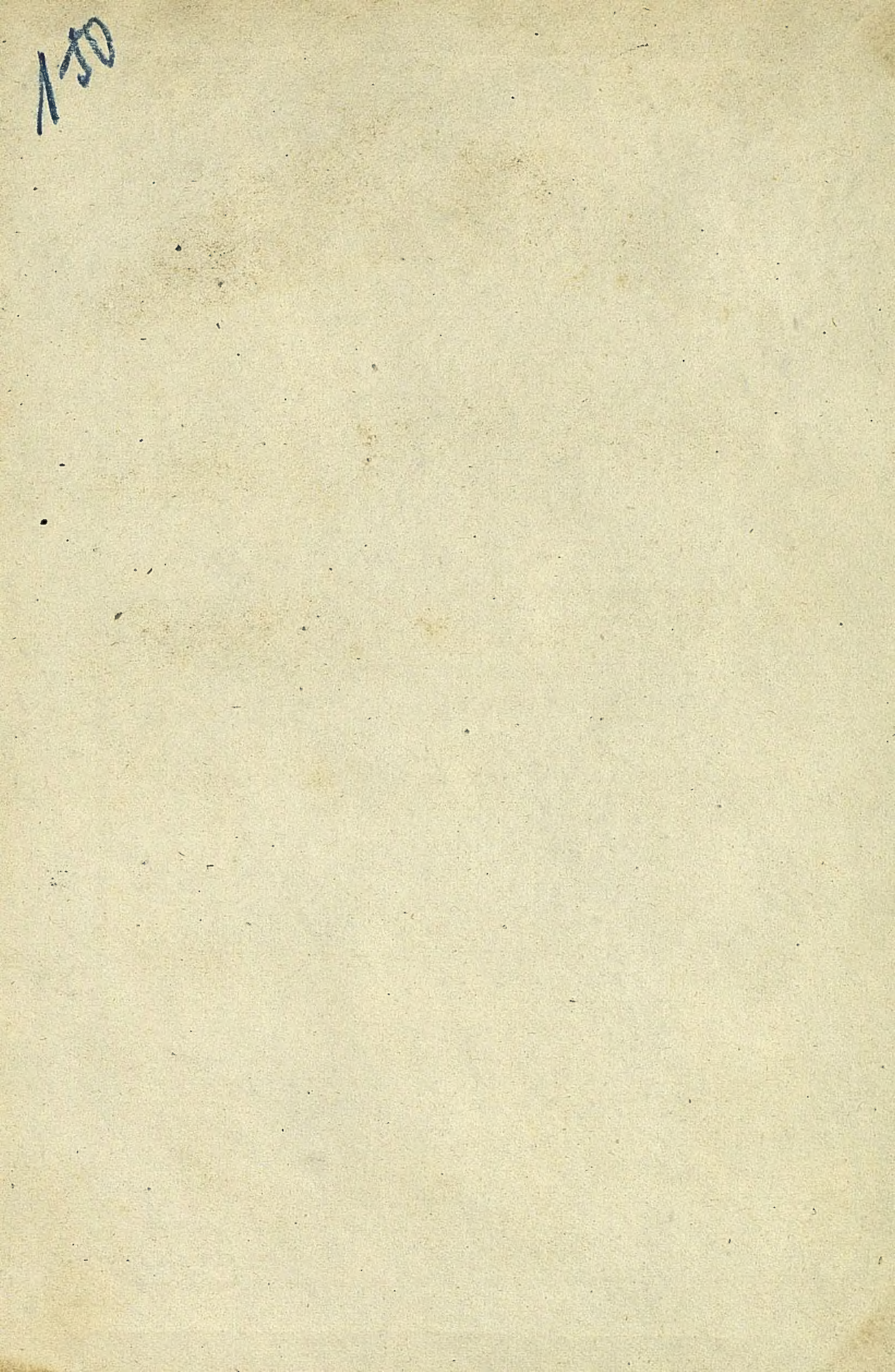
Octo artes calleo:
carmen facere possum,
equitandi bene sum peritus,
subinde nando me exercui,

cursorii perticis labi didici,
non imperitus jaculandi et remigandi;
tamen puella, Gardis quæe est,
annulo au reoornata, me fastidit.

Præterea neque femina, neque
juvenis virgo infitias ibit,
nos mane in oppido australi
fuisse, ubi enses vibravimus,
ferroque et armis grassati sumus,
ibi rerum gestarum indicia sunt;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Ego natus sum, ubi
Upplandi arcus torserunt,
nunc naves bellicas, rusticis
invisas, facio ad scopulos natare;
multis locis, ex quo deduximus
navem, prora ruimus undas;
tamen puella, Gardis quæ est,
annulo aureo ornata, me fastidit.

Основанія предложеннаго повѣствованія заключаются въ семи томахъ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о Русской Исторіи 1846—1856. Томы 8 и 9 поступятъ вскорѣ въ печать.

150

